

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

**Звезда
российского
нуара**

**Андрей
Ильин**

Ненависть

Наш мир страшен непредсказуемостью. Рушатся привычные модели, меняются границы допустимого, люди боятся войны и хотят ее. Обыденная жизнь может за мгновение измениться и нет возврата к прошлому. Преподаватель института в одночасье теряет все, безжалостная судьба вышвыривает его из уютного кабинета в мир, где каждый за себя, где нельзя рассчитывать сочувствие и доброту И даже любовь чаще всего подделка.

Андрей Юрьевич Ильин

Ненависть

Слякотная гадость на асфальте вот-вот превратится в снег пополам с грязью. Апполинарий Кольшев, преподаватель педагогического института, торопится на работу. Несмотря на то, что он стал выходить из дому аж на целых десять минут раньше, на остановке маршрутки все равно колышется толпа. Из таких же «умных». Апполинарий становится в очередь. Снег пополам с дождем на время прекращается, стоящая впереди девушка тут же сбрасывает капюшон курточки. Привлеченный необычайно ярким пятном на общем унылом фоне, Апполинарий взглянул и моментально разочарованно отворачивается — редующие кудряшки выдают настоящий возраст «девушки».

Апполинарий Кольшев унаследовал от папы с мамой высокий рост, широкие плечи и сутулую спину. Последнее по большей части от того, что слишком много проводил времени за письменным столом. Прилежный ученик в школе и институте, он никогда не занимался глупостями вроде футбола или заморского рукопашного боя. Его целью было получать самые лучшие оценки преподавателей и Апполинарий этого достигал необыкновенной усидчивостью и старанием. К выпускному курсу студент Кольшев заработал самые лестные отзывы преподавателей, а от сокурсников получил кличку «долбежник». Туловище скособочилось, фигура в профиль напоминала вопросительный знак. Густая шевелюра поредела, появился солнечный остров лысины в обрамлении волос. Руки вытянулись в «грабли», круглое лицо украсила бородка клинышком а ля Феликс Эдмундович. От продолжительного чтения и работы за компьютером зрение село, пришлось носить очки. Для «понта» Апполинарий приобрел пенсне и теперь, когда приходилось выступать на семинарах, всегда водружал «велосипед» на шнобель.

Папа бросил семью несколько лет назад. Мама работала преподавательницей древних языков на факультете филологии. Надо ли говорить, что и сынок стал учиться в том же институте, а после окончания остался в аспирантуре на кафедре. Сейчас мама на пенсии, Апполинарий «препод». Разумеется, тех самых древних языков. Ему двадцать семь, он уже раз был женат на сокурснице — хорошо, что дело закончилось без детей! — и пять лет успешно косил от армии. Удалось. Военных Апполинарий не любил, считал тупыми, грубыми и ленивыми мужиками, живущими за счет солдат и на подачки от налогоплательщиков, то бишь государства. Заняться преподаванием древних языков посоветовала мама. Это довольно редкая профессия и не потому, что трудная, а потому, что скучная. Ну какого нормального парня или девушку заинтересует мертвый язык, на котором никто не говорит? Его и выучить-то почти невозможно. Другое дело, язык живой. Скажем, французский. На нем говорят десятки миллионов людей, это огромный пласт культуры и потому он интересен. А главное — есть языковая среда. Если вы будете жить во Франции, то научитесь говорить буквально за считанные месяцы.

Овладеть латынью можно только бесконечной зубрежкой суффиксов, префиксов и окончаний ... а потом повеситься.

Переваливаясь на дорожных вмятинах, словно перекормленная такса, подползает автобус. С лязгом распахиваются передние двери, будто пасть железного чудовища и понурые люди суетливо торопятся в теплое, воняющее машинным маслом и резиной, нутро. Рассевшиеся по лавкам, как куры по насестам, пассажиры достают мятые рубли, руки

тянутся в салон, ассигнации уплывают кондуктору, здоровенному детине с электрошокером на поясе и резиновой дубинке. С тех пор, как в стране увеличилась преступность, полицейское снаряжение стали носить даже бабушки консьержки.

До кризиса в страну потоком прибывали эмигранты из ближнего зарубежья и дальней деревенщины в поисках работы и материального благополучия. Под предлогом нехватки рабочей силы их даже приглашали. Власть, местная и центральная, способствовала этому. Автоматизация производства, о которой так много говорили, говорят и будут говорить с самых высоких — и не очень — трибун, дело очень дорогостоящее и хлопотное. Куда проще нанять сотню или тысячу гастарбайтеров. Они вручную сделают то, что выполняет один робот. Технический прогресс дело, конечно, святое, но торопиться не надо. Поспешишь — людей насмешишь и вообще ... Глупость и жадность так называемых «бизнесменов» и продажных чиновников от Москвы до самых до окраин привели к тому, что в стране скопились миллионы иноверцев, открыто ненавидевших Россию и все русское. Пока была работа, помалкивали — гавкать себе дороже. Но когда грянул кризис и от гастарбайтеров стали избавляться, дерьмо пошло по трубам. Банды озверевших от голода и нищеты бывших строителей и дорожных рабочих грабили и убивали среди бела дня. Удивительно, но милиции отдан приказ применять оружие на поражение только в исключительных случаях. Власть, видимо, надеется на скорое окончание кризиса и тогда «новые рабы» понадобятся вновь. На окраинах по ночам происходят настоящие уличные бои — бандиты делят сферы влияния. Раненых и убитых подбирают десятками. Тем не менее, странный приказ отменять никто не собирается. Возможно, объясняется тем, что милицейское начальство просто хочет дожидаться, когда бандиты перебьют друг друга. Так уже было в начале девяностых.

Кондуктор собрал деньги, продавленное кресло сплющивается под весом объемистого зада. Автобус постоял еще несколько минут, двери замедленно схлопнулись, будто створки гигантской раковины, навсегда отделяя пассажиров от холодной улицы. С неторопливостью бронетранспортера маршрутка трогается, по салону веет механическим теплом обогревателя. Апполинарий опускает унылый нос в воротник, прикрывает глаза. Сегодня семинар с группой студентов другого факультета. Для них латынь предмет второстепенный, но обязательный, поэтому есть шанс выбрать симпатичную студентку для «творческой» сдачи сессии. После развода с женой по этим «делам» у Апполинария напряг, девочки по вызову стоят дорого, да и мама все время дома. Институт — самое то! Только вот полированные столы ну совсем не приспособлены для таких «занятий». Стук, грох, опять же звукоизоляция из рук вон плохая. Одним словом, трудностей хоть отбавляй, но не по-мужски сдаваться по пустякам. Только вперед и да здравствуют двоечницы! Убаюканный сладкими видениями о захватывающих приключениях ниже пояса в близком будущем, Апполинарий задремал. Пропустить свою остановку он не боялся — ровно за минуту до открывания дверей включалась внутренняя сигнальная система его организма, глаза распахивались и начинался процесс продиранья сквозь плотную толпу пассажиров к выходу.

Колышев проходит мимо кабинета древних языков — закрыт на косметический (!) ремонт. Семинар состоится в кабинете химии. В деканате так составили расписание пар, чтобы можно было проводить семинары по предметам в разное время. Пока не собрались оболтусы студенты, Апполинарий включает комп, входит в Сеть. Надо с утра почитать прессу, узнать, что творится в мире. А мир переживает последствия Великого Кризиса.

Несмотря на предпринимаемые правительством усилия, количество незаконных мигрантов растет. В так называемых постсоветских странах положение еще хуже. Местные властные элиты с самого начала «независимости» были озабочены тем, чтобы как можно больше наворовать, а когда запахнет жареным, смыться за океан. Когда экономики начали рушиться, эмиграция высокопоставленного ворья из этих стран стала массовой. Государства борются с экономическими и политическими трудностями, как могут. Слабые, зависимые от внешнего финансирования страны переживают кризис особенно тяжело, исчезают с политической карты мира. Их территории делятся между более сильными соседями. Никто не знает, что будет дальше. Хотя, если взглянуть назад, в совсем недавнюю историю, бывало и похуже. Например, после войны разгул преступности был таков, что на политбюро КПСС всерьез решался вопрос о вооружении членов правящей коммунистической партии. Грабежи и убийства по ночам были обычным делом. А что творилось во время Октябрьской революции и после? Ничего, выкарабкались. Победим и сейчас. Слава Богу, правительство решилось таки на свободную продажу оружия. Хреновенького, так называемого гражданского, но и на том спасибо! Теперь даже бабульки ходят в булочную с «пушкой» в кармане и шмаляют в любую подозрительную личность, благо возраст таков, что терять уже нечего. Либеральные демократы предлагают внести изменения в Конституцию; по примеру США закрепить право на свободное ношение оружия. Давно бы так!

В дверь поскреблись, потом створки распахиваются, галдящая толпа студентов вваливается в аудиторию. Апполинарий хмурится, выпячивает нижнюю губу. Вкупе с пенсне это придает строгий вид любителю двоечниц, молодежь почтительно стихает. Наметанным глазом Кольшев сразу вычислил проблемную студентку. Минимальная длина юбки ясно показала Апполинарию — двоечница настроена на твердую четверку. Возможно, даже с плюсом! Кольшев довольно потирает ладони — похоже, день удался! Незаметно проходит тридцать минут. Урок идет своим чередом, студенты отвечают на вопросы, благородная латынь звучит в аудитории на разные голоса. Апполинарий делает вид, что внимательно слушает, а сам косится на аппетитные коленки двоечницы и посматривает на лабораторный стол. Мебель не внушает доверия. Конструкция какая-то непрочная и еще банки с колбами на полке стоят. В стеклотаре жидкость подозрительного цвета и консистенции, пробки сидят плотно, даже закручены и это особенно беспокоит. Мало ли что там за бурда, не дай Бог прольется, поразьедает мебель, полы, отремонтируй потом за свой счет! Мда-а, придется на подоконнике. Апполинарий меряет глазом высоту, ширину — ничего, подойдет, только придется поддерживать за попку ... прорвемся!

Двери распахиваются, в аудиторию врываются трое неизвестных в черных трикотажных шапочках, в вырезах сверкают бешеные глаза. На каждом затертый солдатский бронежилет, в руках пистолеты. Два ствола смотрят в класс, третий тупо уставился в лицо Кольшеву. Один из бандитов — видимо, главарь — кивает. Раздается грохот падающего стула, встает очкастый, щуплый парнишка и его палец тычет на ту самую двоечницу! Двое бандитов бросаются к ней, хватают за руки и тащат к выходу. Растерявшаяся было девушка быстро приходит в себя, кричит, отбивается, но справиться с двумя мужчинами не может. Наводчик очкарик подталкивает в спину, глазенки пугливо шарят по аудитории — как бы не дали по голове. Куда там! Все заморожены страхом, лица белые, глаза пуговицами — слизь расплесканная, а не люди!

Кольшев перепуган так, что даже не может закрыть рот. Остекленевший взгляд прикован к черному кружочку ствола, из которого вот-вот вырвется аккуратненький такой

цилиндрик пули и тогда мозги интеллигента и мыслителя в третьем ... нет, даже четвертом поколении Апполинария Кольшева расплещутся по голубой краске на стене аудитории. Умирать так рано и нелепо, не попробовав всего в этой жизни — а ведь именно ради этого стоит жить, не правда ли? — Апполинарий не хочет. Не в силах вымолвить слово, он только судорожно машет руками. Грабли препода латыни суматошно мелькают в воздухе, ясно давая понять студентам, что сопротивляться нельзя, бессмысленно и опасно для жизни, надобно опустить глаза до полу, принять позу покорности, расслабиться и постараться получить удовольствие ... тьфу, мать его! ... или как там пишут психологи в пособиях для заложников?

Вообще-то правильно, глаза надо прятать. Чтобы не выдать истинных намерений — выбрать момент и вцепиться в глотку зубами! Напиться свежей крови, забрать оружие и перебить всех остальных, пока менты не примчались. Они ведь не дадут убивать гадов, потому что подчиняются законам.

... бандит, что держит на мушке Кольшева, напрягся было — перед ним взрослый мужик! — но быстро понял, что препода делает в штаны, грабли дергаются от страха. Отвлекается, взгляд останавливается на сопротивляющейся девушке. У Кольшева трясутся ноги в коленях. Чтобы не упасть, делает маленький шагок. Руки сотрясает крупная дрожь, растопыренные пальцы задевают полку, пузатая колба на самом верху подпрыгивает и валится прямо на бандита. Хрупкое стекло бьется о плечевую пряжку бронежилета, раздается короткий хруст и мутная густая жидкость потоком заливает человека в маске. Слышится шипение, серый пар клубами поднимается к потолку, острая вонь распространяется по аудитории. Облитый неизвестной дрянью бандит дико кричит. Апполинарий в шоке. Он видит, как стремительно плавится и исчезает ткань, металл дымится, появляются дыры, кожа краснеет, как ошпаренная, вспухают страшные язвы! Кольшев с ужасом понимает, что это концентрированная кислота, серная или азотная, черт ее знает! Преступник сию минуту убьет его, он уже поворачивается! Апполинарий почти теряет сознание от страха, разум отказывается повиноваться. В борьбу за жизнь вступают рефлексy. Правая рука выбрасывается вперед, пальцы, словно клещи, сжимают ладонь бандита вместе с пистолетом и поворачивают. Гремит выстрел. Голова в маске взрывается кровью и чем-то еще серым и бесцветным. Белое лицо схваченной девушки покрывают мелкие красные точки. Тело убитого только начинает движение вниз, как опять оглушительно гремят выстрелы. Апполинарий охвачен ужасом, рука конвульсивно дергается, пули пробивают шеи и челюсти двоих бандитов, что держат девушку. Оба падают замертво. В аудитории воцаряется абсолютная тишина. Слышен тихий треск, рука обожженного кислотой бандита отделяется от тела и остается у Апполинария. Изуродованный труп валится на пол. В клубах вонючего пара плохо видно, глаза слезятся, аудитория расплывается, оторванная рука и пистолет тянет книзу. Спасенная девушка тихо ойкает, глаза закатываются, она медленно опускается на пол без чувств.

Одеревеневший от всего произошедшего Апполинарий поднимает взгляд. Видит белое, как простыня, лицо очкастого студента, отличники и отпрыска приличных родителей. Мальчик, наверно, хотел заработать на карманные расходы — решил помочь знакомым бандитам или просто недорослям, таким же, как сам, повернуть «дело». Одним махом забить бабла на крутую житуху в ближайшие два-три года. Это ведь так соблазнительно, и рыбку съесть, и на ху... сесть! Оно конечно, кто не рискует, тот не пьет шампанское, только большинство любителей шипучего напитка коротает время на лесосеке в местах, очень

отдаленных от мира нормальных людей, за колючей проволокой, под надзором автоматчиков и сторожевых собак. Причем, это если повезет. А то ведь менты и пристрелить могут, чтоб не доводить дело до нудного следствия и суда. Они тоже люди, менты и у них есть понятие о справедливости. Не осознавая до конца, что делает, Апполинарий жмет на курок. Мальчишечье лицо раскалывается на кусочки, словно разбитое зеркало, перебитые на переносице очки почему-то взлетают к потолку, на затылке расцветает грибовидный взрыв крови. В стене, напротив, откалывается громадный кусок штукатурки и с грохотом валится на пол.

В себя Апполинарий пришел только дома, куда его доставила машина скорой помощи. Заботливая врачиха вколола лошадиную дозу заморского «тормозилова», а потом всю дорогу ласково успокаивала низким, грудным голосом. Кольшев слушал вполуха, тряс головой и закатывал глаза. Перед мысленным взором снова и снова возникала страшная картина, в ушах отдавался гром выстрелов, грудь сотрясали рыдания. Женщина в голубом халате опять что-то говорила, но Апполинарий плохо воспринимал внешние звуки. Если ктонибудь мог бы посмотреть со стороны, то внимательный человек заметил, что в глазах врача глубоко-глубоко прячется презрение к перепуганному до заикания здоровому мужику. Только вот показывать свои истинные чувства врачу не полагается, клятва Гиппократа не позволяет. Апполинарий не помнил, как оказался в старинном кресле, закутанный по горло теплым пледом. Рядышком, на тумбочке стакан остывающего чая с лимоном, градусник и почему-то клизма. Странно, но именно это резиновое приспособление для интимных дел привело его в чувство. Тупо глядя на розовую грушу с белой пипкой на конце, Апполинарий начал медленно возвращаться в реальный мир. Сведенные судорогой мышцы расслабляются, волной накатывает равнодушие. В тишине раздается тиканье больших напольных часов, в ушах противно пищит.

«Причем здесь клизма? И чай с лимоном? Черт побери!» — подумал Кольшев и крикнул в соседнюю комнату:

— Мама, почему на моем столике клизма?

— Тебе было очень плохо, сынок. Врач посоветовала клизмой влить в рот валерьянки, — немедленно отозвался старческий голос.

— Большое спасибо, мама!

Апполинарий откидывается на спинку кресла. «Надеюсь, клизмой не пользовались по назначению до того, как сунули в мою пасть!» — мысленно произнес Апполинарий. Из складок пледа высовывается резко исхудавшая рука. Подрагивающие пальцы коснулись любимой книги, нежно погладили. Это «Жизнеописания знаменитых людей» Аврелия Виктора, римского историка. Взгляд поднимается, останавливается на картине в позолоченной раме. Изображен берег бушующего моря, на горизонте клубятся грозовые тучи. Белая полоса прибоя. По колени в воде стоит конь, ветер разметал рыжую гриву, на губах стынет пена. Море остановило бешеный галоп коня, но зверь никак не успокоится, мысленно летит навстречу штормовым волнам. Всадник в позолоченном шлеме всматривается вдаль, плюмаж из белых перьев клонит порывами ветра, красный плащ стелется над землей. Кованный металлический панцирь тускло блестит золотой и серебряной насечкой, треугольный конный щит закрывает лошадиный бок. Римский меч, длинный, с округлым навершием на рукояти, плотно сидит в ножнах. Художник тщательно выписал детали, видны даже черты лица. Воин смотрит в бушующий горизонт будто с

сожалением — море остановило бег боевого коня. Жаль, что вода расступается под копытами. А так хочется узнать, что там, за горизонтом!

Апполинарий часто смотрел на картину, представляя, что это — Корнелий Сципион Африканский, победитель Ганибалла. Он покориł племена, обитавшие на территории современной Испании и провел военную реформу, одним из результатов которой и явились длинные обоюдоострые мечи. Ими можно было колоть и рубить, что значительно усилило римскую армию. Такой меч и нарисован на картине. Золотой шлем и белый плюмаж — отличительные знаки военачальника. Это он, Сципион Африканский, остановил коня на берегу Атлантического океана и с сожалением смотрит вдаль. Что там, за морем, какие земли? Кто обитает на них, что за люди? Или не люди вовсе, а неведомые существа, с которыми надо сразиться и победить! Только Юпитер ведаєт, кто живет в невообразимой дали, на другом конце мира. Но Нептун, бог морей, не даст переплыть океан. Жаль! Письменный стол Апполинария заставлен бронзовыми фигурками римских солдат. Строгие лица смотрят незрячими глазами равнодушно и холодно. Но сейчас, после всего пережитого за сегодняшний день, Апполинарию показалось, что лица бронзовых воинов изменились. Они искривлены презрительными ухмылками, уголки губ опущены, глаза пренебрежительно сощурены! «Что за чушь? — мысленно машет рукой Колышев. — Так не бывает, бред какой-то! Насмотрелся фильмов-сказок, теперь и мерещится. Да еще эта дура докторша вколола какую-то дрянь ... крыша едет, блин!» Апполинарий раскрывает книгу. Сципион Публий Корнелий Африканский Старший — таково полное имя этого замечательного человека, чья короткая — всего пятьдесят два года! — жизнь полна тайн, подвигов и благородных поступков. Мистика окружала Сципиона с момента рождения. Предание гласит, что в постели его матери однажды был обнаружен змей. Через девять месяцев она родила мальчика. Змей в постели означал — отец ребенка сам Юпитер! Современники считали Сципиона сыном верховного бога. Что, впрочем, не мешало юноше иметь вполне земного папу, а его маме мужа. В двадцать четыре года он становится полководцем, по современной терминологии генералом, командует экспедиционным корпусом римлян в Испании. Он громит вражеские войска одно за другим, искусной дипломатией располагает племена туземцев к союзу с Римом. Такое не удавалось сделать никому ни до, ни после.

... Рим, 217 год до рождества Христова. Сенат в очередной раз утвердил закон, согласно которому плебс уравниен в правах с гражданами. Потомки рабов с окраин империи не замедлили воспользоваться привилегией. Вместо того, чтобы изучать ремесла и науки, чернь решила развлекаться. Примитивно мыслящее быдло, плохо владеющее языком римлян, считало, что возможность посещать зрелища и веселиться есть главная обязанность граждан и патрициев. Общественные термы наполнились людьми. Мужчины и женщины упивались дешевым неразбавленным вином. Охмелев, вели себя как скоты — совокуплялись на виду у всех, извергали съеденное и выпитое, кричали и пели дурными голосами похабные куплеты. Оргии сопровождались воплями и дикими криками. Городская стража ничего не могла поделать — рабам и варварам предоставлена свобода в рамках существующей демократии. Риму необходимы новые граждане, так как не хватает рабочих рук и нечем комплектовать легионы. Стража вмешивалась только тогда, когда пьяные толпы начинали громить лавки и магазины. Солдатам строго запретили использовать оружие, только деревянные дубинки. Бить разрешалось по мягким частям тела. За удар по голове могли даже казнить!

Кучка плебеев приблизилась к храму Юпитера. Молодые люди смотрят мутными

глазами на фронто́н храма, провожают похотливыми взглядами женщин и девушек, что пришли на утреннюю молитву. Рабам, только что получившим свободу, не нравится, что люди вокруг чисто одеты, от них приятно пахнет, они разговаривают правильно, не используют уличную брань и жаргон. Чернь желает, чтобы в Риме было больше увеселительных заведений, кабаков и игорных домов, а цирки, в которых гладиаторы убивают друг друга на потеху публике, работали с утра до вечера. Угощения должны быть на каждом углу и продаваться за гроши. Как можно больше развлечений!

Panem et circenses — хлеба и зрелищ, жрать и ржать! Кому нужны университеты и храмы?

Пьяный плебей хватается грязными пальцами за шелковую накидку на плечах прихожанки. Легкая с треском разрывается, испуганная девушка оступается, пожилая женщина поддерживает ее, чтобы не упала. Глупая сцена вызывает безудержное веселье у быдла. Неумытые рабы буквально заходятся от смеха, похлопывают по плечу автора остроумной шутки и весело комментируют происшедшее. Разумеется, сразу нашлись те, кто захотел повторить успех товарища. Развеселившиеся рабы принялись срывать накидки со всех проходящих мимо женщин. Когда кто-то из мужчин заступился за жену, свора пьяных рабов избила его до полусмерти. Попытка стражи остановить бесчинство ни к чему ни привела — разгулявшиеся рабы похватили палки и камни и стражникам пришлось отступить. Их слишком мало, им нельзя применять оружие ... и вообще, ну его к черту все с этой демократией и тал ... тьфу! ... толерантностью!

Срывать одежду с женщин и бить вдесятером одного быстро надоело. Возвращаться в кабак и затевать свару тоже не очень хочется — там сидят такие же уроды, самым морды набьют. Интересно, а чо в храме? Затянутое тучами небо на минуту освобождается от свинцовых облаков. Слепящий круг солнца проливает потоки света на город. Площадь перед храмом освещается ярким солнечным светом. Низколобые плебеи подслеповато шурятся, закрывают лицо ладонями. Им плохо в круге света, потому что сразу видна грязь и неопрятность, на небритых лицах разводы сажи, остатки пищи в волосах. Полтора десятка чернорабочих врываются под своды храма Юпитера. В благоговейной тишине раздаются шлепанье сандалий, сопение и гогот. К запаху душистых трав примешивается чесночная вонь, кислый дух немытых тел и застарелого пота. С грохотом летят на пол опрокинутые лавки, статуи богов и мифологических героев. Молящиеся в панике покидают храм, плебеи набрасываются на пожилых людей и женщин, для забавы срывают с них одежды. Служителям храма строго запрещено вмешиваться в мирские дела, они тихо удаляются в боковые двери. Лязгают железные запоры. Апполинарий стоит на коленях возле алтаря. Громадная статуя Юпитера освещается пылающим внизу жертвенным огнем. В неровном пламени лик верховного бога кажется очень строгим и даже сердитым. Семнадцатилетний юноша всматривался в лицо бога — ему казалось, что это он разгневал своего отца, но чем?

— Я почитаю родителей, прилежно учусь и готовлю тело и дух к будущим походам и сражениям, — шепчет он, — я сплю по шесть часов в сутки, остальное время посвящаю занятиям и молитвам. Но твое сердце разгневано, я чувствую. Что делаю не так, скажи? Дай знак!

Грохот распахнувшихся дверей и топот за спиной заставляют обернуться. Апполинарий видит, как в святилище врывается толпа. По блуждающим глазам и осоловелым лицам юноша узнает варваров с окраин империи, которым новый сенат дал права граждан. Плебс, освобожденный от законных ограничений, решил оторваться по-полной. Для него храм

новое развлечение. Коренастый, коротко стриженный плебей в грязной греческой хламиде схватил небольшую статую богини Венеры и высоко поднял над головой.

— Вам нравятся такие маленькие титьки? — глумливо вопрошает он.

Травяной дурман кружит голову, мир плывет перед глазами, тело изгибается в судорожных попытках удержаться на ногах.

— Нет ... ха-ха ... нам нужны, как у коровы! Отправь ее к подземным богам! — вопят пьяные голоса.

Статуя летит на пол. Белый мрамор раскалывается на мелкие куски, отваливается золотое литье с головы, изображающее прическу из сплетенных волос, лицо пересекает безобразная трещина. Осколок мрамора сбивает масляный светильник. Несколько капель попадают на глаза Венеры и кажется, будто богиня плачет. Юноша медленно поворачивается к изваянию Юпитера. Лик верховного бога мрачен. Жертвенный огонь вспыхивает ярче и в сполохах пламени Апполинарию чудится, будто верхняя губа бога приподнимается, сверкает мраморно-белый клык.

— Я понял, отец, — шепчет Апполинарий.

Глаза загораются недобрым огнем. В храм не ходят с оружием, да оно и не нужно Апполинарию. Урожденный аристократ, патриций, он с малолетства владеет наукой боя. Офицерский корпус Рима комплектуется исключительно из патрициев, они лучшие воины. А как по-другому, ведь на тебя смотрят солдаты. Если ты слаб и неумел, закаленные в бесчисленных боях воины начнут презирать тебя, перестанут повиноваться. И суд трибунов оправдает их, а тебя, слабака и неуча, поставят в первый ряд строя фаланги, место для новичков и осужденных за воинские преступления. Юноша отшвыривает ненужный плащ с пурпурной каймой — отличительный знак аристократа. Толпа пьяных плебеев уже рядом. Свернутый в ком плащ случайно падает на одного из рабов. Дурман в голове не дает удержаться на ногах, плебей валится на мраморный пол, словно куль с отрубями. Товарищи радостно хохочут и показывают пальцами — это смешно!

В стае, звериной или людской, есть вожак. В стаде плебеев им был тот самый коротко стриженный парень в греческой хламиде. Он уставился мутным взором на чистенького аристократа, что посмел сбить с ног «трудящегося» на законном отдыхе. Как правило, любой драке предшествует высказывания типа: кто ты тут такой? давно в рыло не получал? нюх потерял? и т. д. С одной стороны, это дает время оценить возможности противника, поугагать — ну как струсит, отступит, ведь страх виден в глазах — и приготовиться самому. С другой, если противник явно сильнее и шансов ноль, можно отступить, не теряя лица в глазах окружающих. Под просторной тогой угадываются крепкие мускулы и широкие плечи, но что такое изнеженный юный патриций против плотного, жилистого плебея, чьи мышцы накачаны тяжелой работой? Не говоря ни слова, простолюдин в хламиде бросается вперед. Апполинарий едва успевает увернуться от удара в лицо, но левой рукой плебей цепляется за тогу и это не дает ему упасть. Апполинарий перехватывает за кисть, выворачивает и рвет на себя. Противник оказывается в полусогнутом положении. Жилы в плече трещат от напряжения, боль парализует мозг, простолюдин громко, не сдерживаясь, мычит. Апполинарий перепрыгивает через противника, пальцы сжимают предплечье. Бросок и неуклюжий плебей летит прямо на алтарь с жертвенным огнем. Все происходит стремительно, остальные ничего не успевают понять. И так тупые, после травяного дурмана отупели еще больше. Увидели только, что вожак шлепнулся на костер, теперь дико орет, дрыгая ногами и руками. Прямо как жук, когда его бросаешь на раскаленную сковородку.

Смешно до уссачки! Кто-то глупо гыгыкнул, показал пальцем. Патриций шагает навстречу замершей толпе, громко и внятно произносит:

— Вон отсюда, грязные скоты. Ваше место в хлеву, с баранами, которых пасете!

В это мгновение за спиной раздается дикий рев. Апполинарий отпрыгивает. Тотчас на то место, где он только что стоял, сваливается страшно обожженный человек с мечом в руке. Остатки хламиды догорают на плечах и груди, на закопченной голове тлеют остатки волос. Кожа покраснела, вздулась волдырями и покрыта страшными язвами. Вожак простолюдинов прятал под хламидой оружие — у трусливой черни нет понятия чести — и теперь, обезумевший от боли, вознамерился убить врага. Простой солдатский клинок врезается в мрамор пола, сверкают искры, в плите появляется ямка. Апполинарий хватается за меч, бросает в противника. Комок дорогой ткани на мгновение ослепляет. Плебей отшвыривает меч, меч вздымается вверх, но сокрушительный удар в челюсть повергает плебея на землю. Железные пальцы сжимают ладонь с рукоятью меча, не давая плебею упасть. Теряя сознание, он видит, как аристократ одним ударом выламывает меч из ладони вместе с пальцами, слышит хруст собственных костей. Блестящий клинок стремительно опускается, плечо чавкает и брызжет кровью. Отрубленная рука удаляются, затылок тупо бьется об пол. Вновь сверкает меч, шею пронзает острая боль. Стремительный удар рассекает шею, обгорелая голова с вытаращенными глазами катится под ноги толпе плебеев. Быстрым ударом Апполинарий вонзает меч в щель между напольными плитами. Удивленным и испуганным плебеям кажется со страху, что клинок врезается прямо в камень. Апполинарий швыряет отрубленную руку в жертвенный огонь, обезглавленное тело отправляется следом. Пламя радостно вспыхивает, валит черный дым, громко шипит и трескается сторающая плоть. Тяжелый запах жженного человеческого мяса медленно наполняет храм. Бледные, как мертвецы, простолюдины пятятся к выходу, дрожащие в коленях ноги слушаются с трудом. Вытаращенные глаза не отрываются от обнаженного по пояс патриция и страшного лица. Выпуклые мышцы покрывают грудь, словно бронза, на влажной коже играют отсветы пламени, а за спиной вздымается ввысь гигантская статуя Юпитера — верховного бога Рима!

Следующим утром Апполинарий приходит в институт. Пожилой вахтер, ветеран афганской и чеченской войны, встает при его появлении. Проходя по коридору, обратил внимание, что студенты, обычно шумные, смолкают и расступаются, как будто Апполинарий только что вернулся из дальнего космоса и собирается сделать доклад на тему: есть ли жизнь за пределами Солнечной системы. Становится как-то не по себе. Кольшев ускоряет шаги. В свою аудиторию почти вбегает. К счастью, пресловутый косметический ремонт почти закончили, так что идти в кабинет химии проводить занятия не надо. Аудитория пахнет свежей краской, новенький линолеум сияет чистотой, вертикальные жалюзи на окнах медленно кольшутся от горячего воздуха батарей отопления. Лингафонное оборудование еще не установили, так что аудитория непривычно пуста и похожа на обычный школьный класс. Апполинарий садится, вечно согнутая спина выпрямляется, плечи выравниваются. Необходимо прийти в себя. Для этого надо глубоко вдохнуть воздух, а потом медленно выдохнуть. И так раз двадцать, пока не успокоитесь. Или не надоест. Но едва только Апполинарий набрал воздуха полную грудь, как динамик над дверью щелкнул и хриплый голос заведующего кафедрой пригласил Кольшева к себе. Апполинарий поперхнулся. Под сводами «храма знаний» явственно прозвучало несколько нецензурных

существительных и прилагательных.

Едва Кольшев переступает порог «предбанника», из-за стола секретарши встает подтянутый мужчина в синем костюме. Светлая рубашка тщательно выглажена, воротничок застегнут, черный, в полоску галстук затянут, словно удавка. Узел идеально ровный и симметричный. Завязывать галстуки Апполинарий так и не научился, потому предпочитал обходиться вовсе без них. Он и сегодня пришел на работу в застиранном джемпере — края болтаются, в шейном вырезе виден край футболки.

— Капитан Пятницкий, Валерий Павлович, убойный отдел, — представился умелец завязывать галстуки и протянул руку. — Вы позволите задать вам несколько вопросов?

Апполинарий пожимает руку, кивает. Ему понравилось, что мент спрашивает разрешения на беседу, а не гонит, как бывает обычно — отвечайте на мои вопросы, это в интересах следствия! И еще предупреждает об ответственности за дачу ложных показаний. Апполинарий сам никогда не навязывал своего мнения другим и потому не любил напористых людей. Наверно, сотрудников милиции специально обучают брать инициативу в свои руки в беседе с другими людьми. Секретарша воспитанно удаляется. Апполинарий по старой привычке оборачивается, бараний взор приклеивается к двигающимся ягодицам. Спыхватывается, взгляд переползает на настенные часы.

— Слушаю вас.

— Господин Кольшев, я внимательно просмотрел видеозапись событий. В ваших действиях нет превышения необходимого предела самообороны, но все же работали вы на грани, на грани ... Странно, в военкомате нам сообщили, что вы вообще не служили в армии. Откуда у вас такие навыки? — спросил капитан, с недоумением оглядывая опущенные плечи и сутулый холм на спине.

— Вы о чем? — недоумевающее «блеет» Апполинарий.

— О ваших действиях по защите жизни учащихся и освобождению девушки. Это хорошо просматривается на видеозаписи, — терпеливо повторяет капитан.

— Видеозаписи? А откуда у вас видеозапись? — поразился Апполинарий.

— Ну, в каждой аудитории есть камера. Руководство следит за ходом учебного процесса, за порядком в аудиториях и вообще ... Мне так объяснили.

— Вот как? А я не знал, — удивился Апполинарий.

Он действительно не знал. То есть стеклянные полусферы на потолке видел, но считал это противопожарной сигнализацией, а никак не объективами видеокамер.

— Так в каких засекреченных войсках вы служили, господин Кольшев? — повторяет вопрос капитан.

— Я ... видите ли, совсем не служил в армии. Слабое здоровье, больная мама... Мне дали отсрочку!

— А где обучались рукопашному бою?

— Не знаю. Может, в спортивной секции, когда учился в школе? — недоуменно пожимает плечами Апполинарий.

На капитанских скулах забегали желваки, лицо твердеет. Стараясь оставаться спокойным, Пятницкий задает уточняющие вопросы:

— Что за секция? Кто тренер, где расположена?

— Не помню. Я и ходил-то туда всего два раза, потом надоело. Господин капитан ... э-э ... Валерий Павлович, о каком рукопашном бое вы говорите? Я никогда не держал в руках оружия, ни разу не дрался, меня от вида крови мутит! — вскричал Апполинарий.

— Так, все понятно, — вздыхает капитан. — Курите, вышиваете?

— Нет, даже пива не пью.

Странные вопросы капитана милиции из убойного отдела разволновали Апполинарурия. Поддрагивающая рука опускается в карман, пальцы нащупывают футляр для очков. Не глядя, Апполинарурий раскрывает коробочку, достает очки. Но оказалось, что это пенсне. Шнурок никак не хочет цепляться за ухо, как ни старается Апполинарурий. Пенсне сползает набок. Вид настолько глупый, что капитан с трудом удерживается от смеха.

— Хорошо играете, господин Кошьшев. Вам бы в самодеятельность, в народный театр. Успех обеспечен.

— Что вы такое говорите? Я терпеть не могу скоморохов! — возмутился Апполинарурий.

— Ладно. Вижу, вы взволнованы, разговор не получится. Отложим его до следующего раза. Кстати, будьте осторожны. У тех парней, что вы уложили, остались родственники, знакомые, возможно сообщники, — предупредил капитан. Чуть помявшись, добавляет: — К тому же, они с Кавказа.

Апполинарурий хотел было спросить, а причем здесь он, как вдруг до него, что называется, дошло! Ведь он случайно, по глупости и трусости убил четырех бандитов. Об этом знает весь институт. Его действительно могут убить. Необходимо срочно потребовать охрану!

— Ну, до свидания, на днях позвоню, договоримся о встрече, — говорит капитан, вставая. — Надо уточнить кое-какие мелочи и тогда закроем дело. Всего хорошего.

Апполинарурий автоматически пожимает руку, взгляд застывает на подтянутой фигуре офицера. Когда дверь за капитаном закрылась, вспомнил, что не попросил охраны. «Что же теперь будет? — подумал он. — Ведь меня могут убить в любой момент. В институте, на улице, где угодно! На рынок нельзя ходить, там сплошь «джигить» ... Проклятый мент должен был сам предложить мне круглосуточную охрану!» — вскинулся Апполинарурий. Уже хотел кинуться вдогонку капитану, но быстро опомнился.

— А с какой, собственно, стати полиция станет меня охранять? Я что, важный свидетель или потерпевший? — пробормотал он, выходя из кабинета. — Надо думать самому.

День прошел скомкано. Апполинарурий невнимательно слушал ответы студентов, всем ставил хорошие оценки и думал, как бы побыстрее уйти домой. Но нервозность не помешала ему заметить такую вот странную вещь — женская половина ВУЗа, преподаватели и студентки посматривали на него иначе, не так, как всегда. Заинтересованность во взгляде, так что ли. И раньше смотрели, но только студентки двоечницы перед сессией. Прикидывали, как бы «дать» холостому преподу на зачет.

Сейчас глядели иначе, с нескрываемым удивлением.

За окном стемнело. Апполинарурий быстренько дописал журнал, выключил свет в аудитории, тщательно запер двери. Вышел на улицу. Холодный воздух кинулся в лицо, попытался забраться за воротник, цапнул за руки. Апполинарурий поднимает капюшон, прячет ладони в карманы. Быстро идет по институтской аллее к остановке маршрутки. Шумит ветер, деревья шуршат ветвями. Кажется, что вот-вот из кустов выскочит наемный убийца, в руке сверкнет нож. Нет, топор. Лезвие зазубренное, в ржавых пятнах крови. Видел такой в ужастике недавно. Чуть, конечно. Какой дурак станет сидеть зимой в кустах, которые насквозь просматриваются, с топором в руке? Все равно неприятно и Апполинарурий ускоряет

шаги. На остановке толпятся люди, маршрутки подлетают одна за другой. На противоположной стороне улицы горит реклама. Апполинаруй равнодушно скользнул взглядом и отвернулся. Потом посмотрел опять. В разноцветной мешанине мелькнуло какое-то нужное слово. Какое? Ага, вот — оружие! Где-то там, на той стороне улицы есть магазин, где продают «стволы» — так называют пистолеты крутые парни в кино.

Бронированная дверь открывается легко. Раздается звон колокольчика, предупреждая продавца о новом покупателе. Апполинаруй входит, аккуратно притворяет дверь. За прилавком стоит молодой парень в желтой кевларовой курточке со стоячим воротником. Бронестекла, отделяющего продавца от покупателя, нет, но если Апполинаруй сделает подозрительное движение, парень в желтой куртке выхватит пистолет и выстрелит раньше, чем Колышев моргнет. Поэтому он заранее вынул руки из карманов, растянул губы в приветливой улыбке. Очки ласково блеснули отраженным светом ламп.

— Здравствуйте, — произносит Апполинаруй с порога.

— Добрый вечер, — отвечает продавец. — Желаете чтонибудь приобрести?

— Да. Такое вот... — неопределенно разводит руки в стороны Апполинаруй.

— Чтоб не целясь и наповал? — уточняет продавец.

— Именно!

— Ну что ж ... вот, рекомендую, — заговорщицким тоном произносит парень в кевларовой куртке. В руке появляется двуствольный обрез. — Укороченный вариант охотничьего ружья. Патрон заряжен крупной картечью, разлет в радиусе двух метров на расстоянии двадцати шагов. Целиться не надо, попадание гарантировано.

— Отлично. Почему?

Парень называет цену.

— Да, беру. Документы нужны?

— Паспортные данные.

Апполинаруй протягивает карточку. Продавец вводит информацию в компьютер, запускается автоматическая проверка. Проходит несколько секунд, продавец с сожалением говорит:

— Увы, господин Колышев. У вас нет допуска к огнестрельному оружию. Даже гладкоствольному.

— Почему?

— Вы не прошли соответствующего обучения и даже не служили в армии, — отвечает продавец и так смотрит на Апполинаруя, словно перед ним неполноценный урод, у которого слюни изо рта капаят, ширинка расстегнута, из нее торчит подол рубашки. Апполинаруй краснеет.

— Так я вообще ничего не могу купить у вас? — расстроено спрашивает он.

— Только травматическое оружие пониженной мощности, — кривится продавец. — Могу предложить пневматику ... кошек отпугивать ... или вот, «Оса», — небрежно тычет он пальцем в стеклянный прилавок.

— Что за оса? — удивляется Апполинаруй.

— Четырехствольный механизм для отстрела патронов в бумажных гильзах. Пули пластиковые, со стальным сердечником. Стрелять не ближе десяти шагов, иначе можно выбить глаз, проломить череп или отстрелить яйца, — объясняет продавец.

— Спасибо за предупреждение. Но вы предлагали вначале обрез, который бьет наповал и уж наверняка отстрелит яйца дальше, чем за десять шагов. И при этом никакого

инструктажа. А тут какая-то оса с бумажными патронами и такие меры предосторожности. Почему?

— Права на ношение оружия лишены только люди с отклонениями в психике и преступники — чуть помедлив, отвечает продавец. — На бандита вы не похожи ... Если у вас неуравновешенный характер, то один случайный выстрел — и вы психушке на полгода. Оно вам надо?

Апполинарий молча сует кредитную карточку в щель кассового аппарата. Так же молча забирает странный четырехствольный пистолет, сует в карман. Уже на улице грустно подумал: «Ну вот, меня принимают за умалишенного. Зашибись!» Ветер ласково подергал за козлиную бородку, припорошил очки снегом. Потная лысина на макушке неприятно зачесалась — шерстяная шапочка новая, колется.

Когда погода отвратительна и ты торопишься домой, в дороге обязательно что-нибудь случится. Срабатывает тот странный и неведомый закон подлости, о котором известно всем, но никто не может его обойти. Даже экстрасенсы и маги белой и черной магии. В любом законе можно найти лазейку. Люди, профессионально занимающиеся поиском лазеек в законодательстве, то есть адвокаты, знают это наверняка. Но и они подчиняются требованиям закона подлости.

Маршрутный автобус ломается. До дома с полкилометра, примерно полторы остановки. Не так, чтоб очень уж далеко, да и четвертак за проезд не жалко — почти приехал! — но тащиться все равно противно. Апполинаруй был не из тех, кому «ветер в харю, а он шпарит», а из тех, кто сообщает водителю такси не только улицу и номер дома, но подъезд и номер квартиры. Как Семен Семеныч. Но делать нечего, надо идти по заметенному снегу тротуару до следующего перекрестка, потом повернуть, перейти на другую сторону улицы и через полсотни метров покажется родной подъезд. Апполинаруй опасно оглядывается, но пассажиры сломанной маршрутки совсем не обращают на него внимания. Злобно переговариваясь, усталые после работы люди бредут вдоль дороги. Стараются держаться кучкой, в темное время суток на улице небезопасно. Апполинаруй идет последним. Поминутно оглядывается, но вокруг никого нет, только автомобили на большой скорости проносятся мимо. До перекрестка осталось совсем немного. Апполинаруй успокаивается, идет среди пассажиров, не оглядываясь. Руки в карманах, пальцы правой сжимают рифленую рукоятку странного пистолета с четырьмя стволами. Глаза опущены к земле, нос уткнул в воротник. Задумавшись о невеселой жизни, Апполинаруй незаметно сворачивает, приближается к кромке тротуара и вдруг оступается. Чтобы не упасть, он суматошно машет руками, смешно подпрыгивает и оказывается на проезжей части. Недалеко, до обочины всего шаг. Но сразу визжат тормоза, темное и большое тело проносится мимо. Раздается гулкой удар передних колес о бордюр, оглушительный хлопок оповещает весь район, что правая крышка лопнула. Передок заметно проседает. Задняя боковая дверь открывается, из прокуренного салона вываливается круглолицый, упитанный детина. Выходит водитель, бросается к колесам. Раздается матерная ругань. Салон освещен, видно, что внутри еще двое. Круглолицый пацан явно накачан анаболиками по-самое никуда, даже физиономия вздута шишками. Руки держит, как императорский пингвин крылья — в раскорячку. Типа мышца прет дуrom!

Пассажиры маршрутного автобуса, что до сих пор шли плотной кучкой, растворяются в морозном воздухе. Или возносятся. Хорошо слышны удаляющиеся хлопки не то крыльев, не то подошв. Апполинаруй остается один. Могучая рука, словно стрела башенного крана, медленно приближается к лицу, жесткие пальцы сдавливают воротник курточки с такой силой, что в глазах начинают прыгать маленькие шаровые молнии. Дыхание останавливается, кровь уходит с лица, а душа ныряет в пятки. Ноги отрываются от грешной земли и Апполинаруй плывет по воздуху до ближайшего столба. Затылок впечатывается в холодный чугун, столб гудит, словно большой церковный колокол на праздник. Голос медного быка ревет в ухо:

— Ты че, блин, охренел? Ты че под колеса бросаешься? Ты дурак?

Апполинаруй не может ни мотнуть головой, ни крикнуть, только глазами бльмает и то

как-то криво. Видимо, желает дать утвердительный ответ на последний вопрос. Отчаянный трус, Колышев хочет закричать, чтобы его не били, он не виноват, так вышло. Ну, простите меня пожалуйста — и рухнуть на колени прямо в грязь, и ползать, с ужасом ожидая удара по затылку, после которого ткнешься носом в заплеванный асфальт, зажмуришь глаза и примешь позу эмбриона, потому что сейчас тебя начнут пинать. По телу пробегает судорога, от недостатка кислорода темнее в глазах. Апполинаруий сучит ножками быстро-быстро, как мультик кролик, вот-вот лужу напрудит. Пальцы конвульсивно сжимаются и в районе живота раздается оглушительный хлопок. Мордастый культурист сникает, словно из него выпускают воздух. Апполинаруий инстинктивно отталкивается, раскрытый рот жадно заглатывает холодный воздух. Парень валится на тротуар, как сноп. Апполинаруий краем глаза замечает это в последний момент. Удивленно смотрит на грозного противника, что еще мгновение назад едва не задушил его. Выше пояса, в районе диафрагмы чернеет дыра, из нее толчками выплескивается темная кровь. Лежащий на земле дергается в конвульсии, щербатый рот беззвучно открывается, пальцы скребут по снегу. Апполинаруий опускает глаза ниже и видит, что его куртка разорвана. Края дыры обуглены, в середине тупо торчит четыре коротких ствола ... Колышев не успевает ни подумать, ни сказать, раздается яростный вопль от машины:

— Он Пашку замочил!

И тотчас из освещенного салона выметывается черная тень, в вытянутой руке блестит отполированная сталь. Что-то срабатывает в мозгу Апполинаруия, указательный палец давит на спусковой крючок. Оглушительно грохочет в районе поясницы, черная тень расплывается у ног трупом. Не осознавая, что делает, Апполинаруий бьет ногой по голове. меховая кепка падает, лицо поворачивается вверх. Из распахнутого в последнем крике рта медленно течет густая жижа, видны осколки белых зубов, стекленеющие глаза вытаращены, в них навсегда застывает выражение дикого изумления. Краем глаза Апполинаруий замечает движение возле машины. Поднимает взгляд, извиняющимся голосом мямлит:

— Я ...

По руке будто пробегает судорога. Грохочет выстрел, один, за ним второй. Водителя, что метнулся было в кабину, отбрасывает на проезжую часть. Летящий на огромной скорости автомобиль сбивает, подхватывает заостренной мордой и уносит вдаль. Видно, как изуродованное тело суматошно машет конечностями, перекачивается по крыше и кувыркается дальше по асфальту. Машина скрывается из виду, труп водителя кувыркается по проезжей части, словно газетный ком. Его задевают краем колеса, тяжелый внедорожник подпрыгивает дважды, давя колесами, другие машины тоже переезжают, будто это куль с мусором. Никто не останавливается! Вторая пуля проламывает боковое стекло. С другой стороны из салона вываливается мужчина в черном пальто и шляпе. Порывом ветра от проезжающей машины головной убор срывает, катит по асфальту. Мужчина не шевелится. Апполинаруий подходит ближе. Пальцы разжимаются, травматический пистолет падает на снег. Следом летят перчатки. Ветер подхватывает, словно осенние листья, швыряет на дорогу и перчатки исчезают под колесами автомобилей. Апполинаруий поворачивается, быстро идет к перекрестку и, не обращая внимания на красный свет, ловко перебегает на другую сторону. Идет наискось, темными дворами. Возле мусорного бака срывает куртку, бросает в контейнер. Через десять минут он уже дома.

Поздний вечер. Апполинаруий дремлет в кресле. Плед сполз на пол, в бок дует холодом

от окна. «Вот поленился осенью заклеить как следует, теперь мучайся, лодырь! — подумал Колышев. — Надо будет сходить в магазин, купить липкой ленты. А то ведь так и простудиться недолго». Ветер швыряет снежинки в окно, будто мохнатая лапа щупает стекло, ищет щелочку, чтобы забраться внутрь. На душе грустно и неудобно. Странно, но об убийстве четырех человек Апполинарий не вспоминал. Только подумал один раз с сожалением, что не успел даже как следует рассмотреть эту «Осу». Вообще-то здорово лупит, как пушка! И стоит недорого. Надо будет еще одну купить и патронов набрать побольше.

Будильник пропикал в 6.45, как всегда. Колышев с неохотой поднялся, автоматически глянул в зеркало. Заспанное лицо, редкие волосенки дыбом, лысина, как свежее испеченная ватрушка — противно! В ванной рука сама потянулась к бритве. Мгновение поколебавшись, Апполинарий решительно проводит станком по скулам. Через несколько секунд на лице не остается ни козлиной бородки, ни усов. Гладкую кожу непривычно холодит и пощипывает. Зачесывает волосы наперед и вбок. Так делают все плешивые. Они думают, что если вот так глупо уложить оставшиеся волосы, то никто не догадается о лысине. Какой-то странный изъян в психике. Никто и никогда не считал, что лысина недостаток. Косметический — да, но это важно для женщины. Какая разница, сколько волос у тебя на голове, ведь это не прибавляет ума и, что самое удивительное, не портит твою внешность. Хотя все лысые уверены в обратном. Уж сколько проведено опросов, исследований общественного мнения — несть числа! И все они показывают — женщины не считают лысину недостатком. Так нет, мужчины упорно прячут лишние волос участки головы под оставшиеся вихры, мучаются с париками, напяливают глупые платки. Но ведь дома ты этого не делаешь! Твои домашние видят тебя каждый день и ничего, никто не подсакивает с диким хохотом, не показывает пальцем. Ведь не за волосы любят. По дороге в институт Апполинарий забегаем в парикмахерскую. Коротко приказывает:

— Наголо!

Рабочий день как-то не задался с самого начала. Когда шел по коридору, услышал удивленный шепот за спиной:

— Ты посмотри, Колун имидж сменил!

Апполинарий по привычке съезжился было — не любил, когда хамоватые студенты рассматривали его, тем более обсуждали — но потом выпрямился и как ни в чем ни бывало зашагал дальше. Ну да, сменил. И в чем проблема? Кстати, почему колун? Это что, кликуха такая у него, потомственного интеллигента? На перерыве спустился этажом ниже в мужской туалет. Обычно там курят втихаря, потому что руководство института запретило курить в помещениях. В этот раз дыма было побольше, и душок появился другой. Так пахнет «травка». Апполинарий сам никогда не пробовал этой гадости, но запах знал. Курить траву в институте — это что-то новое. Ректор строго следил за порядком и если кого-то из студентов ловили на «травке», безжалостно выгонял, не глядя на успехи в учебе. Преподавателей обязали докладывать обо всех случаях употребления наркоты, за укрывательство тоже выгоняли. Едва Апполинарий входит в туалетную комнату, как все становится ясно. Курят заочники. У них как раз началась сессия и взрослые дяди, возжелавшие получить дипломы, собрались на две недели потусоваться. В стремлении получить образование нет ничего плохого, человек хочет расти, это правильно. Но ... все же знают, чего на самом деле стоит заочное обучение: денег максимум, знаний минимум.

Контрольные работы списывают или покупают, отвечают на экзаменах кое-как, но сдают успешно. Потому что деньги платят, а преподавателям и руководству ВУЗа тоже кушать хочется.

Три брюнета типа — я недавно спустился с гор, лица покрыты южным загаром. Молча тянут вонючий дым. На вошедшего преподавателя не обращают никакого внимания, будто и нет никого. Апполинария задело. Все-таки институт не дворницкая, а какой никакой храм науки.

— Здесь нельзя курить, — вежливо говорит он.

Смуглый товарищ глянул искоса, как на пустое место и отвернулся. По телу бежит холодок, сердце стучит сильнее, руки противно вздрагивают.

— Вы хорошо слышите? — немного повышает голос Апполинарий.

На этот раз его заметили.

— Ты что, умыться пришел? Так иди, не занято, — кивает один на кабинку с унитазом.

Фраза произнесена с оскорбительным пренебрежением, как бы нехотя, сквозь зубы. Черные зрачки «студента» презрительно скользнули вверх-вниз. Остальные презрительно ухмыляются. Апполинарий не умел драться и не любил драк. Как-то волнительно это, потом руки и ноги дрожат, дыхание срывается. Кажется, будто ты совершил страшное преступление, ведь все мы люди, человеки разумные, насилие противно природе, русские люди такие гуманисты, такие жалостливые. Разве можно ударить брата, особенно если он приехал из бедной южной страны. У них там солнце круглый год, по три урожая снимают, а они все равно бедные! Вот в России две трети пахотных земель находятся в зоне рискованного земледелия и ничего, все растет. Зимы холодные, поэтому капитальное строительство очень дорого, отопительные системы стоят недешево, да и за тепло надо платить будь здоров. Ничего, заводы строим, дома, прокладываем дороги. На юге производство можно организовать чуть ли не под открытым небом. Ну, сарайчик какой-нибудь из пластика собрать, установить компьютеры, станки с программным управлением и все. Будет завод работать. Так нет, не желают! Куда проще воткнуть палку в землю, полить водой, а потом собрать урожай мандаринов или персиков и привезти в холодную Россию. Они ж там вкалывают, значит деньги есть. И продать втридорога. Стоит такой «бедный», морда шире плеч, пузо глобусом, да еще и глядит на тебя, как на быдло. Наши мужчины редко стоят за прилавком. Торговля — дело женское. Мужчина должен работать. Защищать Родину, трудиться, пахать землю, а не торговать привезенными из Голландии цветами или урюком! Как мухи слетаются из «свободных республик» и окрестных гор любители воровать и торговать. Проходу от них нет. Но попробуйте прийти на завод и отыскать их там. Ни одного не найдете! Зачем им работать, они не хотят. Работать будете вы, русские, а мы будем грабить ваши квартиры, предлагать вашим детям наркотики и смеяться над вами, лохами!

Есть народы, двигающие вперед науку, технологии, народы созидатели. А есть паразиты, живущие за счет других. Природа дала этим людям все — плодородные земли, солнце, пресную воду. И что? А ничего. Они считают, что этого мало. Надо, чтобы за них еще и трудился кто-то. Те, у кого абрикосы не растут — пустыня вокруг, зато есть нефть, торгуют ей. Но опять же, заводы и трубопроводы строили не они, а специалисты из Европы. Ладно, построили, наторговали миллиарды. И что? Вложили их в образование, в науку, в собственную экономику? Ведь нефть-то кончится. Ничуть. Скупают дома, драгоценности, строят искусственные острова для развлечения туристов. Даже учиться своих отпрысков отправляют в Европу, потому что собственной системы образования нет. Ее ведь создавать

надо, трудиться. Бедность любого человека, и народа в целом, начинается с того, что он ленится учиться. Ведь это так трудно, учиться. А работать и учиться всю жизнь еще труднее. Но другого пути на вершину нет и не будет.

Две тысячи лет евреи скитались по земле. Две тысячи лет арабы пасли верблюдов. Евреям это надоело. Приехали в Палестину, вырезали две или три арабских деревни — остальные разбежались со страху — и сказали — здесь будет государство Израиль. И построили за полвека страну, равной которой на Ближнем Востоке нет. Передовая наука, технологии, промышленность — и все это, повторяю, меньше, чем за пятьдесят лет! Конечно, еврейская мафия помогла, международные агенты сионизма. Ну и вообще — жиды хитрые! Но кто мешает быть хитрым арабам? Кто не давал международному братству мусульман построить Палестинское государство? И тогда никакие происки сионистов не помогли бы евреям захватить землю в Израиле. Теперь все кричат об агрессии против бедных, безоружных палестинцев. Сами виноваты!!!

Удивительное дело — Западная Европа долгие десятилетия финансировала арабскую автономию в Палестине, а личное состояние Ясира Арафата, отъявленного негодяя, террориста и бессменного фюрера палестинцев, составляло несколько миллиардов долларов. Не арабский мир, лопающийся от нефтедолларов, не братья мусульмане, которые искусственные острова строят в море, а европейцы! Природа не терпит застоя, мир живет в движении и кто сказал, что законы эволюции не действуют в мире людей? Слабые неизбежно погибнут. Природа уничтожает неудачные виды животных. Народы, желающие существовать, а не жить, тоже будут уничтожены. И не надо выдумывать дурацкие теории гуманизма и братства народов. Эти «братья» уже сейчас за глотку берут, если по рукам не надавать, завтра нас живыми в землю закопают.

... Апполинарий бьет левой рукой. Неумело, неправильно. Выбивает кисть, острая боль пронзает руку до плеча. Тем не менее, низкорослый курильщик слетает с «копыт», затылок смачно ляпается об кафельный пол. Двое других удивленно смотрят на сбитого с ног товарища. До одурманенных мозгов туго доходит, что их, оказывается, не все боятся. Апполинарий отчаянно трусит. И от страха лупит кулаком так, что смуглые «товарищи» один за другим влетают головами в батарею отопления. Гулкий звон бежит по стальным трубам, оповещая все этажи о случившемся. Еще не веря, что все так просто получилось, Апполинарий по одному сует негодяев мордами в унитазы и спускает воду. Как в кино. Кисть болит нестерпимо, кулак распухает прямо на глазах. Апполинарий сует руку под холодную воду, становится немного легче. Распахивается дверь, входят студенты. Замечают с порога три задницы, что торчат из унитазов. Парни переглядываются. У них округляются глаза, изумленные взгляды замирают на Кольшеве. Потом подходят к писсуарам, делают свои дела и так же молча уходят. Через час весь институт гудел. Никто не осуждал, только удивлялись. Как это интеллигент сумел справиться сразу с тремя душманами? Впрочем, чему удивляться, это же тот самый Кольшев, что походя застрелил четверых бандитов. Крутой чел!

Подходя к дому, увидел машину скорой помощи и милиции. Прямо возле своего подъезда. Под ложечкой неприятно засосало. Поспешил. Вокруг машин толпа зевак. Когда Апполинарий подошел, кто-то сказал:

— Вот он!

Десятки пар глаз уставились на Кольшева. Стало неприятно, нехорошо, словно вышел

на лестничную площадку в одних трусах, а там соседи собрались. Апполинаруй нахмурился, попытался проскользнуть мимо, но тут жесткие пальцы сжимают локоть, знакомый голос тихо произносит:

— Апполинаруй, нам надо поговорить.

Кольшев оглядывается и с удивлением узнает знакомого капитана:

— Вы? Ваша фамилия Пятницкий? Если ошибся, простите, у меня плохая память не фамилии, имена ...

— Это не страшно. Он самый и зовут меня Валерий Павлович. Отойдем-ка, господин Кольшев.

— Не понимаю вас. Почему надо разговаривать на улице? — возмущается Апполинаруй, но послушно идет за капитаном к детской площадке.

Пятницкий останавливается у засыпанной снегом песочницы, внимательно смотрит на Апполинаруя.

— Очень хорошо, что мы с вами встретились именно сейчас, Апполинаруй ... кстати, как вас по батюшке? — спрашивает капитан.

— Как и вас. Можно подумать, вы этого не знали, — буркнул Кольшев.

— Конечно, знал, — вздохнул капитан. — Просто тяну время. Когда случается такое ... Будьте мужчиной, Кольшев. Вашу маму убили.

Апполинаруй никак не среагировал. Он даже не смотрел на Пятницкого. «Какого черта тут «скорая»? И полиция приехала? Вроде в нашем подъезде буйных алкашей нет ... маму убили ... Что?»

— Что? Вы сказали, что? — словно сомнамбула переспрашивает Кольшев.

— Когда вас не было дома, в квартиру проникли грабители. Примерно два с половиной часа назад. Ваша мама попыталась оказать сопротивление. Шум услышали соседи этажом ниже, сообщили в полицию. Наряд прибыл через несколько минут, вошел в квартиру — дверь нараспашку. Мама была мертва. Ее ударили ножом в сердце ...

Капитан продолжает говорить, но голос начинает странным образом пропадать. Вдруг наступает тишина, словно внезапно оказался на огромной глубине. Все тело как одеревенело. Апполинаруй боится пошевелиться, ему кажется, что одно только неосторожное движение и весь рассыплется. Едва разжимая губы, тихо спрашивает:

— Какие грабители, у нас дома нет драгоценностей. Живем от полочки до полочки. Разве таких грабят?

— Не беспокойтесь, пропажу обнаружат ... черт, что я несу! Апполинаруй, вам надо подняться в квартиру. Постарайтесь собраться, надо ответить на несколько вопросов. Это очень важно.

Апполинаруй молча поворачивается, будто оловянный солдатик, быстрыми шагами идет к подъезду. Толпа соседей и просто любопытных расступается. В подъезде были еще какие-то люди, он никого не замечает. Сержант поднимает руку, хочет остановить, но Пятницкий делает знак и Апполинаруй беспрепятственно входит в квартиру. Неприятно режет глаз большое количество посторонних людей, которые бесцеремонно ходят по комнатам, все осматривают, чем-то мажут мебель и приклеивают полоски прозрачной пленки. Раздражают частые вспышки фотоаппаратов.

— Где она? — спрашивает Кольшев.

— Увезли на экспертизу, — отвечает Пятницкий. — Необходимо поговорить со следователем.

Дальнейшие события плохо отложились в памяти. Колышеву задавали вопросы, он монотонно отвечал. Потом подписывал какие-то бумаги, опять отвечал на вопросы. Иногда голоса людей начинали стихать, пропадать куда-то. Тогда появлялся белый халат, во рту появлялась пластмассовая трубочка, глотку заливала холодная вода с резким запахом и голоса становились громче. Затем Апполинарий долго ехал на другой конец города на опознание. Наконец, все закончилось и он оказался в своей квартире. Дверь захлопнулась, сухо щелкнул замок. Колышев походил по квартире, смутно удивляясь беспорядку, потом лег на диван. В обуви и зимней куртке. Несколько часов лежал в полусне. Иногда перед глазами проплывали картинки далекого детства, когда мама была молодой и бабушка жива. Белый потолок комнаты приближался странным образом, затем удалялся и становился маленькой белой точкой в невообразимой вышине.

Что-то обрывается внутри, какая-то нить, соединяющая нас с прошлым, когда уходит мама. Она тот человек, который подарил нам жизнь, рискуя своей. Мы росли рядом с ней, выросли, а она старела. И вот ее нет. Все, прошлое ушло навсегда. Впереди только будущее. И некому присесть рядышком и сказать — а помнишь? А еще ты вдруг понимаешь, что жить осталось совсем немного, каких-то двадцать лет. Ну, может чуть больше. Мама не могла дать тебе здоровья больше, чем было у нее самой. Сонная одурь исчезает. Колышев встает. Он выходит из квартиры, тщательно запирает дверь, хотя в этом нет нужды — замок плохонький, вору легко открыли его простой отмычкой. А можно было выбить дверь — она деревянная. Спускается вниз. Улица встречает легким морозом и снежинками. Апполинарий идет прямо через двор. На другой стороне темнеют великанскими кирпичами вагончики строителей. Несмотря на клятвенные заверения градоначальника, застройка всего и вся продолжается. И когда уже нажрется взятками чиновничья свора? Он не заметил, как от забора отделились тени. Послышался скрип снега, а потом ослепляющий удар в лицо опрокидывает навзничь. Удары ногами обрушиваются, словно камнепад. Апполинарий не сопротивляется. Ему все равно, что происходит с ним, что происходит в этом мире. Меня бьют? Разве это боль? Когда он очнулся, в воздухе все также кружились снежинки, падали на лицо, но не таяли. Апполинарий смутно удивился, потом мысленно махнул рукой — ну и не надо, подумаешь! Опять заскрипел снег под ногами. «Добивать пришли»? — вяло подумал он. Скрип прекратился. Грубая рука хватает за воротник и черное небо над головой медленно плывет, потом вовсе пропадает. Наступает непроглядная тьма. Очнулся в каком-то подвале. Во всяком случае, окон Апполинарий не заметил. Он лежит на топчане, вокруг высятся непонятные металлические конструкции, пахнет потом и железом, как в кузнице. Лицо и руки измазаны липкой гадостью. Воняет как-то странно. Очиститься нет сил. Острая боль давит при каждом движении. После недолгого колебания Апполинарий оставляет попытки разобраться, где он и что с ним, глаза закрываются.

— Мужик, вставай, — раздается громкий голос и чей-то кулак тычется в плечо. Грудь и шея сразу отзывают болью. Апполинарий открывает глаза. Он по прежнему лежит на топчане, но теперь вокруг стоят неизвестные люди, молча рассматривают его.

— Ну и чего ты его притащил сюда? — спрашивает здоровенный детина крепкого молодого парня, что сидит в изголовье. Это он, наверно, двинул в плечо.

— Стрижка видишь какая? Думал, из наших, — отвечает он.

— Думал... — недовольно ворчит здоровяк. — Мало ли народу стрижется налысо. Это

хилак какой-то. В пальте!

Голос здоровяка явно выражает презрение.

— Может, бомж? — спросил кто-то.

— Нет, те воняют. А этот напился, подрался и уснул под забором, — предположил другой голос.

— Стойте, я его знаю! — вдруг раздался женский голосок. — Это наш препод по латыни.

— С такой харей латынь преподает? Ну и ВУЗик у тебя? — хмыкает здоровяк.

— Ну, он чего-то побрился и остригся. Раньше с бородой был. Побили здорово, лицо перекосило. У него кликуха Колун. А еще он замочил тех уродов, что меня утащить хотели, — сообщила девушка.

— Гонишь? — не поверил здоровяк.

— Ни фига, он. Я точно помню.

— Ладно. Ну тогда ты молоток, Тропа. Путного чела приволок. А чего морду солидолом намазал?

— Обморозился он. Жирным надо смазать, иначе мясо отслаиваться начнет, — пояснил тот, кого называли Тропой. — Ничего другого под руками не было.

— Ну ты фуфел ... От солидола ожоги будут! Дуй в аптеку за вазелином. Вот, возьми столярник!

Проходит полчаса. Апполинару сидит в продавленном кресле, язык обжигает горячий чай. Металлическая кружка греет пальцы, нитка чайного пакетика глупо мотыляется сбоку и напиток мутная дрянь, но к Апполинару отнесли, как к человеку, а не выбросили на улицу и он помалкивает. В помещении горит свет. Колышеву достаточно было одного взгляда, чтобы понять, куда попал. Это обычная подвальная качалка для молодежи из небогатых семей. Фитнес клубы и тренажерные залы по две тонны баксов в год не для них. Крашенные желтой краской стены, фотографии из журналов с накачанными до безобразия молодцами и красными от тонального крема грудастыми девицами, несколько треснутых зеркал, задрипанный письменный стол и длинная лавка для переодевания — все удобства. Оборудование самодельное, знакомый дядя Вася из ворованного уголка сварил. Гантели выточены на станке из железных болванок. Сбоку кривые цифры белой краской — вес в килограммах. Только гриф и «блины» настоящие, стандартные. Апполинаруй откладывает в сторону пустую кружку. На лице выступает пот, кожу щиплет. Только сейчас вспомнил слова парня, что подобрал его. Вроде про обморожение. Осторожно дотронулся до лица. Пальцы ощутили толстый слой липкой жижи и странно мягкую кожу. Такое чувство, что потяни сильнее и она отделится от мяса. Колышеву становится не по себе. Дурацкая привычка все представлять с готовностью оказывает медвежью услугу — перед глазами возникают образы, виденные в фильмах ужасов. Мертвецы, разлагающаяся плоть, белые черви в открытых ранах ... тьфу ты!

— Молодой человек, — неуверенно произносит Апполинаруй.

Сидящий за столом парень с прошлогодним номером журнала «Железный мир» оборачивается:

— Че?

— Что у меня с лицом?

— Да ниче. Абакновенное еб...о после пинков, — равнодушно пожимает плечами парень.

Апполинарий смущенно кивнул — извини мол, за глупый вопрос, больше не повторится. Осторожно встает. В зеркале, на противоположной стороне, возникает отражение. Апполинарий всмотрелся и едва не вскрикивает — лица нет! Ну, не в буквальном смысле, с этим все в порядке. Э-э ... то, что должно быть на лицевой части головы, исчезло. На тонкой интеллигентской шее криво сидит очищенная репа. Вместо губ безобразный черный наплыв. Нос искривлен, посередине красуется безобразный нарост, ноздри окаймлены засохшей кровью, как застарелые пулевые отверстия. На месте глаз — Апполинарий вздрогнул — синие олады громадных фиолетовых фингалов. Наголо остриженный череп покрыт шишками, зелеными и желтыми пятнами и синяками. Уши почему-то увеличены раза в три, опухли и налиты нездоровой тяжестью. При каждом повороте головы они заметно качаются, будто плохо приклеены. Но самое ужасное — кожа на лице и голове действительно висит клочьями. Не везде, конечно, но впечатление такое, что Колышев выпил страшное снадобье и теперь заживо гниет. Апполинарий плюхнулся на лавку так, что гул пошел по всему подвалу.

— Че, поплохело? — осведомился парень. — Эт х...ня, пройдет. Тебе здорово повезло, чувак.

— Да? И в чем же? — изумился Апполинарий.

— Жив остался, — усмехнулся парень. — Тебя могли забить насмерть. Это быстро ... ну, минут пять. Если постараться и обувь хорошая.

Откуда такие познания у шестнадцатилетнего подростка Апполинарий спрашивать не решился. Только внимательно посмотрел на ноги парня. Ботинки с высокими берцами, на шнуровке и толстой пластиковой подошве начищены до блеска. Спереди стальные подковки, края чуть-чуть выступают.

— Это ты меня притащил сюда?

— Ага. А че, не надо было? — улыбнулся парень.

Апполинарий помолчал, потом сказал тихо:

— Ты спас мне жизнь, я твой должник.

— Не парься, чувак. Один — один, — махнул рукой парень.

— Чего? — не понял Апполинарий.

— Тебя спас, другому мозги вышиб на асфальт ... один — один.

Позже Апполинарий узнал, что этот парнишка по кличке Тропа днем раньше сбил на машине пешехода. Дело было так. Посередине проезжей части шел пьяный. Уже темнело, но видно было хорошо. Поддатый мужик пытался снять тачку, но желающих везти пьяную морду не нашлось. Обозленный вопиющей дискриминацией, пьяный придурок не нашел ничего лучшего, как выйти на дорогу и отправиться в путь, заодно мешая автомобилистам — а чтоб знали! Ему сигналили, кричали — все как об стенку горохом. Полиции, разумеется, не дозовешься. Мужикуну понравилось, что его все объезжают. Уважают, значит. Пьяное ничтожество в трезвой жизни крутило гайки в гаражном автосервисе, а в свободное от работы время выполняло указания своей жены — жабы в бигудях — куда сходить, что принести и так далее. В общем, по дому. И вот пьяная дрянь решила показать, что она не тварь дрожащая, а человек! А человек, по выражению другого «классика», — мать его, этого мудака! — звучит гордо. Вот и решила двуногая скотина показать себя — растопырил мужик грязные лапы и начал делать вид, что он хочет кинуться под колеса. Народ, естественно, шарахается — кому охота связываться с полоумным?

Тропа ненавидел пьяных. Отец беспробудно пил, а когда приходил в сознание, лупил

маленького сына и жену так, что женщина вскоре скончалась от побоев. Отец сгинул в колонии, а сын вырос в приюте. Тропа — Иван Тропинин, и сейчас числился в детском доме, но большую часть времени проводил в подвальной качалке. В тот вечер он решил покататься — угнал старую «копейку» и пер по шоссе за город. Придурка на дороге он заметил издали. Видел, как лезет под колеса, а сытые дяди и тети на крутых тачках пугливо шарахаются прочь. Пьяная дрянь хохотала и хлопала в ладоши. Кого-то давить, да еще на угнанной тачке Тропа совсем не хотел. Но когда упившаяся сволочь кинулась к нему, в полной уверенности, что «поц» за рулем обделается и отвернет в сторону, нога сама вдавила педаль газа до упора. Копейка рывкнула дребезжащим баритоном, как будто и нет прожитых лет, рванулась вперед так, словно только что сошла с конвейера. Радостный оскал так и остался на глупой роже представителя рабочего класса. Удар головой пришелся точно в середину лобового стекла, образовалась громадная вмятина и густая сетка трещин. Тело суматошно завертелось по крыше, раздался дробный грохот, словно лошадь проскакала, потом шлепнулось на багажник. Крышка спружинила и пролетарий с маху впечатался в мокрый асфальт. Тело еще пару раз перевернулось и застыло. Ни одна из машин не остановилась. Возиться с грязным трупом какого-то уроды никто не хотел. Вдобавок пятница, все торопятся за город, на дачи. Не хватало только дохлых возить. Что произошло дальше, Тропа не знал. Он спокойно поехал по своим делам и гонял на «копейке» до тех пор, пока бензин не кончился. Аккуратно припарковал машину. На всякий случай протер салон, хотя был в перчатках. К себе в подвал добирался на общественном транспорте.

Ближе к вечеру в «качалке» начал собираться народ. Доморощенные шварценеггеры из соседних пятиэтажек. Апполинаруй перебрался в небольшую комнатку рядом, дабы не пугать людей безобразной харей. Сел в уголок, на оторванную от стула сидушку. От батареи идет приятное тепло, хочется поспать. Грюкает дверь, в подсобку входит тот здоровяк, что здесь всем заправляет и девушка. Апполинаруй смутно вспомнил, что это ее хотели похитить прямо из аудитории, а он вроде спасал.

— Ну что, Колун, как дела? — спросил парень.

— Мне уже лучше. Я могу пойти домой, чтобы не стеснять вас, — ответил Апполинаруй.

— Ты нам не мешаешь, — махнул рукой парень. — Можешь оставаться. Слушай, разговор есть один.

Апполинаруй с готовностью кивнул, но тут заметил, как девушка ткнула кулачком в бок парню.

— Ага, ладно. Тебе лицом надо заняться, обморожение штука серьезная. Когда вылечишься, приходи к нам. Вот адрес, — и сунул клочок бумаги.

Апполинаруй опять кивнул. Парень с девушкой ушли. «Он прав, — подумал Кольшев. — Солидол, вазелин ... В больничку надобно»!

Дерматолог только головой качал, когда слушал рассказ Апполинаруя о методах лечения обитателей подвальной качалки. Кольшева уложили в стационар на неделю, искололи задницу и скормили пивную кружку таблеток, но вернуть прежнее обличье так и не смогли. Когда через десять дней Апполинаруй появился в институте, его не узнали. Начисто обритая голова, безбородое лицо покрыто неровными линиями шрамов. Преподаватель благородной латыни стал похож на ветерана Пунических войн. Вместе с обликом изменился и характер — Апполинаруй стал решительнее, грубее, меньше комплексовать по каждому поводу, речь перестала изобиловать эканьем, аканьем и нуканьем, что характерно для представителей т. н. мыслящей интеллигенции. Когда человеку нечего сказать, он начинает блеять или мычать с умным видом. И сразу понятно, какой он «мыслящий».

Похороны матери из-за следствия были отложены, но когда Апполинаруй вышел из больницы, он категорически настоял на прекращении всех следственных действий и заявил следователю буквально, что «не можешь срать, не мучай жопу». В переводе на литературный язык это означало, что ты дурак, бывший двоечник и бездарь, поэтому не делай вид, что ведешь следствие. Дело дошло до скандала, но потом начальство уступило — да черт с ним, баба с воза, кобыле легче. Кольшеву предложили написать отказ от возбуждения уголовного дела, что он и сразу и сделал. Бумагу подшили в папку, дело об ограблении и убийстве тихо закрыли. В коридоре УВД Апполинаруй неожиданно встретил капитана Пятницкого.

— Здравствуйте, Валерий Павлович. Давненько не виделись, а? — спросил Апполинаруй с недоброй улыбкой.

— Здравствуйте, — ответил капитан, но чувствовалось, что он не узнал Апполинаруя, поздоровался на автомате.

— Апполинаруй Палыч, — чуть склонил голову Кольшев, — дело о похищении

студентки.

— Да, вспомнил! Вас не узнать, Апполинарий Павлович, — покачал головой капитан, внимательно рассматривая новый облик «препода».

— Сменил имидж, как говорил герой одного известного фильма — по совету друзей! — усмехнулся Колышев. — А как вы? Дело об убийстве моей мамы вам не доверили?

— Ну зачем вы так? Уголовные дела расследуются в порядке поступления, доверие здесь ни при чем. Я занимаюсь другим делом — убийством четырех человек по улице Гагарина. Очень странное. Все убитые входили в одну банду барсеточников. Очень опасную. Мы долго за ней охотились, но всякий раз что-то срывалось. Машину, в которой ехали, остановили. Всех четверых убили из травматического пистолета «Оса» выстрелами в упор. Это притом, что все бандиты были вооружены, но никто не сумел даже выхватить оружие, настолько быстро и профессионально действовал убийца. Кстати, на глазах у десятков людей — рядом маршрутка высаживала пассажиров. И вот что интересно, Апполинарий Павлович, — улыбнувшись, сказал капитан, — пистолет, из которого стреляли, мы обнаружили. Рядом с машиной убитых. Он принадлежал вам. Вы купили его буквально за полчаса до убийства — продавец оружейного магазина рассказал. Можете пояснить, при каких обстоятельствах вы его потеряли — ведь вы его потеряли, правда? — спросил Пятницкий.

— Нет, — чуть помедлив, ответил Апполинарий и рассказал капитану полиции все, как было на самом деле. Пятницкий выслушал молча, потом пригласил жестом в кабинет — он оказался напротив. «Все, сейчас наденут наручники, распечатают записанный на диктофон разговор и предложат подписать явку с повинной. Мол, для облегчения участи!» — подумал Апполинарий. На душе не было ни волнения, ни страха, тупое спокойствие. Вошел, сел на жесткий канцелярский стул и вопросительно взглянул на Пятницкого. Тот порылся в сейфе, извлек из темного нутра «Осу» в пластиковом пакете и положил на стол.

— Ваш?

— Мой, — без колебаний подтвердил Апполинарий, хотя стопроцентной уверенности не было — он уже забыл, как выглядит эта «Оса», а уж отличить свой экземпляр от чужого тем более не мог.

— Заберите и больше не теряйте, — протянул пакет капитан.

— Что? — переспросил Апполинарий. Ему показалось, что он ослышался.

— Заберите, говорю, и не теряйте!

На улице Апполинарий вытащил пистолет, повертел в руках. Прохожий шарахнулся, перебежал на другую сторону улицы. Апполинарий спохватился, сунул «Осу» в карман — не хватало, чтобы его задержали возле здания УВД со стволом, из которого убили четверых человек! «Как странно, — думал Апполинарий, — раньше я считал полицию сборищем негодяев и взяточников. Оказывается, в полиции работают нормальные люди, как сейчас модно говорить — адекватно мыслящие. Они все понимают и знают, оказывается, как на самом деле надо бороться с ублюдками. Полиция опутана с ног до головы дурными законами, инструкциями и ведомственными приказами, которые придумывают кабинетные генералы. Эти люди смотрят на мир из окна служебной машины, дачи, персонального кабинета, из-за широких спин охранников. Они мыслят категориями прошлого, потому что лучшая часть их жизни пришлась именно на то время. Им, нынешним генералам, а тогдашним лейтенантам, кажется, что ничего не изменилось и поэтому придумывают законы, исходя из прошлых реалий. Наверно, потому и говорят, что генералы всегда готовы к

прошедшей войне. Они воспринимают в штыки любые изменения, особенно в законах. Потому что работать по-новому они не способны в принципе. А самое главное — им и так хорошо! Хорошо и безопасно»!

Холодный ветер швырнул в лицо горсть снежной крупы, струйки ледяного воздуха коснулись шеи, сунулись к спине. Апполинарий поднял воротник куртки, поглубже натянул шапку. Он почувствовал, что где-то глубоко внутри рождается смутная мысль ... нет, не так. Появляются зачатки другого мировоззрения, нового взгляда на жизнь.

А может быть, не нового, а всего лишь хорошо забытого старого?

В пятницу, вернувшись с работы, Апполинарий заметил клочок бумаги на полу. Оказалось, адрес той качалки, где его намазали солидолом — ну, оказали первую помощь. «Надо зайти»! — решил Апполинарий. Сходил в магазин, взял две бутылки хорошей водки, закуски и отправился в гости. Подвал оказался в соседнем дворе. Еще на лестнице слышны звонкие удары железа, играет громкая музыка — «металл» в стиле Рамштайна — воздух насыщен запахом крепкого пота. Апполинарий остановился на пороге, махнул рукой знакомому Тропе. Тот кивнул на подсобку. Апполинарий достал припасы, разложил закуску по тарелкам, расставил одноразовые пластиковые стаканчики. Открывать бутылки не стал — вдруг пить не станут, спортсмены все-таки!

— Здорово, Колун! — протянул накачанную лапищу тот парень, что был здесь за главного. — Молодец, что не забыл прийти. Меня зовут Кирилл. Лучше — Кир. Тропа! — крикнул он в открытую дверь. — Скажи пацанам, чтобы после тренировки заходили.

— Я взял водки. Решил, что у вас традиционные вкусы, — сказал Апполинарий и взял бутылку.

— Не надо, — жестом остановил Кир. — За еду спасибо, а водяра без надобности.

— Не пьете? — удивился Апполинарий.

— Нет, — отрицательно мотнул головой Кир. — И не курит никто. Хорошо, что мяса и сыра много принес, это белок, для мышц полезно.

— Ну так ешь, чего смотришь.

— Не-а, я еще не отработал свое. Потом.

— Ты что-то хотел спросить прошлый раз, — напомнил Апполинарий.

Кир сел на лавку. Не удержался, взял кусочек буженины. Быстро прожевал, проглотил. Чувствовалось, что очень голоден, но сдерживается изо всех сил.

— У нас тут своя компания, — неуверенно заговорил он. — Мы качаемся ... ну, не только ... в общем, литературой интересуемся патриотической, понимаешь? Но там как-то написано по-дурному ... я чувствую ... а еще нас фашистами обзывают, скинхедами. Ты грамотный, преподом пашешь. Можешь разобраться, что к чему и объяснить?

Апполинарий чуть помедлил с ответом. Осторожно спросил:

— Ты хочешь, чтобы я разъяснил вам ... тебе и твоим друзьям, что такое национал-социализм Гитлера?

— Ну, как сказать ... Понимаешь, все ругают фашистов и скинхедов, но втихаря ненавидят чурок. Почему так? Получается, если ты за русских, то фашист?

— А-а, вон оно что! Ты хочешь разобраться в национализме, понять смысл расовой теории. Ладно, попробую. Но надо подготовиться, так сразу не отвечу.

— Вот хорошо. Приходи в понедельник сюда, вечером.

В понедельник, ровно в восемь вечера Апполинарий вошел в подвал. Крепкий запах пота и звон железа показался чем-то родным и привычным. Кольшев поздоровался со всеми сразу взмахом руки. Получилось не так, как всегда. У Тропы слегка расширились глаза, остальные удивленно кивнули. Апполинарий глянул в зеркало и слегка обомлел — он держал правую руку в нацистском приветствии! Испугавшись, отдернул и тут же рассердился — какое же оно нацистское? Но об этом потом! В маленькой подсобке собралось человек восемь или девять, в полумраке плохо видно. Вон Тропа, рядом тот здоровенный парняга, что всем здесь заправляет, его зовут Кир. Под боком притулилась девушка, та самая студентка, которую Апполинарий случайно спас. Кольшев вдруг со стыдом осознал, что не помнит всех имен. Наверно, представлялись, а он, свинья, не запомнил. Надо как-то изворачиваться.

— Ну что ж, господа, приступим? — с улыбкой произнес Апполинарий. — Итак, что такое фашизм...

— Мы не фашисты, вы не путайте, — буркнул кто-то. — Мы за русских!

— Это всего лишь термин. От итальянского слова фашио — пучок. Ничуть не лучше коммунизма. От латинского *communis* — общее. Форма совместной жизни людей, основанная на обобщении имущества и труда всех ее членов. Как видите, в обоих случаях один смысл — общность. Кстати, я заметил, как вы обратили внимание на мой жест рукой. Решили, что это нацистское приветствие? Ошибаетесь. В Древнем Риме так отдавали честь военные. Как сейчас прикладывают ладонь к козырьку фуражки. Гитлер украл это жест. Как и свастику. Это религиозный символ, обозначает солнце. Православные священники надевают одежды на молебны — не помню точно, на какие именно — разрисованные свастикой. Этот знак используется не только в православии, но и в индуизме. Вся символика фашизма украдена у других. Ни Гитлер, ни Муссолини не придумали ничего нового. Стилизованная аббревиатура СС — всего лишь руны древних ариев, означают силу и верность, а не *schutzstaffel*, как полагают многие.

Теперь давайте рассмотрим условия, при которых возник фашизм. Сначала в Италии, затем в Германии. Обе страны лежали в руинах после мировой войны. Население вымирало, государственные институты были практически уничтожены, национальная гордость унижена до предела. Оставалось совсем немного, чтобы обе страны погибли, распавшись на мелкие княжества и города-государства, как в середине девятнадцатого века. Была необходима идея, которая сплотила бы народ и заставила его трудиться не за деньги, а за совесть. Вот вы качаете железо. Я не раз слышал, как вы говорите сами себе — я сумею, у меня получится, я — лучший! Только так можно преодолеть предельный вес снаряда, поставить рекорд. Народ, находящийся в шаге он гибели, спасают таким же образом. Находится человек, который говорит — мы лучшие, мы сильные, мы победим все и всех! И тогда люди забывают о своих мелких неудачах и личных горестях, идут за вождем. Потому что понимают — иначе нельзя, погибнут все.

Апполинарий вытер платком вспотевшее лицо. Тихонько хлопнула пробка на бутылке с минеральной водой, послышалось бульканье. Сидящий ближе всех Тропа протянул стакан. Апполинарий залпом выпил.

— Итак, промежуточный итог. Фашизм — это идеология национального возрождения. Все остальные определения — а их немало! — неверны. Фашизм зарождается тогда, когда вождь объявит нацию сверхценностью и самоцелью. Это происходит в момент, когда нация находится на краю гибели. С этого момента народ идет по пути фашизма, уничтожая всех

несогласных, а также тех, кого сочтет опасными. Это касается как социальных групп внутри нации, так и других народов. Фашизм не возможен в так называемом «сытом» обществе, в котором решены все или почти все социальные проблемы. Не следует путать фашизм с национал-социализмом Гитлера, это разные вещи! Как Ленин в свое время «творчески» переработал наследие Маркса и Энгельса, так и Гитлер создал свою расовую теорию, основываясь на идеях Муссолини. Фашизм — это не нацизм! Именно поэтому в Испании и Италии не было концентрационных лагерей, столь характерных для Германии. А фашистский режим генерала Франко благополучно просуществовал в Испании до 1975 года. После смерти диктатора в стране были проведены демократические реформы, Испанию приняли в Европейский союз, а членом НАТО она стала в 1982 году. Вы удивитесь, но первыми нацистами были — кто бы вы думали? — евреи!

— Это ты загнул, Колун! Совсем умным стал, — проворчал кто-то. — Да их больше всего убили.

— Относительно к общей численности этноса — да. В абсолютных цифрах — нет. Мы вернемся к этому вопросу чуть позже, а пока я хочу объяснить, почему именно евреи первые нацисты. Среди вас верующие есть? — неожиданно спросил Апполинарий.

— Мы все верим, — ответил Кир.

«Это ново! Все качки верующие?» — подумал Апполинарий. А вслух сказал:

— Прекрасно. Тогда возьмите Ветхий Завет и внимательно прочтите его. Там, кстати, очень хорошо рассказано, почему египтяне хотели догнать уходящих из Египта евреев и всех убить. Причем возглавил погоню — неслыханное дело! — сам фараон. Вы, наверно, много раз видели этот сюжет в детских мультиках.

— И почему? — спросила девушка.

— Потому что иудейский бог приказал им взять у египтян в долг как можно больше золота и денег и тайно, ночью, бежать из Египта.

— Те есть евреи ограбили египтян, так? — удивилась девушка.

— Именно. Потому и погоню возглавил сам верховный правитель Египта — фараон. Не верите — почитайте Ветхий Завет.

— А почему евреи первые нацисты? — спросил Тропа.

— По земле бродило много разных народов. Почти все они исчезли. Нет древних греков, римлян, египтян и многих, многих других. Евреи один из самых древних народов на Земле. Они хранили культуру, традиции, обычаи на протяжении более двух тысяч лет, а согласно оценкам некоторых исследователей — больше пяти тысяч. Это удивительно. Я не знаю другого народа, который совершил бы такое, не имея собственной земли и государственности. Это без преувеличения подвиг, которому нет равного в истории!

— Говорят, будто евреи самые умные, — буркнул Тропа.

— Возможно. Но, по-моему, им просто на вождей везло. Ладно ... Так вот, а началось все с того, что народ изгнанник стал вымирать. И Моисей — первый фюрер евреев — сказал: мы лучшие, мы избраны богом — какие-то скрижали показал, якобы под диктовку бога писал — остальные народы недоумки.

— Так и сказал? — удивился кто-то.

— Как именно, неизвестно, я говорю о смысле сказанного. И евреи поверили, и пошли за ним. Конечно, не все. Нашлись такие, кто не захотел бороться. Какому-то золотому тельцу стали поклоняться. Моисей приказал своим сторонникам убить их всех. Жен, детей и стариков тоже. Соплеменников убивали за то, что не послушали вождя, отвергли

предложенную идеологию. То есть, уничтожили инакомыслящих. На основе тех пресловутых скрижалей создали Талмуд — священную книгу иудеев. Я не читал, но вроде бы именно в талмуде написано, что иудеи избранный народ, остальные просто говорящий скот.

— Вот потому их и ненавидят во всем мире, — проворчал Тропа.

— Да, это серьезная причина для ненависти, — согласился Апполинарий. — Но я говорю о другом. Идея национальной исключительности не дала погибнуть целому народу. Столько испытаний, сколько выпало евреям, не досталось никому. Они не только выжили, но сумели создать свое государство Израиль на том самом месте, где оно существовало тысячи лет назад. И это не просто клочок суши, где прозябают в нищете несколько тысяч человек, это высокоразвитое государство, одно из самых передовых в мире!

— Это еврейская мафия помогла! — глубокомысленно сообщил кто-то.

— Ну и что? Почему албанская мафия не строит заводы и институты, а торгует наркотиками и людьми? Почему арабская мафия, имея сотни миллиардов долларов прибыли от торговли нефтью, ничего не создает? Кто или что мешает другим странам и народам творить технологическое чудо? На этот вопрос можно отвечать по-разному.

— А как у евреев-то получилось?

— Они этого очень хотели! Действительно, помогали богатые евреи со всего мира. Но главный источник финансирования — холокост.

— Погодите, этим словом называют массовое убийство евреев во время войны!

— Да. Но евреи не были бы евреями, если бы не использовали холокост с выгодой. Я поясню ... По всему миру была развернута пропагандистская компания, обвиняющая немцев в массовом уничтожении людей, евреев в частности. На самом деле больше всего было уничтожено славян — русских, украинцев, белорусов. Но никому из нас и в голову не пришло спекулировать этим. А евреи расплакались на весь мир, что их убили больше всех, что это самое страшное преступление в истории человечества и так далее. Помните, что я говорил о национальной исключительности? Евреи до сих пор верят, что они самые лучшие, а остальные ... так себе. Потому они искренни, когда говорят о холокосте, как о самом страшном преступлении. Как же, истребили шесть или восемь миллионов сверхчеловеков! Так вот, евреям удалось внушить всему миру и Германии в частности, что им, евреям, все обязаны. Разумеется, в конвертируемой валюте. Германия и страны победительницы выплачивали огромные суммы безутешным евреям, которые аккумуляровались на счетах в банках. Именно на эти деньги и был построен Израиль. И не важно, что ради этого пришлось убить тысячи арабов, которые не хотели уходить со своей земли — если это не геноцид, то что? — не важно, что в еврейском государстве не еврей считается человеком второго сорта, причем официально — если это не расизм, то что?

Я утверждаю, что создателями нацизма как идеологии являются именно евреи, а Израиль — типично нацистское государство, в котором национализм возведен в ранг официальной идеологии. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что арабские соседи евреев веротерпимостью тоже не отличаются, спят и видят, как бы извести под корень всех жидов, а заодно и тех, кто не верует в Аллаха. Хороши и те и другие, потому что обе стороны считают себя богоизбранными, высшими существами, а всех остальных скотами. В Израиле существует несколько нацистских партий, которые по очереди приходят к власти, ничего, по большому счету, не меняя. Просто одни предлагают убивать арабов сразу, без разговоров. А другие делают вид, что они де цивилизованные, желают договариваться, но дикие арабы не хотят. В арабских странах царит феодальный строй,

власть передаются по наследству, партий или политических движений нет вообще. Я не осуждаю и не даю нравственной оценки. Я хочу сказать, что нацизм или национализм, называйте как хотите, является непременным условием выживания любого народа, история Израиля и евреев это доказывает. Малые народы, которые исповедовали так называемый интернационализм и терпимость к другим культурам и нациям, в конечном итоге погибали. Они растворялись среди представителей более крупной расы навсегда.

— А у нас в России вон сколько всяких живет! — удивленно произнес кто-то.

— У этих «всяких» есть свои собственные республики. Пусть и сидят там, — хмуро пробурчал Кир.

— Точно! Чего в Россию лезть? Пускай строят заводы, компьютеры собирают. Никто мешать не будет, — поддержал Тропа.

— Это не так просто, — возразила девушка. — Надо иметь образование, опыт работы, надо многому научиться.

— Да, вы правы, — согласился Апполинарий. — Прежде чем собирать компьютеры, этому надо научиться. Позвольте, я вам приведу один пример ... Как известно, самые лучшие в мире часы делают в Швейцарии. Разумеется, речь идет о классических механических часах. Этот промысел зародился в Швейцарии в первой половине восемнадцатого века. Сейчас трудно точно сказать, что именно побудило швейцарцев заняться изготовлением часов. Существует легенда, что первыми мастерами часовых дел стали обыкновенные крестьяне. Долгими зимними вечерами, когда нечего делать, кому то из мужчин пришла в голову мысль заняться сборкой часового механизма. В то время часы были роскошью, доступной только очень богатым людям. Хронометры стоили так дорого, что на доход от продажи только одного механизма семья крестьянина могла безбедно прожить целый год! А семьи тогда были не то, что сейчас — полтора десятка детей считалось нормой. Сначала один крестьянин научился изготавливать часы, потом другой, третий ... Часовых мастеров становилось все больше, они начали объединяться в цеха, где у каждого была своя специализация. Одни делали корпуса, другие шестеренки и пружины, третьи изготавливали красивые циферблаты. Окончательную сборку доверяли наиболее опытным и самым лучшим. Вот так появились на свет знаменитые швейцарские часы. Кто учил швейцарских крестьян собирать хронометры? До тех пор, пока они сами этого не захотели, никто! Вы можете себе представить, чтобы наши ... э-э ... горцы занялись изготовлением часов? Или сборкой тех же компьютеров, что намного проще? А ведь Швейцария тоже горная страна, тамошние жители до сих пор пасут овец на альпийских лугах. Но для них это скорее экзотика, что-то вроде хобби, а наши «джигиты» до сих пор только это и умеют.

— Эти ... кубачинцы есть, — произнес Тропинин.

— Верно, есть такое село Кубачи, жители которого делают очень красивую посуду из серебра. Неподалеку имеется месторождение. А еще?

— Чичи преуспевают в бизнесе... — раздался неуверенный голос.

— Да, среди барыг немало выходцев из Чечни. Фабрик нет, а сельскохозяйственных артелей и «купи-продай» полно. Почему?

— Потому что бандиты одни, — пробурчал Кир. — Любой чичик бандит!

— Согласен, — кивнул Апполинарий. — Российское бизнес сообщество формировалось в девяностые годы прошлого столетия. Формировалось стихийно, из представителей советской хозяйственной и партийной элиты. Эти люди неплохо знали законы маркетинга, умели организовать производство, но понятия не имели, что такое организованная

преступность. И когда их начали отстреливать среди бела дня, они растерялись. Понадобилось время, чтобы осмотреться по сторонам, оценить ситуацию и начать действовать адекватно. А чеченцы тем временем захватывали наиболее выгодные предприятия торговли, делили сферы влияния и не скупилась на пули и доллары. Чеченцы ничего не смыслили в экономике, многие даже по-русски говорили с трудом, зато отлично знали законы джунглей, вернее, гор: слабых убивают, выживает сильнейший, доброта губительна. Джигит должен быть безжалостным, иначе он не джигит. Период первоначального накопления капитала с его гангстерскими и ментовскими войнами, растерянностью власти на всех уровнях и неуправляемой вспышкой жадности населения оказался идеальной средой для существования кавказских банд, организованных по клановому принципу: один за всех, все за одного. Принцип кровной мести является стальным каркасом, на котором держится чеченский, да и вообще кавказский закон и порядок. Какая там Конституция РФ! — усмехнулся Апполинарий.

— Вот как говорил об этом Хожа Нухаев, один из самых известных и богатых чеченцев в России, в интервью немецкой «Die Woche:

«Корр.: Почему так называемая «чеченская мафия» до сегодняшнего дня считается лучшим образцом преступной структуры России:

Нухаев: Наша организация отражала клановую структуру чеченской нации. Каждый клан сохранял свою деловую самостоятельность, но при этом они составляли единую общину. Эта община напоминала армию с четкой дисциплиной и автономными «подразделениями». Мне не было необходимости их вооружать и содержать, так как они обеспечивались всем необходимым теми коммерческими структурами, в которые вошли. Я только координировал их деятельность. И это давало мне возможность противостоять всем, кто посягал на интересы чеченцев. Уже тогда я сознательно поставил на кровное родство, внутри которого нет места предательству».

Они захватывали только тот бизнес, где не требовались специальные знания, большие капиталовложения, новые технологии, а прибыль была быстрой. Заводы по производству компьютеров или космических кораблей им не нужны. Они срывают сочные верхушки, «милостиво» позволяя низшим существам, русским, двигать науку, производство, строить дороги — по которым станут перевозить товары, принадлежащие чеченским бизнесменам! — служить в рядах Вооруженных Сил, дабы — опять же! — не было помех чеченскому бизнесу. Кстати, именно из соображений коммерческой выгоды прекратилось партизанское движение в Чечне. Зачем проливать священную кровь правоверных, если можно купить власть на местах — да и в столице, чего уж там! — и спокойно наживаться на перепродаже товаров и рабском труде русских крестьян. Чеченцы с удовольствием нанимают русских батраков — покорны, много за труд не просят, согласны работать за порцию «огненной воды».

Апполинарий грустно покачал головой, с горечью добавил:

— Беда в том, что наши совковые лавочники и фабриканты своих соплеменников тоже считают за бессловесный скот и платят сущие гроши. На их фоне чеченцы и прочие кавказцы выглядят просто филантропами. Эх, да сами же во всем и виноваты! — махнул рукой Апполинарий. — Сегодня все захваченное легализовано, бандитские атаманы стали послушными властям — не законам! — бизнесменами, пользуются покровительством милиции, охраны ФСБ и прямо-таки отеческой заботой властей.

— Отстегивают! — оскалился Кир.

— Еще как! Кавказцы отлично знают, когда дать в морду, а когда на лапу.

— А этот, как его ... Хуйжа Нухуев, он где сейчас? — спросил Тропа.

— Гниет в яме вместе с такими же «крутыми», как сам. Вычислили его наши и пристрелили без суда и следствия, — с усмешкой ответил Апполинарий.

— Ну вот! — оживился Тропа. — Могут же мусора, когда захочут!

— Когда разрешат, — угрюмо поправил Кир.

Апполинарий промолчал, только тихо вздохнул.

Суббота, одиннадцать двадцать утра. Зимнее небо припорошено бледными тучками, редкие снежинки лениво спускаются к земле. Скромное солнце изредка бросает взгляды вниз, земной мир на краткий миг расцветает красками, светлеют лица прохожих. По широкому проспекту мчится кавалькада из шести автомобилей. Сплошь вместительные лимузины иностранного производства. Каждая машина разукрашена лентами, цветами, в салонах сидят мужчины в дорогих костюмах. Черные глаза блестят весельем, аккуратно подбритые усики топорщатся от улыбок. Почти у каждого в руках оружие — пистолеты, короткоствольные автоматы или охотничьи ружья дорогих марок. Мужчины непрерывно стреляют в воздух, смуглые лица искрятся радостью, то и дело раздаются довольные выкрики — вооруженные пассажиры так выражают свои чувства, видя разбегающихся в страхе прохожих. Некоторые машины выезжают на встречную полосу и мчатся дальше на полной скорости. Поток автомобилей на «встречке» рассыпается на отдельные машины, которые торопливо прижимаются к обочине дороги. Радости пассажиров лимузинов нет предела — пальба усиливается до уровня канонады, выстрелы сливаются в пулеметные очереди, довольные вопли становятся похожи на боевой клич атакующей конной лавы. Галдяще-стреляющая колонна лимузинов пролетает перекресток на красный свет. Какой-то жалкий «жигуленок» визжит тормозами, словно перепуганный щенок, останавливается буквально в считанных сантиметрах от потока черных автомобилей. Водитель, пожилой мужчина, выбирается из салона на дрожащих ногах, от волнения не может сказать ни слова, только беспомощно машет руками. Совсем рядом притормаживает бронированный «мерин» шестисотой модели, тонированные стекла проваливаются, словно распахиваются беззубые рты инопланетного чудища. Наружу высовываются волосатые руки, тускло блестят вороненые стволы. Воздух разрывается на куски от слитного грохота автоматных очередей и ружейных залпов. Оглушенный и растерянный, мужчина неверяще смотрит на людей в салоне мерседеса, на лице появляется выражение обреченности, словно у приговоренного к расстрелу. Стрельба стихает, лимузин трогается, стремительно набирает скорость и пропадает вдаль. На следующем перекрестке колонна лимузинов сворачивает направо, затем налево. Машины втягиваются в узкую улочку с односторонним движением. Едут под знак «Въезд запрещен», но это никого не смущает. Первый раз что ли?

Едва только последний автомобиль проезжает знак, как из боковой улицы выползает тяжело нагруженный строительным мусором самосвал. Грузный и толстый, как откормленный кашалот, четырехосный монстр шведского автозавода Volvo наглухо перегораживает улицу. Водитель последнего лимузина замечает грузовик в зеркало заднего вида, но не придает значения. Его внимание приковано к полированной заднице впереди идущего автомобиля — не помять бы на малой дистанции! Ни шофер, ни пассажиры последней машины не видят, как из кабины самосвала выпрыгивает парнишка в оранжевой робе строительного рабочего. Бежит вдоль машины, на несколько секунд останавливаясь

возле колес. Раздается громкое шипение, сжатый воздух поспешно покидает свою мрачную резиновую темницу, самосвал тяжело проседает сначала на один бок, потом на другой и в конце концов прижимается к земле всем железным пузом, словно товарный вагон прилег отдохнуть в городской черте. Парнишка перебегает на другую сторону улицы, в руках появляется видеокамера.

У пассажиров роскошных иномарок заканчиваются патроны, выстрелы раздаются реже и по одному. Кавалькада сбрасывает скорость, головная машина приближается к двухэтажному особняку. Дом в стиле ампира скрыт за высоким металлическим забором, вдоль которого разросся густыми пучками декоративный можжевельник. Стальные ворота, украшенные художественной ковкой по верхнему краю, начинают медленно раскрываться, словно портал в мир высших существ. Кажется, что вот-вот зазвучит торжественная музыка, на зеленой лужайке появятся накрытые белыми скатертями столы и женщины неземной красоты в сияющих одеждах бросятся в объятия суровых мужчин ...

В дальнем конце тихой улочки появляется приземистый, темно-зеленый и огромный МАЗ. Громадный, словно динозавр, тягач ракетовоз медленно вползает в прогал между домами, заполняя железным телом почти все пространство улицы. Тысячесильный мотор глухо рычит, звук получается низкий, почти на пределе слышимости. От рыка чудовища на двенадцати колесах в рост человека дрожат деревья, оконные стекла вибрируют, тихо позвякивает хрусталь в буфетах. Жители окрестных домов в испуге припадают к окнам, с изумлением разглядывая неправдоподобно огромный и сильный автомобиль. Много лет назад эта машина перевозила баллистические ракеты по казахстанской степи. Ей на смену пришли новые ракетовозы, более совершенные и мощные. Старушку подремонтировали и отправили на «гражданку», перевозить строительные краны, трубы особо большого диаметра и мостовые пролеты. Один такой железобетонный болван лежит на грузовой платформе, похожий издали на поверженного языческого идола. Тягач аккуратно выезжает на дорогу. Автомобиль на мгновение замирает на месте, слышен лязг переключаемой передачи. Рычит мотор, из выхлопных труб вырываются клубы синего дыма и железный монстр устремляется вперед. Ракетовоз набирает скорость, мелькают деревья по обочине дороги, рев двигателя становится громче. Автомобиль кажется просто чудовищно огромным на узкой улочке, сплошь застроенной коттеджами и дворцами.

Водитель и пассажиры первой машины замечают несущийся навстречу автомобиль. Развернуться на узкой дороге невозможно, сдать в сторону тоже. Сзади подпирают остальные машины кавалькады. Остается только ехать вперед и попытаться проскочить в ворота раньше, чем сумасшедший на ракетовозе протаранит мерседес. В том, что именно это задумал сделать водитель тягача, уже не сомневались ни водитель, ни пассажиры. Шофер лимузина жмет педаль газа до упора. Мерседес срывается с места, словно гоночный болид формулы 1. В считанные мгновения автомобиль достигает цели, остается только проскочить поворот и нырнуть в спасительно распахнутые ворота. Но водитель чуть-чуть просчитался. Мерседес разгоняется слишком сильно — шестьсот лошадей это вам не жигули второй модели! — бронированный лимузин юзом идет по мокрому асфальту, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов. Задние колеса врезаются в бордюр, машину отбрасывает и она становится поперек дороги. Дальнейшее происходит настолько быстро и неожиданно, что водитель второго мерседеса даже не успел среагировать. Никелированная морда пучеглазого «мерина» с хряском врубается в бочину шестисотого и какое-то время обе машины движутся вместе буквой «Т». Бульдозья морда МАЗа вырастает до размеров атомного ледокола,

темно-зеленая туша заслоняет мир, густая тень падает на мерседес. Крики пассажиров обрываются, в салоне становится тихо и мрачно, словно открылась долина тени смертной. В следующее мгновение сильнейший удар сотрясает автомобиль. Душераздирающий треск раскалывает тишину, пуленепробиваемые стекла с хряском разлетаются на маленькие кусочки льда, пассажиров отшвыривает к противоположной стороне. В салон врывается горячее дыхание железного монстра и люди внутри автомобиля с ужасом видят, как начинают смыкаться края салона. Усиливающийся рев двигателя глушит вопли ужаса. Ракетовоз врежется в мерседес, сминая кабину, словно картонную коробку и толкает лимузин дальше. Шестисотый «мерин» действует, как ковш бульдозера, собирая на своем пути остальные машины кавалькады. Тихая улочка заполняется надсадным ревом ракетовоза, хрустом железа и стекла, визгом и хлопками лопающихся покрышек. Крики людей почти не слышны в грохоте и треске. Огромный МАЗ гонит черную волну стали и плоти, оставляя за собой клубы сизого дыма и осколки стекла. В считанные мгновения мешанина железа, пластика и людей достигает конца улицы и упирается в бок самосвала. Тяжело нагруженный строительным мусором автомобиль слегка наклоняется под напором, железные обода съезжают с расплющенной резины колес, края упираются в многочисленные выемки в асфальте. И все, самосвал становится «намертво»! Словно под воздействием гигантского пресса дорогие мерседесы, БМВ и бентли сминаются в бесформенную массу, в которой мелькают белые лица, выпученные глаза, судорожно дергаются тонкие прутья рук. Оглушительно ревуший ракетовоз напирал и напирал!

Все закончилось в считанные секунды. Когда колеса МАЗа начали прокручиваться на месте, оставляя на асфальте широкие черные следы, рев двигателя достигает предела, затем стихает. Сквозь забрызганное кровью и машинным маслом лобовое стекло видно, как метнулась чья-то тень. Распахивается дверь, из кабины спрыгивает на асфальт мужчина в грязном комбинезоне, лицо скрыто черной маской с прорезями для глаз, на ладонях матерчатые перчатки. Человек на мгновение задерживается возле двери, в руках появляется охотничье ружье с укороченным стволом. В эту же секунду на улице появляется ничем неприметный «москвич» эпохи развитого социализма. Машина подъезжает к куче хлама, в который превратились лимузины. Хлопают двери, выходит невысокий парень, по комплекции почти подросток. В черной маске, в руках помповое ружье с коротким стволом. Все трое приближаются к изуродованным автомобилям. Наглые и гордые красавцы лимузины превращены в кучу металлолома, разукрашенную осколками стекла, лоскутами натуральной кожи с сидений и щедро политую человеческой кровью. Откуда-то изнутри раздаются стоны и крики о помощи раненых. Люди в масках подходят ближе, слышны лязгающие звуки заряжаемых ружей. Водитель самосвала с видеокамерой приближается. Лицо тоже скрыто под маской, на руках перчатки. Оператор становится так, чтобы хорошо было видно тех, кто находится в раздавленных автомобилях. В объектив попадают искаженные страданием лица, изуродованные и залитые кровью тела мертвых.

Один из пострадавших, мужчина в дорогом темном костюме и белой рубашке, сумел вылезти из смятой кабины, но только до половины. Ноги оказались зажаты между сидением и передней панелью. Пиджак посечен осколками стекла, лицо покрыто многочисленными царапинами и ссадинами, лоб наискосок перечеркнут глубоким порезом. Видно лобную кость, клочок кожи свисает прямо на глаза, воротник рубашки и грудь залиты кровью. Под смуглой кожей на шее выступили жилы, лицо искажено страданием. Человек упирается руками в дверь, пытаясь вылезти через разбитое окно. Осколки стекла торчат, как клыки,

пропарывают ладони почти насквозь, но мужчина не чувствует боли и упорно пытается выбраться наружу. Люди в масках приближаются. Ружье поднимается, черный зрачок ствола останавливается на уровне лица раненого.

— Крупный план! — командует человек в маске.

— Есть! Картинка на весь экран! — отзывается оператор.

Гремит выстрел. Голова жертвы исчезает, на краткий миг появляется мутный шар и тут же исчезает, оседая на землю молекулами аэрозоля. Из толстенького обрубка шеи выплескивает фонтан крови почти на полметра вверх и опадает. Обезглавленное тело содрогается, руки подламываются, торс устремляется вниз, раздается глухой звук удара грудной клетки об искореженную дверь.

— Отлично! Пикчура суперская! — восклицает оператор. — Давайте дальше и побыстрее, у меня аккумулятор вот-вот сдохнет!

Выстрелы гремят один за другим. Заряды медвежьей картечи кромсают тела, разбивают в дребезги головы. Двое в масках идут вдоль вереницы смятых машин, методично отстреливая выживших. Лязгают затворы, взлетают к небу горячие гильзы, эхо выстрелов мечется между домами, асфальт щедро орошают капли крови. Видеокамера бесстрастно фиксирует все происходящее, рука оператора не вздрагивает от грохота, изображение получается четкое, яркое, как в профессионально отснятом боевике.

— Все, шабаш! — раздается приглушенный маской голос.

Горячие от выстрелов стволы опускаются к земле. Наступает тишина. Не слышно криков людей, не шумит ветер ветвями, только тихо бубнит «москвич» незаглушенным мотором. Воздух наполнен густым запахом крови, бензина и пороховых газов. Второй стрелок достает из кармана зажигалку, вспыхивает клочок бумаги. Горящий лоскут падает в лужицу кровавой жижи, тотчас вспыхивает бледное пламя. Огонь шустро бежит по искореженным останкам автомобилей, расползается по трупам, забирается внутрь кучи железного хлама.

— Бежим! — коротко приказывает голос из-под маски.

Стрелки бросаются к «москвичу». Оператор на несколько мгновений задерживается. Камера пишет картинку, как огонь пожирает машины и людей, пламя быстро набирает силу и вот уже посередине улицы пылает громадный погребальный костер. Столб черного дыма устремляется к серому небу, языки огня поднимаются ввысь.

— Хватит снимать, поехали! — раздается крик.

Хлопают двери, яростно ревет движок старенького «москвича», машина срывается с места и через считанные мгновения скрывается за поворотом. Минуту спустя раздается вой сирен, к месту побоища приближаются машины скорой помощи, полиции и пожарных. Стремительно собирается толпа зевак.

Вечерние новости на всех каналах начинаются с одного и того же сообщения примерно такого содержания: в спальном районе города, в элитном микрорайоне с романтическим названием «Мечта» произошла страшная трагедия — тягач врезался в колонну легковых автомобилей, в которой находились исключительно граждане так называемой «кавказской национальности». Ехали не то на свадьбу — «авторитет» берет четвертую жену — не то на юбилейную сходку, тут комментарии каналов различались. За рулем тяжелой машины находился явно сумасшедший. Впрочем, в версии с сумасшедшим водителем некоторые комментаторы усомнились; по рассказам немногочисленных очевидцев, водитель сознательно направил тягач на колонну лимузинов. По странному совпадению, а скорее всего, умысленно, выезд с противоположной стороны улицы был перегорожен самосвалом, у которого к тому же были спущены колеса. Вся полиция города поднята по тревоге, к расследованию подключены лучшие силы МВД, прокуратуры и следственного комитета.

А еще позже, в самое «пиковое» время в интернете появился ролик, в котором неизвестный оператор подробно запечатлел все, что произошло на тихой улице элитного микрорайона. Короткий фильм в считанные минуты оказался в лидерах просмотра на YouTube. Городская общественная организация «Нет расизму», а также местный «Союз народов Кавказа» на всякий случай поспешили выступить с совместным заявлением, осуждающим любые проявления ксенофобии и расовой нетерпимости, но всем стало ясно — никакой это не сумасшедший за рулем ракетовоза. Произошла заранее спланированная и продуманная акция по уничтожению наиболее одиозной и наглой верхушки местной кавказской диаспоры. Все жители города прекрасно знали, что рестораны, кинотеатры, рынки и магазины принадлежат выходцам из горных республик. Первые владельцы, местные жители, «добровольно» уступили права или ушли из жизни. Происшествие активно обсуждали очень долго — аж до понедельника. Общий смысл высказываний сводился к одному — «так и надо» или «давно пора». Полицейское начальство поспешило выступить с заявлением, что дело взято на контроль главой ГУВД, мэром и местной организацией правящей партии, без которой, как известно, ни вздохнуть ни ... выдохнуть! Следствие продолжалось неделю, потом зашло в тупик и было переквалифицировано в «висяк» после того, как полицейскому начальству позвонили из столицы. Сытый баритон пояснил, что делать ничего не нужно. Полицейский генерал с облегчением вздохнул и приказал подчиненным «не париться».

В спортивном зале прохладно, по полу гуляет слабый сквозняк, но воздух все равно насыщен запахом пота и железа. Подвальное помещение плотно заставлено тренажерами кустарного изготовления, по углам аккуратно разложены гантели различных размеров и веса, на железной раме покоятся затертые до блеска грифы, вдоль стены расположились «блины» на подставке, сваренной из уголка и кусков арматуры. Занятия еще не начались, в зале тихо и сумрачно. Рядом, в раздевалке за старым конторским столом расположился Кир, рядом сидит Апполинарий. Кольшев молчит, только изредка поглаживает бритую наголо макушку или теребит короткую бороду, что выросла на покрытых шрамами скулах и подбородке. Рубцы заживают медленно, отчего лицо приобрело выражение жесткости и даже свирепости, но серые глаза остались такими же внимательными, интеллигентски

сомневающимися. Кир поминутно сжимает кулаки, отчего мышцы на руках вздуваются шарами, плечи твердеют, а на шее выступают жилы. На румянном лице блестят глаза, крылья носа раздуваются, речь быстра и немного бессвязна.

— Стырить тягач было делом пустяковым, — рассказывает он. — Я ж водила! Сторожа упоили водкой до полного вырубона, ключ зажигания на хрен не нужен, у «вояки» тумблер. Вот с вольвухой пришлось повозиться. Дорогую машину делают шведы. Но хорошую! Поймали на выезде из карьера. Водиле, как водится, стакан водяры, потом скотчем вяжем по рукам и ногам, на морду шерстяную «пидарку» и в «бардачок» за сидухой. Тропа садится за руль и дует на перекресток — ну, туда, где въезд на улицу, на которой ихняя хата расположена. Красивый особнячок, скажу я тебе! До революции там дворянское собрание располагалось, потом краеведческий музей сделали, ну а после Горбачева — тьфу, гадина! — крестится Кир, — джигиты себе забрали. Какая-то мразь поселилась, сходняки проводили там по праздникам, овец резали, баб приводили — надо будет разобраться попозже с сучками продажными — и все такое!

В субботу джигиты свадьбу хотели отпраздновать. Баб своих в доме оставили, а сами кататься поехали по городу. Со стрельбой, с криками — понты свои показать, круть и ... ну, что пофигу все, понимаешь? У них, там в горах так принято, скакать на лошадях и палить в воздух. Вот и у нас решили ... Это уже не первый раз! Короче, Тропа заткнул горлышко, а я как поршень на МАЗе. Зверь машина! Не фиг делать целые дома сносить, только вот стекла бронешитками закрыть. Тогда можно ... Эх, блин! По рынку сначала прокатиться, а потом по хатам. Я знаю место на окраине, они там гнездятся, суки волосатые!

Лицо парня приобрело мечтательное выражение, голова качнулась, губы сложились трубочкой. Кулак правой руки врезается в ладонь левой, раздается смачный, режущий уши шлепок. Звук получился такой, словно тюлень изо всех сил в ласты хлопнул. Апполинаруй вздрагивает, лицо непроизвольно перекашивается.

— А что дальше? — спрашивает он.

— По газам, из джигитов фарш делать! У ракетовоза морда прочная, бампер как бревно. Передний «мерс» бронированным оказался по высшему классу, салон только прогнулся слегка, а остальные серийники, сразу всмятку. Я их в кучу собрал и попер на вольвуху-то! Крику было, визгу ... Кузова сразу перекосило, двери заклинило, вылезти никто не может. Когда последняя машина в самосвал уперлась, передних стало конкретно плющить. Джигиты ... ха-ха ... запели ангельскими голосами. Соловьями заливались, мать их! Такие трели ... ха-ха! ... чижики горные! — зашелся от хохота Кир.

Апполинаруй на мгновение представил себе, что чувствовали запертые в салонах люди и ему стало дурно. Лицо налилось бледность, пальцы задрожали, в глазах метнулся ужас. Кир заметил.

— Впечатлительный ты, Колун. Можно сказать, нежный. А чем эти твари в нашем городе занимались, знаешь?

Апполинаруй кивает, кадык нервно дергается.

— Да, слышал.

— Ты слышал, а я видел! На куски режут наших мужиков, если слово поперек сказано. Или как баранов, от уха до уха. А менты сквозь пальцы смотрят, джигиты с ними делятся. Я бы их всех в один овраг, да сверху из пулемета! — с ненавистью произнес Кир сквозь стиснутые зубы.

Хлопнула дверь на входе, послышались звуки шагов, в подвальную «качалку» входит

несколько человек. Тропу и девушку студентку Апполинарий сразу узнал, остальные вроде незнакомы. Но молодые люди весело приветствовали его и Кира и Апполинарий опять со стыдом осознал, что совершенно не помнит имен. «Ужас какой! — подумал Кольшев. — Не запомнить полдюжины слов. Наполеон знал по именам всех солдат гвардии, несколько тысяч человек. А ты, Кольшев, кандидат наук хренов, шестерых запомнить не можешь!» Молодые люди молча рассаживаются по лавкам. На лицах играет румянец, глаза блестят — видно, что они в курсе происшедшего, но хотят знать подробности.

— Кир, а ты уверен, что всех закоцали? — спрашивает один парень.

— Верняк! Каждый джигит получил заряд картечи в рыло, Тропа снимал на видео. Машка, я точно говорю?

— Да, я сама все видела, — кивает девушка.

— Вы тоже там были? — удивляется Апполинарий.

— Конечно. И стреляла в каждого, кто шевелился, — спокойно отвечает девушка.

— Видимо, они вас здорово обидели, — пробормотал Кольшев.

— А то! Какнибудь на досуге расскажу, — пообещала Маша.

Она снимает вязаную шапочку, длинные каштановые волосы рассыпаются по плечам, несколько прядей закрывает лицо. Девушка отбрасывает волосы назад, свет падает на лицо и шею. Возле уха Апполинарий замечает узкую полоску шрама.

— Слушай, Колун. Ты прошлый раз хорошо рассказывал про евреев, какие они умные да хитрые. У нас есть полчаса до тренировки, расскажи еще, а?

Апполинарий задумался. А что рассказывать? Что если в кране нет воды, то ее выпили жиды? Это глупо. Заниматься правдоподобным словоблудием, пускать пыль в глаза необразованной аудитории? — это стыдно и подло, хотя именно так поступает 99 % журналистов и писателей.

— Знаете, ребята, я не хочу болтать попусту. Излагаемый материал должен быть подтвержден фактами и цифрами, которых у меня сейчас нет. Я подготовлюсь и тогда отвечу, — сказал Кольшев.

— Ну-ну, — с сомнением в голосе произнес Кир. — Интересно, когда?

— Да хотя бы завтра вечером, — с улыбкой отвечает Апполинарий. — Приходите ко мне домой. Я подберу материал и мы с вами обо всем поговорим.

— Лады. Не забудь адресок назвать, — кивает Кир.

Окидывает взглядом щуплую фигуру Апполинария, глаза насмешливо щурятся.

— Не хочешь покачаться, Колун? — спрашивает он.

— Я? Э-э ... немного неожиданно ... я не готовился, — теряется Апполинарий.

— Да ладно, че тут готовиться-то? Качнешься разок, другой и все. Для первого раза хватит, — подбодрил Кир.

— Да, чего там! Давай, Колун, не ломайся! — поддержали остальные.

— Я вот... — начал было Апполинарий, но тут натывается взглядом на девушку. В глазах Маши мелькает сожаление пополам с ... нет, не презрением, а удивлением, что ли. Она словно спрашивала — ты мужчина? Наверно, нет.

— Да, — поспешно соглашается Апполинарий. — Я и сам хотел, но было как-то неудобно попросить. Я ведь ничего в этом не понимаю.

На следующее утро Кольшев едва встал с кровати. Мышцы болят, суставы скручиваются в трубочку, каждое движение причиняет боль. Вчера Апполинарий так увлекся тренировкой,

что заработался до полного изнеможения. Ребята предупреждали, что с непривычки будут болеть мускулы, но Апполинарий отмахивался — какие мускулы? У кого? У него, что ли? Охая и кряхтя, словно девяностолетний старик, Апполинарий ковыляет в туалет. Приземление на унитаз дается с таким трудом, что Кольшев всерьез засомневался — встанет ли? А ну как нет? МЧС придется вызывать. «Дьявол меня заberi! — мысленно выругался Апполинарий. — Телефон-то остался возле кровати!»! Осознав нелепость положения, вздохнул, на лице появилась вымученная улыбка. Ну, не идиот? А еще кандидат наук! Кое-как собрался, выходит на улицу. Дворник таджик глянул на согнутую фигуру, осуждающе качает стриженной головой — негоже человеку так напиваться. Эк корежит-то с бодуна! Вздыхает, уголки губ презрительно опускаются — а еще в Бога верует, говорит, что православный христианин. Что за вера такая, если позволяет упиваться до состояния ... нет, не скота, животные такими не бывают ... до состояния нелюди, шайтана? Наш Аллах такого не допускает. Наш бог лучше!

День прошел так-сяк, ни шатко ни валко. После лекций Апполинарий зашел в библиотеку порыться в книгах, но ничего интересного по еврейскому вопросу, разумеется, не нашел. Гораздо удачнее оказался поиск в Сети, но «рыть» чересчур глубоко Апполинарий не стал — завкафедрой негласно контролирует трафик и строго следит за тем, чтобы персонал не «топтался» в Сети не по делу, т. е. серфинг только по работе, никаких загулов «налево». Однако кое-что Апполинарий нарыл и дома, на собственном компьютере, искал уже целенаправленно. Надо сказать, что «еврейского» материала в интернете достаточно, национальная тема вещь чувствительная, пасутся все кому не лень. В основном гипотезы, мифы и пространные рассуждения. Тем не менее можно найти очень интересный — а главное, достоверный материал.

За окном стремительно умирает короткий зимний день, черный воздух ночи торопливо заполняет пространство. Вспыхивают уличные фонари, зажигаются квадратные глаза окон домов, светлячки автомобили осторожно ползут по скользкому асфальту. Апполинарий только что закончил уборку хаты — люди придут, неудобно! — стиральная машина забита грязным бельем, разбросанные по всей квартире рубашки-майки-носки-трусы спрятаны в шкаф, гора грязной посуды стала чистой и мокрой и перебралась в сушилку.

— Ну, вроде все. Или нет? — пробормотал. — Плита, ексель-моксель!

Вспомнил, что забыл вымыть газовую плиту, которую всю неделю регулярно заливал выкипающим кофе. В результате конфорки покрылись подозрительного вида налетом, а белая панель стала похожа на лист ржавого железа. Вдобавок в углу скопилась куча пустых пластиковых бутылок из-под минеральной воды. Чертыхаясь и проклиная никчемную память кандидата наук, Апполинарий бросается на кухню. В эту минуту в прихожей верещит звонок. «Все, настало время позора!»! — сокрушенно подумал Апполинарий и идет открывать дверь. Компания скинхедов — а именно так называл про себя Апполинарий парней — с шумом вваливается в прихожую, но сразу смущенно смолкает. Обстановка профессорской квартиры действует. Мебелью Апполинарий никогда не интересовался, интерьером занималась покойная мама. А у нее вкусы были консервативно-преподавательские: паркет, стулья на кривых ножках, темные шкафы и тяжелые сборные шторы. Молодежь предпочитает полегче. Скинхеды разулись и аккуратно развесили верхнюю одежду на вешалку. В просторной прихожей стало тесно от выстроившихся в ряд

ботинок с высоким берцем и грубых кожаных курток. В воздухе появился специфический аромат выделанной кожи и носков.

— Красиво у тебя. Солидно, — подытожил Кир, обводя квартиру глазами.

Тропинин только восхищенно вздохнул, ладонь взъерошивает спутанные шерстяной шапочкой волосы.

— Клево!

Из-за спин парней выглядывает Маша, корчит смешную рожицу — подумаешь мол! Но в женских глазах Апполинарий замечает промелькнувший интерес. Остальные скинхеды молчали и тоже рассматривали обстановку.

— Да вы проходите, — спохватился Кольшев. — Чего стоять-то?

Апполинарий заранее развернул письменный стол так, чтобы экран монитора был хорошо виден с дивана. Когда все расселись, Апполинарий вышел вперед, но тут заметил, что так он загоразивает монитор и вообще — тут не аудитория, нечего расхаживать туда-сюда, аки гусь лапчатый. Апполинарий садится на край стола, палец нажимает кнопку enter, экран загорается бледно-голубым светом.

— Итак, господа, приступим к нашей лекции, — привычно начал Апполинарий. — Тема старая, но отнюдь не устаревшая. Начну со статистики ... Римский император Тиберий специальным эдиктом изгнал из Рима евреев в 19 году от рождества Христова. Кесарь Константин Великий, император Рима с 324 по 337 год изгнал евреев из Рима и всех римских провинций ... хм, интересно! А куда? Ведь северная Африка ... ах, да — Карфаген!

Византия ... Император Юстиниан Великий — 483–565 — сильно ограничил привилегии евреев, удалили от почестей, должностей и в конце концов приравнял к еретикам. В то время, должен заметить, еретики находились вне закона, так что наказание очень суровое!

Апполинарий пощелкал кнопкой на «мышке», на экране загорелась новая картинка.

— Так, смотрим далее. Братья мусульмане ...

— Они нам не братья! — послышался сердитый голос.

— Мне тоже. Это так, название одной секты, — спокойно ответил Апполинарий. — Ага, вот! Мухаммад изгнал евреев из Аравии в начале седьмого века. Ну, с мусульманами это не удивительно, у них ненависть к евреям в крови. Возьмем Русь. Наши предки отличались большой веротерпимостью, но и они не выдержали. Первое изгнание евреев произошло при Великом князе Киевском Владимире Святом (около 955 — 1015). Первое изгнание евреев из Франции осуществил Филипп 1 (1053–1108). Владимир Мономах (1053–1125) вышвырнул евреев из Руси. Княжеским указом он объявил, что убивать и грабить евреев в ответ на их претензии быть выше русских — неотъемлемое право каждого человека. Сказано буквально следующее:

«Ныне выслать евреев из земли русской со всем имуществом и впредь не принимать их, а если они тайно войдут, то вольно их убивать и грабить».

(В.Н. Татищев (1686–1750), «История Российская с самых древнейших времен», Императорский Московский университет, 11, с. 218, 1778 г.)

А вот что пишет Осип Ярошевич (1793–1860), литовский историк, профессор Виленского университета в трактате «О еврейском погроме в Киеве в 1113 году»:

«Киевляне, будучи раздражены евреями за подрыв и плутни в торговле, обдирательство и тайные сношения с греками, бросились на них с остервенением, неся повсюду убийство и грабеж».

Оставим Русь, переберемся в Европу. Король Италии Альфонс 8 (1155–1214) в 1171 году изгоняет из страны всех евреев, после чего экономический упадок государства был остановлен, страна стала процветать. Филипп 2 Август (1165–1223) евреев снова изгоняют из Франции, из города-государства Аугсбург в Германии, в 1189 в Англии, в день коронации Ричарда 1 Львиное Сердце (1157–1199), герцога Аквитанского, начались еврейские погромы, спровоцированные воровством и подлостью евреев.

Филипп 4 Красивый (1268–1314) ненавистных евреев опять изгоняет из Франции в 1295 году. Но не всех. Осенью 1307 король издает — неслыханное дело! — повторный указ о немедленном и беспощадном изгнании или уничтожении евреев сначала из Парижа, а затем и из всей Франции. Более ста тысяч человек были изгнаны или казнены. Масштаб для средневековой Франции грандиозный! По всей Европе прокатилась волна казней евреев после целой череды ритуальных убийств христианских младенцев. Английский король Эдуард 1 Длинноногий (1239–1307) изгнал евреев из пределов Англии специальным эдиктом после того, как были доказаны ритуальные убийства, воровство, мошенничество и многочисленные случаи обмана со стороны евреев. Убийства регистрировались: 1144 год — Норвич, 1160 г. — Глостер, 1181 — Бэри Сент-Эдмунд, в 1192 и 1232 годах в Винчестере, в 1235 году в Норвиче, затем в Лондоне, Оксфорде и десятках других городов Англии. Конечно, средневековая Англия была страной суровой; впрочем, как и любая другая того времени, отправляли на костер даже по подозрению в колдовстве, а уж за ритуальное убийство и вовсе колесовали без долгих разбирательств. Можно сомневаться в достоверности представленных свидетельств, вероятно, есть выдумки или просто подтасовки фактов, но многими расследованиями руководили епископы, а некоторыми, наиболее громкими, и сам король.

Были изгнаны десятки тысяч евреев.

За убийства христианских детей евреев изгоняли из средневековой Франции — это согласно дошедших до нас королевских указов! — в 1295, 1306, 1386, 1391, 1493 годах!

1407 год, Польша, город Краков. Евреи совершают ритуальное убийство ребенка. Взбешенные поляки перебили сотни евреев, сожгли дома, уцелевшие в панике покинули город. Король Владислав Ягайло (1348–1434), Великий князь литовский, одобрил эти действия.

В 1492 году испанские правители, Изабелла 1 Кастильская и Фердинанд 2 Католик, король Арагона (1452–1516), издают указ об изгнании четырех сот тысяч евреев из Испании! Причины: тайное сотрудничество с врагами королевства, арабами и ростовщичество, достигавшее фантастической цифры 600 (!!!) процентов.

1493 год. Король Арагона изгоняет всех евреев с острова Сицилия.

1495 год. Евреев изгоняют из Флоренции.

1497 год. Евреев изгоняют из Португалии.

Если верить хроникам, евреев изгоняли из всех стран средневековой Европы. Их гнали отовсюду — из городов, деревень и поселков. Их одинаково ненавидели и аристократы, и простолюдины. Все нации и сословия объединились в ненависти к поганому племени. Любая страна, что давала кров и защиту евреям, рано или поздно осознавала, кого именно

приютила.

Вернемся в Россию. В 1580 году Иван Грозный изгоняет евреев из Великого Новгорода.

Царь Алексей Михайлович по прозвищу «Кроткий» (1629–1676), отец Петра I несколько раз изгонял евреев из пределов Московского государства, предписывая конфисковывать имущество, так как оно нажито нечестным путем.

Изгнание евреев из пределов Европы и России продолжалось аж до середины 18 века, так как евреи постоянно различными способами проникали обратно.

В конце концов императрица Екатерина Вторая в 1791 году издала указ, действовавший без серьезных изменений до февраля 1917 года, в котором были четко определены места, где разрешено селиться евреям. Это территория Польши, Малороссия и некоторые города Белоруссии. Исключения были сделаны для купцов первой гильдии, лиц с высшим образованием, зарегистрированных проституток, отслуживших рекрутов и мастеровых редких специальностей, а также для евреев-караитов.

— А это кто? — удивился Тропинин.

— Да! Я тоже о таких не слыхал, — поддержал Кир.

— Сейчас ... один момент, — улыбнулся Апполинарий.

В горле пересохло и он воспользовался паузой, чтобы глотнуть холодного чая.

— Это тоже евреи, но вера у них другая. Чтобы долго не объяснять, процитирую митрополита Православных Русских Церквей в Западной Европе Евлогия (1942) «Российская Православная Церковь рассматривала всегда караимскую религию как совершенно самостоятельную и никогда не смешивала ее с еврейской религией. Караимская религия признает Ветхий Завет с десятью заповедями, входящий в другие монотеистические религии (мусульманскую), признает Иисуса Христа и Магомета великими пророками и отвергает Талмуд, который является основой и главным содержанием еврейской религии. По этим основаниям караимы никогда не смешивались российскими императорскими законами с евреями и пользовались всеми правами коренного населения, которые евреям не предоставлялись — производились в офицерские чины, допускались в привилегированные учебные заведения и проч».

А вот что писал протоирей Семен Стариков, долгое время живший в Крыму и хорошо знавший караимов: «Характерно, что в учениях караимов нет высказываний, возвышающий этот народ над прочими, нигде не проповедуется рознь между людьми, но о человеколюбии достаточно говорится...»

Теперь мы подходим к самому главному — отчего так велика и длительна ненависть к евреям? В чем загадка?

Апполинарий обвел взглядом сидящих перед ним скинхедов. Все внимательно слушают, лица сосредоточены, глаза горят неподдельным интересом. «Вот бы в институте так слушали, — невольно позавидовал Колышев, — а то ведь сидят балбесы за родительские деньги, да картинки в нетбуках рассматривают всякие. Об учебе вовсе не думают».

— Сделаем перерыв, а? — неожиданно попросил Апполинарий. — В моем горле уже пустыня.

— Вот так всегда — на самом интересном месте! — проворчал кто-то.

— Колун прав. У меня задница онемела сидеть, — поддержал Апполинария Кир.

— Вот и хорошо. Машенька, если вам не трудно, поставьте чайник, — попросил Апполинарий и тут же прикусил язык — плита-то!

Он покраснел в предвкушении срама, даже глаза зажмурил, но отступить было поздно.

— Конечно, сделаю, — улыбнулась девушка и Апполинарию стало еще хуже. Почему-то именно перед ней особенно не хотелось позориться.

— Итак, возвращаемся к предмету лекции, — продолжил Апполинарий лекцию привычной фразой. — В чем же секрет? Все просто — религия евреев, иудаизм, является расистской и по сути своей людоедской. Как я уже говорил ранее, мыслящих людей всегда интересовал вопрос — в чем причина всемирной ненависти к евреям? Вернее, почему евреи таковы, что возбуждают ненависть и отвращение? Ответ на этот вопрос пытались найти многие, в том числе и великий русский писатель Ф. М. Достоевский. Не имея доступа к документам — а евреи хранили в тайне свои священные книги, которые и являются для них сводом законов, он наблюдал и анализировал те способы и методы, благодаря которым евреям удалось сохранить свою расу и национальные особенности на протяжении 40 веков. Вот что он писал по этому поводу:

«В окраинах наших спросите коренное население, что двигает евреев и что двигало их столько веков? Получите единогласный ответ: безжалостность; двигали ими столько веков одна лишь к нам безжалостность и одна только жажда напиться нашим потом и кровью».

(«Дневник писателя» за 1877 г., глава «Status in statu. Сорок веков бытия». Ст-Пб, 1895, ст.97.)

Иудейские законы очень подробно изложены в Талмуде и Шулхан-арухе — священных книгах иудеев. Еврейские дети изучали их с момента, как начинали говорить. Эти книги заполнены рассуждениями о превосходстве иудеев над всеми остальными людьми, в них подробно расписано, как следует обходиться с представителями других рас и религий. Суть всех высказываний такова: не евреи стоят ниже животных, это просто говорящие существа, они вне закона, а потому дозволяется обманывать, лгать, убивать, творить любые беззакония и подлости ... Разрешено все! Нет никаких моральных ограничений!

— Как у гитлеровцев? — удивленно спросил Тропа.

— Да, — кивнул Колышев. — Идеология иудаизма прямо предусматривает уничтожение гоев и воцарение на земле великого Израиля. Роль нацистской партии у евреев выполняет секта хасидов. Это и гестапо, и СД, и СС в одном лице. А знаете, как появился Израиль? Ведь раньше такого государства не было. Территорией, на которой сегодня располагается Израиль и Палестинская автономия, управляла Британия. Это была одна из последних ее колоний. Под давлением ООН она разрешила создать на территории Палестины два государства — еврейское и арабское. В день провозглашения этих двух независимых государств израильтяне напали на арабскую половину Палестины. Они уничтожили разрозненные отряды арабов, а потом поголовно вырезали все население. Все, включая стариков, женщин и детей. Дома сожгли, даже домашний скот арабов уничтожили — все, к чему прикасается гой, считается нечистым. Арабов поддержал СССР, хотели даже войска направить, но за евреев вступились США, а в этой стране евреи являются практически правящей элитой. Обмениваться ядерными ударами никому не хотелось, поэтому конфликт замяли. С тех пор арабы безуспешно борются за возвращение своих земель, но Израиль успел обзавестись хорошей армией, ядерным оружием и обрести

влиятельных союзников на Западе в лице тех же США, Англии и Европейского Союза Израиль является той страной, куда нельзя эмигрировать. Таких в мире, если не ошибаюсь, только две. В ЮАР тоже эмигрантов не принимают, тамошние ниггеры боятся, что приедут белые и опять захватят власть. Но там бледнокожих южноафриканцев не притесняют. Израиль другое дело. В эту страну может приехать только еврей репатриант. Не еврей, гой, имеет право только какое-то время работать в Израиле и только простым работягой. Израиль единственное государство мира, организованное по нацистским законам. Это государство, не скрывающее притязаний на мировое господство и открыто заявляющее, что все остальные расы неполноценны и будут уничтожены. Возможно, именно поэтому иудеи так яростно уничтожают все, что связано с германским фашизмом, ведь нация сверхчеловеков может быть только одна, а тут какие-то немцы попытались сделать то же самое!

Обратимся к первоисточникам. Упрощенный иудейский кодекс поведения, доступный пониманию среднего еврея, Шулхан-арух, что в переводе означает «Накрытый стол», был придуман в 16 веке Иосифом Каро (1488–1577), раввином из палестинского города Шафета. Он работал над ним почти 20 лет, это труд всей его жизни. Первое издание вышло в Венеции в 1565 году. На русском языке книга выходила дважды — в 1999 и 2001 годах на деньги Конгресса Еврейских Религиозных Организаций и Объединений в России (КЕООР).

О существовании Шулхан-аруха узнали только в конце XIX века ... кстати, нееврей, изучающий Талмуд, подлежит смерти! Так вот, — Апполинарий поводил мышкой, всмотрелся в экран. — Ага ... навскидку несколько положений.

Закон 3.1.

«Молитву «Кадиш» (Вознесен и освящен) разрешается читать лишь там, где десять евреев находятся вместе, а это должно происходить таким образом, чтобы ни одна нечистая вещь, как, например, навоз или акум, не разделяла их друг от друга».

(Шулхан-арух, Орах-хайим 55,20; взято из Тосафаф в Талмуде Песахим, 85)

Апполинарий на мгновение замолк, потом тихо добавил:

— Если кто не понял, акум или навоз — это мы с вами.

— Поняли, не дураки, — процедил сквозь зубы Кир.

Апполинарий посмотрел на притихших слушателей. Бледные лица серьезные, глаза горят ненавистью, пальцы сжаты в кулак, бегают желваки на скулах.

— Закон 13.

«Еврейской акушерке не только разрешается, но она обязана в шабаш помогать еврейке и при этом совершать все, что при иных условиях осквернило бы шабаш. Наоборот, помогать акумке (христианке, а равно и женщинам других религий) запрещается даже, когда это возможно сделать без осквернения шабаша,

ибо она должна рассматриваться лишь как животное».

(Шулхан-арух, Орах-хайим 330, 2; взято из талмуда Абода зара 26. Тозефоф, там же. Трактаты талмуда: Иебамоф, Киддушин, Керубофф.)

Ну, и последний закон, на этом хватит ...

31.1

«Строго запрещается обманывать своего ближнего. Обманом уже считается, когда он лишает его шестой части ценности. Кто обманул своего ближнего, тот должен все вернуть назад. Само собой понятно, что все это имеет место лишь среди евреев. Обманывать же акума еврею дозволяется и он не обязан возвращать акуму того, насколько обманул его, потому что в Св. Писании сказано: «Не обманывайте вашего ближнего брата»; акумы же не братья нам, а напротив, как уже значится выше (зак.25) они хуже собак»!

(Шулхан-арух, Хошен га-мишпат 227. Талмуд Баба мециа, 49. Из Раши во Второзаконии, 14, 21.)

Вот что такое иудеи, ребята. Конечно, любая религия — и иудаизм здесь не исключение — меняется со временем. Иудеи вынуждены приспособливаться к миру, но людоедская суть от этого не меняется. Тут я фильм один скачал, документальный, отснятый еще в 1973 году в СССР. Картинка черно-белая, качество хреновенькое, зато показано такое, что больше нигде не увидите, ни по одному телеканалу ни в одной стране. Называется «Тайное и явное: цели и деяния сионизма».

Да, чуть не забыл! Есть еще один неплохой фильм, снят уже в США — там тоже отнюдь не все поклонники жидовских юберменьшей — называется «The other Israel»^[1]. Фильм по-американски политкорректен, но посмотреть стоит.

Апполинарий допил остатки холодного чая, улыбнулся:

— Ну, вот и все. Хватит на сегодня, я выдохся.

Утром неожиданно позвонил Пятницкий.

— Доброе утро, Апполинарий Павлович! Как спалось?

— Доброе, неплохо ... до вашего звонка, — неприязненно буркнул Апполинарий в трубку.

— Ну, насколько я вас знаю, вы и дальше будете спать спокойно, — задумчиво произнес Пятницкий. — Возможно, даже еще лучше.

— Благодарю за комплимент. На самом деле моя нервная система вовсе не так крепка, как вам кажется. Чего вы хотите?

— Сообщить вам кое-что. Прояснились некоторые детали ограбления вашей квартиры.

— Сообщайте.

— По телефону нельзя, информация конфиденциальная. Мы встретимся с вами в парке возле института. Буду ждать вас у центрального входа в 15.00, - ответил Пятницкий и положил трубку.

«Козел! — мысленно обругал капитана Апполинарий. — Даже не спросил, смогу ли я. Инициативу, видите ли, держит в своих руках! Шел бы ты куда подальше, мусор паршивый!»! Однако ни подальше, ни поближе посылать Пятницкого Апполинарий на самом деле вовсе не собирался. Наоборот, ради встречи с «мусором паршивым» он отказался от факультативных занятий со студентами старшего курса, сославшись на внезапное ухудшение здоровья и даже едва не повздорил с деканом, который прозрачно намекнул, что студизусы платят наличными за дополнительные занятия, поэтому нечего кочевряжиться. А если такой больной, то пора искать другую работу. Апполинарий разнервничался, вспылил и собрался послать декана туда, куда утром хотел отправить Пятницкого. Бугристое от шрамов лицо побагровело, глаза налились кровью, уголки губ приподнялись. Декан, до этого смотревший на Апполинария с высокомерием и насмешкой — начальник! — внезапно побледнел, в глазах метнулся страх. Он живо покинул кожаное кресло, вышел из-за стола, но на другую сторону. Отделенный от взбешенного Апполинария массивной крышкой стола для заседаний, пожилой декан поспешно сказал:

— Да вы не волнуйтесь так, Апполинарий Павлович! Ну не можете и не надо. После всего того, что выпало на вашу долю и не мудрено, что здоровье ослабло. Ступайте себе с Богом!

И для пущей убедительности взмахивает руками, словно поглаживая обеими ладонями невидимого собеседника. Апполинарий на мгновение закрывает глаза, грудь поднялась и опустилась, в наступившей тишине послышался мощный выдох.

— Фу-у! Простите, я погорячился, — сквозь зубы произносит Колышев.

— Ничего, ничего... — радостно лепечет декан.

Проходя по приемной Апполинарий посмотрел в зеркало. На него глядит перекошенная злобой физиономия, лоб и скулы покрыты шрамами, на лысом черепе блестят капельки пота, узкие губы сжаты в линию. «Типичное лицо преподавателя древних языков, — иронично подумал Апполинарий. — Не хватает шейного платка и пенсне!»!

Насупленное небо моросит ледяной крупой, ветер брезгливо трясет ветвями, холод царапает лицо и норовит забраться за шиворот. Апполинарий плотнее запахивает шарф,

пальцы тянут вязаную шапочку к бровям, а затем, свернувшись в кулаки, торопливо прячутся в карманах. «Где этот мент? — злобно думает Апполинарий. — Где его черти носят? Или опять хочет быть доминантом в разговоре, психолог хренов»? Он уже минут десять мается на холодном ветру, медленно вышагивая вдоль пустынной аллеи. Кроме него, в парке никого нет, только изредка торопливо пробегают прохожие, решившие скоротить дорогу. Сумерки наливаются темнотой, ветер усиливается.

— Блин! Он что, приколист что ли, этот капитан? — бормочет Апполинарий.

В эту секунду за спиной раздается шорох, слышен звук шагов. Апполинарий живо оборачивается и на всякий случай делает шаг в сторону — мало ли? По аллее спешит капитан. Голова укрыта капюшоном, лицо видно только до половины из-за поднятого воротника.

— Добрый вечер, Апполинарий Павлович! Извините, немного опоздал, — произносит Пятницкий.

Голос звучит глухо, невнятно. Капитан расстегивает молнию на воротнике, повторяет фразу еще раз.

— Ага, пробки... — кивает Апполинарий, не здороваясь.

— Нет, прогулялся по парку, вокруг да около. В данном случае это полезно, — ответил Пятницкий.

— Ну да, разбойники, маньяки, грабители ... под каждым кустом в такую погоду!

— Маньяки в интернете сидят, на сайтах знакомств. А прочие возле кабаков и ночных клубов промышляют, — совершенно серьезно ответил капитан. — Да и вам ли бояться этих гавриков, Апполинарий?

— Павлович!

— Да, простите, — усмехнулся Пятницкий. — Так вот, Апполинарий Павлович, пригласил я вас вот по какому вопросу, — заговорил капитан привычным казенным языком. — Следствию стали известны некоторые подробности ограбления вашей квартиры и убийства ...

— Что именно? — перебил Апполинарий.

Пятницкий смолк, на скулах вздулись и опали желваки.

— Лады. Это были члены грузинской банды квартирных воров. Их отличительная черта — берут только драгоценности и деньги, вещи не трогают, а вот случайных свидетелей убивают, что для квартирных воров вообще-то не характерно. Согласно протокола, из вашей квартиры исчезла шкатулка с золотыми украшениями и несколько тысяч наличными ... ну, так записано с ваших слов, верно?

— Верно.

— Часть похищенных драгоценностей удалось найти.

С этими словами капитан извлекает из нагрудного кармана бумажный конверт. На подставленную ладонь высыпаются перстень с крупным коричневым камнем, золотая цепочка, крестик и сережки.

— Ваше?

В сгущающихся сумерках плохо видно, но Апполинарий с первого взгляда узнает перстень с топазом и сережки с такими же камнями. Крестик и цепочка тоже мамины — перекладина слегка согнута и оцарапана, у цепочки два звена крупнее остальных — Апполинарий в детстве побаловался, порванные звенья заменил другими, крестик выправили, но не до конца, чтобы не сломать.

— Да, то есть мамино!

— Ну, вот и забирайте.

— Благодарю вас, — смущенно бормочет Апполинарий, но тут же спохватывается: —

То есть как забирайте?

— Задержанный соучастник на допросе указал адрес, по которому были похищены данные предметы. Он совпадает с вашим фактическим местом проживания. Вы опознали предметы как свою собственность, — пожимает плечами Пятницкий.

— Послушайте, капитан. Я хоть и являюсь интеллигентом в третьем поколении, но все же не полный идиот. Это, — подносит он драгоценности на ладони к лицу Пятницкого, — вещественные доказательства и до окончания следствия вы не можете вернуть их владельцу. А пистолет? Почему вы вернули его мне тогда? Ведь он орудие убийства!

И уже тише спрашивает:

— Что это за игры такие, капитан?

Пятницкий глубоко вдыхает морозный воздух, из кармана появляется коробочка леденцов. Плотно пригнанная крышка поддается с трудом, ветер с радостью швыряет на кучку желтых, красных и зеленых конфеток несколько белых снежинок. Капитан сует в рот пару леденцов, протягивает коробочку Апполинарию:

— Хотите?

— Идите к черту!

— Ну, как знаете, — вздохнул Пятницкий. — А я недавно курить бросил. Вот, обманываю сам себя.

— Капитан!!

Пятницкий убирает коробку с монпансье, взгляд становится насмешливым и чуточку настороженным.

— Да вы не волнуйтесь, Апполинарий ... э-э ... Павлович. Вор должен сидеть в тюрьме — знакомая фраза, не правда ли?

— Да, слышал. Из какого-то ментовского сериала, — скривился Апполинарий.

— Не нравится жанр?

— Да. Терпеть не могу детективы, просто не переносу.

— Ну, дело вкуса, — усмехнулся Пятницкий. — Тогда вы, наверное, не знаете и продолжения этой фразы.

— Вы угадали, — буркнул Апполинарий.

Ему уже порядком надоел и капитан с его загадками, и дурацкая встреча в пустом и темном парке. Погода, как назло, окончательно испортилась и теперь окрепший ветер швыряет колючий снег прямо в лицо.

— Так вот, герой «ментовского сериала» капитан Жеглов сказал так: вор должен сидеть в тюрьме. А как я его туда посажу, гражданам все равно. И это абсолютно правильно! Отдельным гражданам, как и обществу в целом, действительно все равно, как именно преступник попадает в тюрьму. Главное, чтобы попал и сидел там как можно дольше. И так думают не только у нас, а везде, в любой стране. Все рассуждения на тему прав и свобод — досужая болтовня продажных адвокатов и проституток-правозащитников. Если вина негодяя очевидна, то она не нуждается в доказательствах! Поясню на примере: ваша квартира ограблена бандой грузинских воров. Национальность особого значения не имеет, просто грузинские жулики специализируются на квартирных кражах и автомобилях. Они походя убили вашу мать. Отпечатков пальцев или каких-то других улик не оставили. Вышли на эту

банду просто — награблено попытались сбыть через скупку золота. Скупщики все «барабанят».

— Что-что? Какие еще барабаны? — удивился Апполинарий.

— Ну стучат, докладывают! Все скупщики драгоценностей, директора ломбардов, частные ювелиры и тому подобная публика сотрудничает с полицией, потому что только им можно сбыть украденные драгоценности. Не на рынке же торговать? Разумеется, сотрудничают не просто так, а ... ну, не важно. Так вот, наша агентура ...

— Доносчики! — услужливо подсказал Апполинарий.

— ... регулярно докладывает обо всем подозрительном. Да обзывайте как угодно, был бы результат! — отмахнулся Пятницкий. — Короче, перстень и сережки всплыли в одной из скупок. Клиента взяли в момент получения денег. На допросе женщина указала имя своего знакомого, который подарил ей драгоценности и адрес, по которому он проживает. Дальше просто: установили наблюдение за съемной квартирой, сфотографировали жильцов, «пробили» по базе данных и установили личности. Все трое воры рецидивисты, неоднократно судимые по серьезным статьям. Женщина оказалась подружкой одного из них, перстнем и сережками с ней рассчитались за интимные услуги. Так вот, Апполинарий! Арестовать этих воров мы не можем. Потому что прямых улик, неопровержимо доказывающих туповатым присяжным поверенным причастие к ограблению и убийству нет.

— А это? — протянул руку с драгоценностями мамы Апполинарий.

— Нашли на улице.

— А это ... как его? ... алиби на время совершения преступления!

— Десяток оплаченных проституток подтвердят, что были с ними на другом конце города.

Апполинарий взмахнул руками, по лицу пробегает судорога.

— Ну, я не знаю! Как же так? А нельзя их допросить? Ну, как следует ... Допустим, они действительно не убивали и не грабили. Тогда откуда драгоценности? Пусть расскажут!

— Я же сказал — нет оснований для ареста. Суд не даст санкцию. А задержать их мы можем только на сорок восемь часов. Отвечать на вопросы откажутся, примчится адвокат, который на содержании у них и еще десятке подобных банд. Через два дня они на свободе. Кстати, Апполинарий, а что вы имели в виду, говоря «допросить как следует»? — усмехнулся капитан.

Апполинарий только махнул рукой. Он и сам уже понял, что сморозил глупость.

— Но также нельзя! — растерянно пробормотал он и посмотрел на Пятницкого.

Капитан глядел Кольшева с таким любопытством, словно видел впервые.

— Интересный вы человек, Апполинарий ... Павлович. Что делать ... так нельзя ... Спросите еще, как дальше жить! Прямо русский классик, — качает головой Пятницкий. — Вы вот спросили, почему я вам пистолет вернул. Дорогой мой, вы всерьез полагаете, что я ничего не знаю о массовом убийстве на проспекте Гагарина? И что стреляли из вашего пистолета? И что стреляли вы?

Последнюю фразу Пятницкий произнес совсем тихо, почти шепотом. Кольшев замирает на месте, словно гипсовая фигура, лицо покрывается восковой бледностью, под глазами появляются черные полукружья.

— Да, это я. — потерянно шепчет он. — А почему тогда вы меня не арестовали?

— Надо бы, — вздохнул Пятницкий. — И засадить на всю оставшуюся жизнь за преднамеренное убийство четверых человек. Только вот убитые были членами шайки

барсеточников, не брезговали и торговлей наркотой. Вы уничтожили верхушку — главаря с двумя телохранителями и водителя. Трое последних по совместительству исполняли обязанности «уборщиков» — палачей. Госнарконтрль и мы пасли несколько месяцев, все никак подобраться не мог. А вы решили проблему за минуту.

— Но ведь банда-то осталась!

— Назначили «стрелку» конкурентам, начали разбираться — кто, за что да по какому праву. Слов за слово, дошло дело до стволов. Наши опера заранее вычислили место сходимья и, когда стрельба закончилась, собрали уцелевших. У каждого был «ствол». Вот тут и сказке конец, а кто слушал — молодец и получил десять лет за незаконное хранение оружия. Так город избавился от компании жуликов и торговцев наркотой. И это — результат четырех точных выстрелов. Ваших выстрелов, Апполинарий!

— Это получилось случайно!

— Неважно, случайно или умышленно. Главное — результат. Тот самый, когда вор сидит в тюрьме, а убийца отправляется на тот свет. И глубоко плевать, кто и как это сделал! Не верите? Тогда спросите своих студентов. Не забыли еще тот случай на вашей лекции в кабинете химии? Если бы не вы, бандиты могли перебить кучу народа, а чем бы закончилось следствие, еще не известно. А тот мальчишка, что исполнял роль наводчика, и вовсе считался бы невиновным!

Апполинарий опускает глаза. Память услужливо выкладывает на мысленный монитор все события того дня. Сердце забило о ребра так, словно собралось выламывать грудную клетку, на лбу выступили крупные, как горошины, капли пота, руки затряслись, колени налились тяжелым свинцом.

— Да, холодно стало, — согласился Пятницкий. — И ветер такой ... до задницы пробирает, зараза! Идемте на выход.

Апполинарий покорно плетется в указанном направлении, а капитан как ни в чем ни бывало продолжает рассуждать:

— Не-ет, братья Вайнеры были совершенно правы, когда устами Жеглова утверждали, что вор должен сидеть в тюрьме. А я от себя добавлю — убийц карать убийством. Помню, несколько лет назад — ну, когда мораторий ввели на смертную казнь — было модно рассуждать на тему гуманности, сострадания и различных превратностей судьбы. Особенно убедительно получалось у интеллигенции. Грамотные, обученные правильно строить фразы да и просто неглупые люди говорили умные слова. Писатели, журналисты, ученые, музейные работники ... Но однажды все изменилось! Двое подонков надругались над девушкой, искалечили парня, а потом зверски убили обоих — сожгли еще живыми в их собственном автомобиле. Выяснилось, что парень и девушка из семьи преподавателя одного очень престижного столичного ВУЗа. Так сказать, сливки общества, золотая молодежь! И началось! Убитые горем высокопоставленные родители потребовали немедленно найти негодяев и судить по всей строгости законов. Но вот беда — этой самой строгости в наших законах уже не осталось! Только пожизненное заключение и то, если докажут непосредственную вину. Взбешенные такой вопиющей несправедливостью родители убиенных, их родственники и близкие друзья решают обратиться напрямую к руководству страны — пишут коллективное письмо президенту с требованием восстановить смертную казнь. Народные артисты подписывали, деятели культуры мирового масштаба, светила ученого мира и прочие. Мало того — будучи людьми известными, не бедными, с обширными связями и знакомствами, добиваются от руководства первого канала

телевидения предоставления им времени, дабы в прямом эфире, на всю страну озвучить свое справедливое требование — наказать убийц детей так, как они, эти самые убийцы, заслуживают. То есть лишением живота.

— Не понимаю вашего ерничанья, — тихо произнес Апполинарий.

— Сейчас поймешь, подожди. Так вот, предоставили им время, самое лучшее, пиковое. Собрался в студии цвет интеллигенции, лучшие умы и языки, слава и гордость России! И начали, захлебываясь слезами и соплями, доказывать, что смертная казнь, оказывается, нужна! Примеры стали приводить из истории, из опыта зарубежных стран. Профессора выступали, академики, известные журналисты, народные артисты, депутаты Думы — и все, все за смертную казнь! Хотя незадолго до этого, какихнибудь два месяца назад, все, как один, выступали за ее отмену. Не гуманно мол, не цивилизованно! Падлы продажные!!! — рывкнул капитан так, что Апполинарий шарахнулся в испуге оглянулся.

— Какие были глаза! Какие лица! Как убедительны были слова! Это ведь действительно умнейшие люди. Только вот когда убивали и насиловали девочек с городских окраин, из рабочих семей, они этих убийств не замечали. В упор не видели! Зато вкусно и жирно рассуждали на всякого рода симпозиумах, коллоквиумах или просто дома, в кругу семьи и друзей о судебных ошибках, которые невозможно исправить, если человек казнен. О мировой цивилизации, которая неизбежно придет к всеобщей гуманности и справедливости, о правой щеке, которую надо подставить, если получил по левой ... сволочь лукавая! Людей быдлом считают, биомассой. Как на холопов смотрят — мы, мол, элита, гордость нации и лучшие люди, а вы так себе ... обслуживающий персонал, прислуга.

Внезапно Пятницкого затрясло, лицо помертвело, глаза словно провалились в череп и превратились в узкие щелочки, сквозь стиснутые зубы донеслось приглушенное бормотание:

— Мразь-мразь-мразь ...

«Да он эпилептик! — испуганно подумал Апполинарий. — Мне только припадка здесь не хватало. И что делать»? Пятницкий с трудом вытаскивает руку из кармана, в кулаке зажата какая-то белая ампула величиной с указательный палец. Рука медленно поднимается, голова капитана трясется, словно у девяностолетнего старика, глаза совсем исчезают за плотно сжатыми веками. Пальцы разжимаются и ампула проваливается в рот. Слышен хруст стекла, на губах выступает пена пополам с кровью и капитан застывает в полной неподвижности. «Каменный Гость»! — почему-то пришло сравнение на ум Кольшеву. Пятницкий несколько раз глубоко вдыхает воздух через нос, лицо розовеет, глаза открываются и капитан несколько секунд бездумно глядит вдаль, в темную бесконечность парковой аллеи. Трясет головой, раздается смачный плевок, на снег падают осколки стекла и капли крови.

— Дьявол меня заberi! — бормочет Пятницкий. — И когда это кончится?

— Что с вами, капитан? Вы больны? — с опаской спрашивает Апполинарий.

— Ерунда, не обращайтесь внимания, — отмахивается Пятницкий. — Последствия контузии. На память о Кавказе. Фу, ладно! Так вот, дорогой Апполинарий Павлович, можно долго рассуждать о необходимости и разумности того или иного вида наказания, о гуманизме и милосердии, цитировать высказывания великих, но все это, по большому счету, словоблудие. Сказано в Писании — око за око, зуб за зуб. Иными словам, тяжесть наказания должна соответствовать тяжести преступления. Этому утверждению тысячи лет и никому еще не удалось опровергнуть его. К сожалению, наши законы придуманы прекраснoдушными мечтателями, живущими за тройным кордоном охранников,

перемещающихся в пространстве в бронированных лимузинах. Они окружены слугами, помощниками на все случаи жизни, не знают счету деньгам и пребывают в счастливой уверенности, что народ счастлив, мужики играют на гармошках, а бабы носят сарафаны и кокошники. Ну, как в ансамбле песни и пляски кубанских казаков, когда он выступает в Кремлевском дворце съездов. Я не знаю, кто вы на самом деле. Сведения, собранные о вас, скудны и, простите, скучны до безобразия: родился, учился, в армии не служил, ни в чем не замечен ... у домашнего кота биография интересней.

— Да как вы смеете так со мной разговаривать? — вскипел Апполинарий.

— Да ладно, не сердитесь. Я ведь контуженый! Слушайте дальше ... но вам почему-то удается то, что не в состоянии сделать те, кого годами учат убивать врага. Вы оказываетесь в нужном месте, в нужное время и случайно, походя уничтожаете опаснейших бандитов. После ваших акций начинаются разборки и снова летят бандитские головы. У вас просто талант ловить рыбу в мутной воде и оставаться сухим! Апполинарий, я предлагаю вам сотрудничество — нет, службу Отечеству. Вы и ваши друзья можете сделать больше, чем вся наша продажная и ленивая городская полиция. До сих пор вы действовали наугад, под влиянием эмоций. Это крайне опасно. После того, как вы уничтожили почти всю верхушку кавказкой диаспоры в городе, на вас идет настоящая охота. Свято место пусто не бывает, кавказцы избрали новых главарей взамен убитых и теперь они ищут тех, кто уничтожил соплеменников. Вас обнаружат со дня на день и тогда счет вашей жизни пойдет на секунды, вы понимаете меня?

— О каких друзьях вы говорите? — пролепетал Апполинарий. — Я не имею никакого отношения к ... э-э ... той аварии.

— Лично вы — нет, — усмехнулся Пятницкий. — Может, хватит валять дурака, Колун? Неужели ты всерьез полагаешь, что полиция ничего не знает о банде скинхедов, в которой ты с недавнего времени состоишь? Скинхед по кличке Тропа подобрал в бессознательном состоянии возле дома. Участница банды, Мария Гвоздикова, опознала тебя и рассказала остальным, как ты спас ее от преступников тогда, на лекции в кабинете химии. Скинхеды приняли тебя за своего, ты стал посещать их «качалку», расположенную в подвале дома номер 8 по улице Мира. Именно после твоих лекций о нацизме скинхеды Тропа, Кир и Гвоздикова спланировали и осуществили массовое уничтожение кавказцев с использованием тяжелых грузовиков и огнестрельного оружия ... дальше продолжать?

— Н-нет ... откуда вы все это знаете? — пролепетал пораженный Апполинарий.

— Преподаватель латыни... — покачал головой капитан. — Все организации, союзы или просто кружки по интересам, представляющие хоть какую ни будь, даже предполагаемую опасность для общества, давным-давно взяты на учет, за ними внимательно наблюдают и контролируют каждый шаг. Это элементарно, это азы оперативной работы!

— Ну да, — кивнул Апполинарий, — барабаны.

Пятницкий наклонил голову, изящно взмахнул рукой, имитируя дворянское приветствие времен Людовика 14.

— Да, сударь, и это тоже.

— Почему же не пресекаете эту ... э-э ... преступную деятельность?

— Потому что на сегодняшний день наибольшее количество преступлений совершают именно выходцы с Кавказа и жители южных республик. После каждого резонансного убийства нацмена происходит отток эмигрантов на какое-то время и уровень преступности снижается. Ведь от полиции требуется это, верно? Именно поэтому скинхедов редко

привлекают к уголовной ответственности — ну, разве что в исключительных случаях! — а судьи так неохотно квалифицируют преступления на национальной почве. Скинхедов можно прихлопнуть в любой момент, но ... для чего щука в озере? Что б карась не дремал!

— Понятно. А как вы определили, что это именно ... ну, мои знакомые на машинах были?

— В том районе живут не простые свинопасы. На каждом доме видеокамеры, тревожная сигнализация. Определить личность человека, даже если он в маске, гораздо проще, чем принято думать — жестикация, наклон головы, форма черепа и так далее. Так что персоналии установили быстро, в тот же день.

Апполинарий опустил голову, горестно вздохнул и развел руки. Холодный ветер подул сильнее, голые ветви кустов сухо перестукиваются между собой, в вышине колышутся макушки деревьев — в темном парке неуютно и мрачно, словно на заброшенном кладбище. Уличные фонари вдалеке только подчеркивают «готичность» картинки, усиливая чувство одиночества и страха. Именно в эту минуту Апполинарий вдруг осознал, что его жизнь отныне ему не принадлежит. Ну допустим, откажется ... и что? Он лично, конечно, не убивал, но его соучастие в подготовке легко доказать, а это уже статья с громадным сроком. Кроме того, можно привлечь за недоносительство — и такая статья в Уголовном кодексе существует. В общем, куда ни кинь, всюду клин. А уж его друзьям и вовсе ... «пипец»! В голове пустота, мысли разлетелись, словно осколки взорвавшейся гранаты, в ушах мерзкий перезвон невидимых колокольчиков, тело потеряло чувствительность и словно одеревенело. Странная пустота вокруг и давит чувство страшной потери, словно тебе вот-вот предстоит умереть и ты уже никогда не вернешься в этот привычный и такой родной мир. А там, за невидимым порогом, нечто огромное, неведомое и тревожное!

— Отступать поздно... — тихо бормочет под нос Апполинарий. И уже громче произносит: — Ладно, я согласен. Но — извините, конечно! — вы всего лишь капитан, Валерий Павлович и, вероятно, не уполномочены ... э-э ... ну, вы делаете предложение от имени руководства?

— Разумеется, — усмехнулся Пятницкий. — Но контактировать вы будете только со мной. О вас знает очень ограниченный круг лиц. Если точно — только двое: я и один человек на самом верху.

— Понятно, — кивнул Апполинарий.

Потоптался на снегу, похлопал руками по бокам, взглянул в темное небо, словно там должны быть инструкции, что делать дальше.

— Ну и что? — глупо спросил Апполинарий.

— Да ничего, господин Колышев! — рассмеялся Пятницкий. — Идите домой, отдохните как следует, завтра с утра отправляйтесь в институт. Все как обычно! Если появится необходимость встретиться, я вам позвоню. Живите обычной жизнью, Апполинарий Павлович — регулярно «качайтесь» — это полезно для здоровья, читайте лекции друзьям о национальном вопросе в России — это расширяет кругозор, обзаведитесь подругой — гормональный статус надо держать в норме. Но! Проявляйте максимальную сдержанность и осторожность во всем. И ничего никому не рассказывайте о нашем разговоре. Вот так, — широко улыбнулся капитан. — Да, чуть не забыл! — спохватился он. — Тот случай ... ну, когда вас избили возле дома. Это гастарбайтеры со стройки в вашем дворе. Обкурились травки. Или наоборот, не докурили — черт их разберет! Одним словом, это они. Но прямых доказательств нет, есть только косвенные, которые суду не предъявишь.

На ваше усмотрение, — пожал плечами капитан.

Придя домой Апполинарий буквально рухнул в кресло, не разуваясь и не сбросив куртки. Взгляд бездумно скользит по знакомой обстановке квартиры, ни на мгновение не останавливаясь ни на чем. Все тоже самое, лежит на привычных местах ... и все-таки чужое! Что-то изменилось вокруг! Или это он стал другим? Пальцы касаются холодного кусочка пластмассы, щелкает кнопка, включается торшер. Мягкий свет уютно освещает комнату до половины. Напротив, в полумраке, висит картина. Та самая, написанная неизвестным уличным художником, на которой римский всадник замер на линии морского прибоя. По колени в воде стоит конь, ветер разметал рыжую гриву, на губах застыла пена. Море остановило бешеный галоп коня, но зверь никак не успокоится, мысленно летит навстречу штормовым волнам. Всадник в позолоченном шлеме всматривается вдаль, плюмаж из белых перьев клонится порывами ветра, красный плащ стелется над землей. Кованный металлический панцирь тускло блестит золотой и серебряной насечкой, треугольный конный щит закрывает лошадиный бок. Римский меч, длинный, с округлым навершием на рукояти, плотно сидит в ножнах. Художник тщательно выписал детали, видны даже черты лица. Воин смотрит в бушующий горизонт будто с сожалением — море остановило бег боевого коня. Жаль, что вода расступается под копытами. А так хочется узнать, что там, за горизонтом! Рука сама тянется к полке, пальцы касаются прохладной обложки. Тяжелое и твердое, словно кусок гранита, жизнеописание Сципиона Африканского наваливается на ладонь и Апполинарию приходится напрягать все силы, чтобы не уронить книгу. Шелестят страницы, закладка из полоски цветной бумаги падает на пол от неловкого движения. Апполинарий привычно водружает на нос пенсне, но спохватывается — он не в аудитории, понты ни к чему! — надевает очки ...

«... легион под командованием трибуна Сципиона был едва ли не единственным, который сумел выйти с минимальными потерями из страшной мясорубки, устроенной карфагенянами для римлян. Оставшихся в живых солдат едва ли хватит на десять манипул, когда по штату положено иметь тридцать! Но легион сохранил штандарт, номерной знак и оружие. Он отступал в полном порядке, к нему примкнули остатки других легионов и очень скоро под командованием трибуна Сципиона оказалась практически весь экспедиционный корпус, действовавший в Италии. Там, где не хватало офицеров, он ставил проверенных солдат. Ганнибал не стал преследовать разгромленные войска римлян, он их не боялся. Два дня Сципион не смыкал глаз, устраивал раненых, распределял оставшихся в живых легионеров по манипулам, организовывал отдых и питание. К исходу третьего дня во временном лагере римлян насчитывалось больше десяти тысяч солдат и офицеров, сведенных в два легиона. Было еще около двадцати тысяч союзников из местных варваров, но они в панике разбежались по окрестным лесам. Черт с ними, потом разберемся! После отбоя прибывает вестовой с сообщением, что консул Варрон приглашает трибуна Апполинария на военный совет. Юный генерал — 22 года! — горько усмехается; Варрон никогда не отличался излишней демократичностью, был высокомерен и замкнут с подчиненным. Мог за малейшую провинность отстранить трибуна от командования, благо их аж целых шесть на легион, еще и под суд отдать. Что ж, кампания в Италии проиграна и сенат за это по головке не погладит. Хорошо, если просто в отставку, а ну как придется отчитываться перед сенатской комиссией? Риму надо объяснить причину неудачи и указать виновного, иначе власть сената ослабеет. Тогда какойнибудь решительный генерал

поднимет восстание и объявит себя императором. Так бывало уже не раз.

Похоже, на военном совете будут искать крайнего.

В просторном шатре командующего пахнет кровью, лечебными снадобьями и страхом. Военачальники сидят понурые. Шлемы посечены, плюмажи сорваны, бронзовые панцири помяты, щерятся рваными краями пробоины. Консул Варрон сидит за столом, низко опустив голову, словно приготовился выслушать беспощадный приговор. Тяжелое молчание нарушил Цецилий Метел, один из старейших трибунов.

— Думаю, выражу общее мнение, если скажу, что война в Италии проиграна. К Ганнибалу стекаются орды варваров, наши союзники бросили нас. Ждать подкреплений из империи долго и придут ли они? Считаю, что надо отступить. Только так мы сохраним войско. Потом, собравшись с силами, мы вернемся и отомстим за все!

Опять наступила тишина. По лицам собравшихся военачальников видно, что они поддерживают Цицилия, но высказываться не спешат. Еще неизвестно, что решит главнокомандующий. А вдруг он думает по-другому? Но консул возражать не стал. Серое от горя лицо дернулось, словно от невидимой пощечины, скрипнули зубы. С трудом размыкая тяжелые губы, консул надтреснутым голосом произносит:

— Да, кампания в Италии провалилась. У Ганнибала вдесятеро больше солдат, на его стороне инициатива и поддержка местных племен. Нам незачем больше здесь оставаться. Но, прежде чем я приму решение ... Все собравшиеся здесь офицеры думают так же?

— Нет! — раздался хриплый, злой голос. Присутствующие удивленно оборачиваются. Со складного стула поднимается трибун Сципион. Все невольно обратили внимание, что панцирь генерала исправен, помятый шлем висит на крючке, с правой стороны груди — как и положено легионеру в походе. Длинный варварский меч висит на левом боку так, чтобы можно было выхватить в любой момент. Поножи и нарукавники из стали блестят, словно только что выкованы кузнецом.

— Ну и что вы хотите нам сказать? Что война не проиграна? — с кривой усмешкой спросил Цецилий Метел.

— Если вернемся в Рим — да, проиграна. Если останемся — проиграно только сражение, — твердо ответил трибун.

— Юноша, вы понимаете, о чем вы говорите? — вмешался консул. — Ганнибал не сегодня-завтра двинется на Рим, по пути раздавит нас и беспрепятственно вступит в пределы империи.

— Нет, господин консул, — упрямо тряхнул головой трибун.

— Почему?

— Ганнибал любитель празднеств. Он закатит пир на неделю, а потом будет опохмеляться еще столько же. А самое главное — армией командует не он, а сенат. Без ведома Карфагена Ганнибал и шагу не сделает. Он отправит гонцов и станет ждать ответа столько времени, сколько понадобится старым перд ... уважаемым старцам, чтобы принять решение и довести его до Ганнибала. А решение будет одно — отступить!

Консул молчал. Кто-то не выдержал, крикнул с места:

— Почему? Этого не может быть!

Публий Корнелий выдерживает эффектную паузу, потом негромко спрашивает, обращаясь сразу ко всем:

— А кому нужен триумфатор?

В шатре наступает мертвая тишина, повеяло холодом. Этот выскочка, двадцатилетний генерал, прав. Если Ганнибал завоюет Рим, то вернется в Карфаген победителем, триумфатором. И тогда сенат станет не нужен ему. Любимый войсками и народом полководец провозгласит себя императором, а сенаторов прогонит. Или казнит, что вернее всего, потому что чванливые и упрямые старики порядком попортили крови простому и честному вояке Ганнибалу. Поддержанный армией, гвардией и народом, полководец сведет счеты с каждым, кто хоть раз нагадил ему и спасенья от гнева Ганнибала не будет!

— Все это похоже на правду и красиво звучит, — заворчал трибун Метел, — но так ли будет на самом деле? Этот мальчишка храбро дрался, не спорю. Но что он понимает в большой политике? Его мнением следует пренебречь.

— Да, да, надо отступать немедленно! — раздались голоса других трибунов.

Варрон взглянул на Сципиона. Самый молодой в римской империи трибун презрительно скривился, пальцы коснулись рукояти меча.

— Консул, не слушайте этих трусов и дураков, — произнес он сквозь зубы.

— Что-о! — взревел Метел. — Как ты смеешь называть нас ... так!

— Это правда, — пожал плечами Сципион. — Где ваши солдаты? Где легионы? Покажите мне их!

— Они храбро сражались и пали на поле боя! — выкрикнул кто-то.

— Я не умаляю храбрости солдат, но причем здесь вы? Почему ваши легионы не сомкнули ряды и не отступили в полном порядке? Командующий конницей погиб ... почему кавалеристы были настолько плохо обучены, что даже не могли держать строй и были разгромлены в первой же атаке карфагенянами?

— Остановитесь, трибун, — тихо произнес Варрон. — Ваши обвинения не совсем ... по адресу. План сражения составил я. Генералы действовали по моим указаниям.

— Да, диспозиция ваша. Но давайте разберемся, так ли уж она неправильно, раз заговорили об этом. Ганнибал построил свои войска подковой. Их фронт под ударом наших легионов прогнулся и карфагенская пехота уткнулась в наши фланги. Но ведь атакующим легионам противостояли слабо обученные и недисциплинированные отряды варваров. Почему они устояли? Проконсулы Регул и Гемин погибли ... они командовали пехотой в центре, что не смогла смять толпу варваров и отразить фланговые удары. А ведь тогда исход сражения был бы совсем иным! Сейчас легко рассуждать, обвинять во всем диспозицию, ошибки командования. Как просто прятаться за широкую спину командира и тыкать пальцем — это он во всем виноват, а я ни при чем, я приказы неверные исполнял. Все будут отвечать, и мертвые и живые! Но погибшие уже ничего не изменят, а мы, живые, можем и обязаны. Оставим разборы на потом. Отступать нельзя. Надо оказать помощь раненым, привести в порядок оружие и снаряжение, пополнить запасы продовольствия, потребовать помощи от сената. Мы проиграли сражение, а не войну!

... Карфагенская армия не пошла на Рим. Как и предсказывал Публий Корнелий Сципион, Карфагенский сенат, боясь усиления власти Ганнибала, не поддержал свою армию, находившуюся в Италии, ни флотом, ни деньгами. Крупная победа карфагенской армии не была использована Карфагеном в полной мере. Из этого поражения римское правительство сделало выводы и приняло энергичные меры. Прекратились внутренние раздоры между демократической партией и сенатом. Консул Гай Варрон был вызван в Рим. Сенатская комиссия приняла во внимание все обстоятельства дела. Консул получил благодарность за верность империи и был отправлен в почетную отставку. Сенаторы особо

отметили храбрость, решительность и организаторские способности молодого Сципиона. Были собраны новые войска, во главе которых были поставлены Фабий Максим, Публий Корнелий Сципион и решительный Клавдий Марцелл. С 215 года начался новый, победоносный этап войны».

Апполинарий отложил книгу, снял очки.

— Да, — прошептал он. — Начался новый, победоносный этап войны! Надо проанализировать причины неудач наших предшественников и начать решительное наступление на врага. Я изгоню чужаков из моего города!

Далеко за полночь. Снег валится на землю, словно пух из худой подушки. Ледяной ветер утомился еще вечером. Или его прогнали суровые тучи, что заполнили небосвод и укрыли планету от холодной ярости зимних звезд. Царит тишина, только изредка доносится звук мотора проезжающей вдалеке машины. Иногда ветви не выдерживают тяжести налипшего снега и белые комья с шорохом бросаются к земле, увеличивая и без того толстое снежное покрывало. Мягкий и нежный, как шерсть ангорской кошки, снег бесшумно уступает идущему человеку. Ноги, обернутые в белый целлофан, скользят и разъезжаются на малейшей неровности, поэтому человек шагает осторожно. Вязаная шапочка натянута почти на глаза, лицо скрыто под шарфом. На спине безобразным горбом вырисовывается рюкзак. Незнакомый идет крадучись, так, чтобы не выходить на освещенные места. Во дворе, засаженном старыми липами с густыми кронами, это несложно. С противоположной стороны двор перегорожен забором. Безобразная металлическая гармошка тянется по земле, словно зазубренное лезвие ножа, вбитое садистом-маньяком в тело жертвы. За забором возвышается уродливая конструкция то ли недостроенного офисного центра, то ли магазина. Сбоку приютился вагончик приезжих строителей. Смуглолицые «гастарбайтеры» трудятся день и ночь. С раннего утра загораются прожектора, оживает кран и ленты транспортеров, гудят бетономешалки. Тяжелые и неповоротливые КамАЗы с крутящимися задницами вваливаются во двор, с шумом опорожняются дымящимся раствором бетона и торопливо уползают прочь. Стройка живет своей собственной жизнью и жильцы рядом стоящих домов с раздражением — а кое-кто и с ненавистью! — бессильно наблюдают, как растет чужеродный организм под их окнами.

Незнакомый подходит к забору. В руках появляются кусачки. Тихо щелкают стальные клыки, на снег падают кусочки проволоки. Лист рифленого железа отгибается, в образовавшемся отверстии вначале скрывается голова, затем и туловище. Оказавшись по другую сторону забора, незнакомый шагает прямо к вагончику строителей. Дверь плотно закрыта, занавески на окнах отсвечивают бледно-рыжим светом. На светлом фоне грубо выделяются самодельные решетки из арматурного прута. Сквозь щели тянет странным дымком, слышны тягучие звуки. Человек подходит ближе, осматривается. Внимание привлекают доски, сложенные в стопку. Человек выбирает пару самых крепких, кладет возле колеса. В этот момент дверь распахивается, на пороге появляется раздетый до пояса строитель. Чистый, морозный воздух наполняется вонью давно немытого помещения, прокисших носков и странным, дурманящим запахом. В ночной тишине разносятся заунывные звуки незнакомой музыки. Строитель делает несколько неуверенных шагов, затем долго мочится на железную бочку из-под краски. Поворачивается, взгляд мутных глаз останавливается на паре досок. Бормоча под нос ругательства не по-нашему, мужчина подбирает доски и кладет обратно в стопку. Заботливо поправляет, выравнивает. Незнакомый притаился за кучей строительного мусора и молча наблюдает за действиями полуголого строителя. Тому, наконец, надоело заниматься досками, вдобавок он замерз и, похоже, немного протрезвел. Уверенной походкой «гастер» возвращается в вагончик, дверь плотно закрывается.

Незнакомый с рюкзаком за плечами выбирается из укрытия. Обе доски возвращаются на место возле колеса. Щелкают застежки на ремнях, рюкзак соскальзывает на снег.

Горловина распаивается, словно пасть ночного чудовища, из черной глотки появляются пластиковые бутылки с ярко-красными наклейками известной на весь мир фирмы. Только на этот раз внутри не газированное пойло, которое сколько ни пей, жажду не утолишь, а киселеобразная, непрозрачная жидкость с резким запахом, похожим на бензиновую вонь. Крышки плотно завинчены и для надежности обмотаны липкой лентой. К доньшку такой же липучкой приклеены китайские хлопушки. Запальные шнуры смешно болтаются внизу мышинными хвостиками. Разложив бутылки на снегу, неизвестный встает в полный рост. В ночной тишине слышен вздох облегчения, словно человек наконец-то избавился от непосильной тяжести. Темная фигура осторожно подходит к вагончику. Дверь медленно раскрывается и неизвестный входит в тамбур. Справа и слева жилые помещения. За фанерными дверями тишина, только музыка невнятно бубнит странную мелодию. Вспыхивает огонек зажигалки. «Мышиные хвостики» запальных шнуров загораются с веселым, почти новогодним треском и шипением, словно предвещая радостное событие, что начнется сразу после хлопка. Неизвестный пинком вышибает одну дверь, потом вторую. Пластиковая бутылка описывает полукруг, запальный шнур шипит и роняет искорки. Двухлитровая емкость тяжело шлепается на пол. Дверь захлопывается, неизвестный со всей силы швыряет вторую бутылку в другую половину вагончика. Запальный шнур второй хлопушки то ли оказался короче, то ли горел быстрее ... бутылка с зажигательной смесью взрывается в воздухе. На потолке мгновенно вздувается черно-рыжее облако и комья огня покрывают стены, пол, потолок ... двухъярусные солдатские кровати, что стоят вдоль стен буквой «П», загораются мгновенно, словно они из соломы или бумаги. Видно, как огненные комья поглощают синие одеяла, спящих людей, матрасы и тягучими струями падают на лежащих внизу людей. Жидкий огонь прожигает их насквозь, чадные струи тонут в деревянном полу. Комнату заполняет непроницаемый черный дым ... вагончик еще раз сотрясает взрыв — наконец сработала первая бомба. Крики сгорающих заживо людей нарастают лавиной, затем быстро стихают — зажигательная смесь убивает мучительно, но быстро. Неизвестный тем временем выбегает на улицу. Подпирает дверь досками. Пустой рюкзак прыгает на спину. Темная фигурка бросается к дыре в металлическом заборе. Прежде чем нырнуть в спасительную тьму, человек убирает черный шарф с лица, оглядывается. Вагончик строителей пылает изнутри, словно мартеновская печь. С треском рассыпается оконное стекло, сквозь дыры в прогорающем полу к земле тянутся узкие огненные струйки, рыжие космы пламени рвутся наружу через отверстия под потолком. Сквозь огонь видно, что решетки на окнах накалились докрасна. На мгновение появляются чьи-то скрюченные пальцы, касаются раскаленной решетки и тут же рассыпаются на мелкие угольки ... неизвестный глядит на ужасное зрелище, в глазах отражаются огненные блики, по лицу мечутся тени. Равнодушно отворачивается, шарф возвращается на лицо. Человек быстро шагает прочь, темная фигура скрывается за деревьями на противоположной стороне двора.

Апполинарий возвращался домой после вечерней лекции в институте. До дома рукой подать, надо только перейти через проезжую часть и свернуть во двор. Апполинарий останавливается на пешеходном переходе, пропуская спешащие автомобили. Вообще-то остановиться и пропустить надо им, но Апполинарий предпочитал поступать наоборот — мало ли «джигитов» или просто нетрезвых придурков за рулем! Скромный серый «форд» притормаживает, распаивается дверь, слышен знакомый голос:

— Прошу вас, Апполинарий Павлович!

Колышев не раздумывая «плюхается» на переднее сиденье и тут же спохватывается — зачем он садится в чужую машину, дурак что ли? Проклятая интеллигентская уступчивость, мать ее!

— Да в чем дело!?! — запоздало возмущается Апполинарий.

— Что с вами, господин Колышев? — раздается знакомый голос капитана Пятницкого. — Уже не узнаете?

— А, это вы ... да, задумался, — скривился Апполинарий.

Стало жутко неудобно и Колышев почувствовал, что краснеет. Озлившись еще больше, грубо спрашивает:

— Чего надо?

— Да, в общем-то, ничего. Просто хочу передать кое-какие бумаги. Ну и выразить ... э-э ... восхищение вашей работой, — вкрадчиво отвечает Пятницкий.

— Что еще за бумаги? И какой моей работой вы восхищаетесь? Ознакомились с моими публикациями в Палюдариум. ру? — сухо осведомился Апполинарий.

— Э-э. нет, этот научный журнал я не читал. Не знал, что вы в нем публикуетесь, но теперь обязательно ознакомлюсь. Я имею в виду другую работу. Позавчера в вашем дворе спалили вагончик строителей. Заживо сгорело шестнадцать гастарбайтеров. Это событие вызвало шок, начался массовый отъезд жителей азиатских республик в родные пенаты.

— Гастеры разбегаются? — грубо уточняет Апполинарий. — Это хорошо. А причем здесь я?

— Вагончик загорелся сам? — иронично спрашивает капитан.

— Понятия не имею, — отрезал Апполинарий. — Во всяком случае, не от моих рук. Разумеется, и строительство, и азиаты меня раздражали, но это можно сказать обо всех жителях нашего дома да и, пожалуй, всего микрорайона.

Апполинарий посмотрел в окно. Мимо идет симпатичная девушка в коротком пальто, высокие сапоги на шпильке плотно обтягивают икры, волосы рассыпаны по плечам. Апполинарий подчеркнуто внимательно разглядывает красотку, давая понять недалекому «менту», что разговор пора заканчивать.

— Да? Хм, ну что ж, вы правы. А вам не любопытно узнать, как все произошло?

— Ну, рассказывайте... — пожимает плечами Апполинарий.

— Преступник — или преступники! — использовали зажигательную смесь, известную как супернапалм. Это когда в обычный напалм добавляют полистирол и некоторые щелочные металлы. Такая смесь прилипает даже к мокрой поверхности и способна самовоспламеняться от соприкосновения со снегом или водой. Тушить традиционным способом, то есть водой — ну, это как бензина добавить. Температура горения превышает тысячу градусов по Цельсию. Прожигает танковую броню. Изготовить такое зелье в домашних условиях трудно, необходимо оборудование, компоненты и — главное! — знания. Преступник человек образованный. Так вот, вагончик подожгли двумя бутылками с супернапалмом. Жидкость мгновенно воспламенилась и заживо сгорели все, кто был внутри. От самого вагончика тоже мало что осталось — супернапалм сжег почти все, железная рама и колесные оси выглядят так, словно их инопланетные термиты сгрызли. Следов преступник не оставил, свидетелей тоже нет, следствие зашло в тупик и нескоро из него выберется. Если выберется вообще! — усмехнулся Пятницкий.

Апполинарий пожимает плечами:

— Ну, азиатам туда и дорога. У себя дома пусть строительством занимаются. Следователю сочувствую — работенка предстоит нелегкая. А о пожаре я, разумеется, знаю — стройка-то почти в моем дворе. Но к пожару не имею никакого отношения, уверяю вас!

— Да-да, разумеется, сей акт вопиющей жестокости не ваших рук дело, — закивал Пятницкий и даже лицо делает эдакое преувеличенно возмущенное.

— Капитан, я еще раз вам повторяю — это не я! — восклицает Апполинарий.

— Конечно-конечно, господин Колышев, — поспешно соглашается Пятницкий, но на лице крупными буквами написано — так я тебе и поверил!

Апполинарий досадливо машет рукой:

— Чтонибудь еще?

— Да! Вот, документки для вас припас кое-какие ... ксерокопии, разумеется! О грузинской банде воров-домушников, что промышляла здесь недавно.

— А я тут причем? — опять удивился Апполинарий, но тут же осекся.

— Вот-вот, — удовлетворенно кивнул Пятницкий. — Есть очень серьезное подозрение, что именно эти ребята побывали в вашей квартире. К сожалению, арестовать и допросить не можем, пока нет прямых улик, только косвенные. Но вы-то процессуальным кодексом не обременены, спрашивать можете по полной программе. В любом случае «грызуны» расскажут много интересного. Берете?

— Да, — без колебаний отвечает Апполинарий.

Плотный конверт из оберточной бумаги переключивается в его руки.

— Благодарю. И до свидания! — сухо прощается Колышев.

Он неуклюже выбирается из машины, проклиная про себя низкую посадку «форда» и обледенелый тротуар.

— А за расследование пожара на стройке не извольте беспокоиться, господин Колышев! — слышится голос Пятницкого за спиной. — Тупик он и есть тупик.

— А я и не парюсь, с чего вы взяли? — с усмешкой ответил Апполинарий. — И вот еще что ... перестаньте разговаривать со мной в манере дореволюционного приказчика из книжной лавки. Вам это совершенно не идет. А Палюдариум — это сайт в рунете для любителей латыни. Именно в интернете публикуется большая часть научных работ, а вовсе не в бумажных журналах — это позапрошлый век! За сим всего хорошего, Валерий Палыч.

Апполинарий переходит на другую сторону улицы с подчеркнуто независимым видом, при этом конверт с документами небрежно зажат двумя пальцами, словно это совсем ненужная, пустяковая вещь.

— Ну-ну, — с усмешкой качает головой Пятницкий.

Едва захлопывается железная дверь подъезда, Апполинарий бросается по лестнице в квартиру, перепрыгивая сразу через две ступени. После второго пролета заколотилось сердце, лицо покрылось жирными каплями пота, в груди засипели легкие. «Совсем дохлым стал, — вяло отметил про себя Апполинарий. — Надо побегать по утрам, что ли? Или присесть со штангой»? Дверь в квартиру поспешно распахивается, Апполинарий рвется внутрь, но проклятый ключ застрял в замке и злорадно уперся в какую-то там выемку. Злясь и ругаясь про себя, Апполинарий кое-как выдирает дурацкую «железяку», бросается в комнату. Прямо в верхней одежде, не снимая обуви, падает в кресло. Вспыхивает торшер, обрывки конверта летят на пол ... в руках Апполинария оказалась тонкая стопка листов с текстом и фотографиями. Он внимательно прочитал документы, рассмотрел черно-белые

изображения плохо выбритых мужчин в вязаных шапочках. Похоже, капитан не врал, утверждая, что именно эти трое ограбили квартиру и убили маму. Конечно, все предположения, но очень правдоподобные. На одной из фотографий изображен балкон, полуоткрытая дверь — второй этаж — внизу от руки написан адрес съемной квартиры. Судя по нему, дом расположен на соседней улице. Что ж, логично — обокрали квартиры в микрорайоне, потом перебрались в другой и так далее. Как правило, организованные банды домовладельцев делят город на участки, чтобы не мешать друг другу, «пасутся» месяц, другой, затем уходят.

Апполинарий откладывает бумаги. Взгляд скользнул по комнате, замер на раскрытой входной двери — сквозь щель видна лестничная площадка, плиточный пол щерится выбоинами. Внизу стукнула дверь, через несколько секунд взвыл лифт. Раздвижные двери коротко прогудели этажом выше и все смолкло. Апполинарий запирает дверь в квартиру, раздевается и опять садится в кресло. Листки бумаги порывом воздуха снесло со столика, они веером рассыпались по полу. «Итак, — подумал Кольшев, — будем действовать самостоятельно или натравим компанию качков? У них неплохо получается, но это моя личная проблема. Или вы, господин Кольшев, боитесь ручки запачкать»? Нет, Апполинарий не боялся «запачкать ручки». Уже убивал и кровавые мальчишки по ночам не беспокоили. Но в прошлый раз все вышло как-то само собой, он не замыслил и не планировал заранее убийство. И тот случай в институтском туалете тоже ... само собой получилось! Это после руки тряслись и мысли всякие в голову лезли. Но потом все успокоилось, всему нашлось оправдание, оставшиеся сомнения хитрое «эго» засунуло подальше, а на передний план выдвинуло горделивое чувство восстановленной справедливости. Чертовски приятно быть мстителем неувимым! Однако соваться в квартиру к ворам одному слишком легкомысленно. Апполинарий взглянул на часы — до тренировки осталось сорок минут.

— Прекрасно! — говорит он, довольно потирая руки.

Подвальный «центр туризма» встретил Апполинария привычным запахом железа, резины и каменной прохлады. Все уже собрались, тренировка идет полным ходом, но при появлении Кольшева все взгляды устремляются на него. Апполинарий даже смутился вначале, когда стали пожимать руки, похлопывать по плечам и без конца повторять одно и то же — молодец, мужик, молоток и так далее.

— Братуха, полный респект тебе! — ткнул кулаком в грудь Кир. — Давно пора было приехать заразу. А как менты? Забегали наверно?

— Да так, — небрежно отмахнулся Апполинарий.

Он отвечал на приветствия, пожимал руки и улыбался — в общем, делал все то, что положено человеку, получающему поздравления. Только вот поздравлять его было не с чем — вагончик гастарбайтеров спалил не он. Мысль отомстить за жестокое избиение возникала не раз, но дальше планов дело не шло. Все-таки в глубине души Апполинарий так и остался «преподом», испорченным хорошим воспитанием, а потому вечно колеблющимся и комплексующим интеллигентом. Попросту говоря, тряпкой. Однако вагончик сгорел вместе с обитателями, скинхеды считают, что это он отомстил, Пятницкий тоже уверен, что его рук дело. Что ж, пусть так и будет. А настоящий поджигатель, какойнибудь нервный гражданин из дома напротив, останется неизвестным.

— Ладно, пацаны, хорош про это, — произнес Апполинарий, подражая простецким манерам скинхедов. — Есть серьезный базар.

С этими словами он выкладывает на стол бумаги Пятницкого. Скинхеды по очереди рассматривают документы.

— Как такие бумаги попали к тебе? — удивленно спрашивает Кир.

— Мент знакомый подарил, — пошутил Апполинарий.

— Не понял! — нахмурился Кир.

Апполинарий почувствовал, как скинхеды напряглись после шутки.

— Некоторое время тому мою квартиру грабанули. Дома осталась мама. Грабители забрали ценные вещи — ну, золото там, деньги... — маму убили. Как свидетеля. Сотрудник полиции по моей просьбе сделал ксерокопии уголовного дела и передал мне. На словах пояснил, что именно эти ребята грабили квартиры в моем районе в то время. Надо поспросить.

— Тогда другое дело, — успокоился Кир. — Только ты менту не верь. И обязательно плати наличными, что б падлюка не вообразала о себе слишком много.

— Так и сделал, — кивнул Апполинарий.

— Лады. Чего от нас хочешь?

— Подстрахуете, пока я спрашивать буду. Идет?

— Без проблем, пацан! — широко улыбнулся Кирилл.

6.30 утра.

Покрытая инеем железная дверь подъезда, словно створка крепостных ворот, медленно распаивается. Мерзко скрежещут смерзшиеся петли, хрустит снежок под ногами, холодный воздух врывается белым облаком в теплый подъезд. Сытый мужчина в добротной дубленке и пыжиковой шапке «здравствуй совдепия» недовольно кривит обвислые щеки — какая гадкая зима в этом году! То ли дело в прошлом — снег так и не выпал, температура ниже ноля градусов не опускалась, тротуары и дороги льдом не покрывались. Европа, мать ее! А сейчас? Не успел высунуть нос наружу, как стужа цапает за лицо, словно бешеная собака, глаза застилают слезы, ледяной ветер морозит глотку и легкие болят от колючего воздуха. Расея, мать родная!

Мужчина поднимает воротник, нос прячется в пушистый шарф, руки сами ныряют в карманы, пальцы сжимаются в кулаки — так теплее. Ходить по утопанному до каменной твердости снегу надобно осторожно, иначе резнешься — уши отвалятся. Лицо опущено долу, взгляд устремлен под ноги, шаг быстр и мелок — так меньше шансов поскользнуться! — добропорядочный гражданин торопится на работу. На улице тишина, далеко впереди маячит спина другого гражданина, из соседнего дома напротив. Товарищ тоже торопится попасть на рабочее место пораньше начальства. Краем глаза мужчина замечает большое темное пятно на уровне второго этажа. Дом расположен буковой «Г», так что выходя из подъезда и сворачивая на дорогу к остановке, взгляд всегда упирается в стену. Ровные линии окон горят редкими утренними огнями, балконы торчат из гладкой стены, словно бородавки. С одной такой «бородавки» свисает на коротких веревках три мешка. Мужчина удивленно распаивает глаза, взгляд устремляется вверх. Мешки какие-то странные, вытянутые, словно это свернутые в рулоны ковры. «Сумасшедшие, что ли? — раздраженно думает гражданин. — Нашли место клопов морозить, идиоты!» Плюет с досады на придурковатых соседей, шагает дальше. Но что-то странное в этих мешках. Мужчина останавливается,

смотрит внимательнее. Внезапно подпрыгивает на месте, пыжиковая шапка падает с головы на снег, на лице появляется выражение крайнего удивления и страха — в нескольких шагах от него виселица! Три полностью обнаженных мужских трупа свисают с балкона. Не соображая, что делает, подходит ближе. Теперь повешенные совсем рядом, если протянуть руку, то кончиками пальцев можно коснуться синих ступней. Порыв холодного ветра шумит ветвями, трупы качаются, с запорошенных снегом лиц сыпется белая пыль. Мужчина поднимает взгляд — у каждого повешенного на груди ярко белеет прямоугольный лист бумаги. Красным фломастером крупно выведено: «Я КВАРТИРНЫЙ ВОР!». Очередной порыв ветра поворачивает трупы, на голые торсы падает свет уличного фонаря. Хорошо видны выпученные в агонии незрячие глаза, опухшие лица припорошены снегом, у одного мертвеца до подбородка высунут фиолетовый язык. Листы бумаги формата А 4 приколоты канцелярскими кнопками, пластмассовые наконечники торчат наружу, словно шляпки не до конца забитых гвоздей. Гражданин медленно пятится, нога попадает в пыжиковую шапку, мужчина оступается и падает. Не сводя глаз с виселицы достает из кармана телефон. Трубка выскальзывает из ослабевших пальцев, пластиковая коробочка проваливается в снег. Мужчина безуспешно шарит рукой, потом встает и пятится задом к подъезду. В следующую секунду оцепенение проходит, гражданин бросается к дверям. Грюкает железная створка, раздается стук каблуков по ступеням, истошно воют электромоторы и лифт уносит перепуганного гражданина наверх. Через полминуты телефон дежурной части районного отдела полиции заливается раздражающе громкой трелью. Сильный порыв ветра сталкивает трупы друг с другом, в тихом дворе слышно легкое постукивание, словно кто-то пробует деревянные ложки на звук. Поземка замечает дорогую пыжиковую шапку, мобильный телефон все глубже проваливается в снег.

По городу прокатилась волна слухов, что появилась какая-то новая банда скинхедов, эдакий эскадрон смерти местного разлива, который целенаправленно уничтожает пришлых иноверцев. Национальные диаспоры заволновались, лидеры обратились к городским властям с одним единственным вопросом: Что делает власть для защиты российских граждан? Причем слово «российских» было подчеркнуто. Администрация в лице заместителя мэра бодро доложила о принимаемых мерах, начальник ГУВД сообщил, что раскрытие резонансных преступлений является делом чести для правоохранительных органов, городское отделение ФСБ, как всегда, загадочно промолчало, но многозначительно посмотрело. Население отреагировало по своему: блудливая интеллигенция источала яд в адрес «проклятых фашистов», мафия базарных торговцев бурно радовалась и спешно занимала освободившиеся места на рынке, уголовная сволочь из представителей «титульной нации» захватывала освободившиеся сферы влияния. Простые люди, на чьей шее сидит и на чьем труде паразитирует вся дрянь, которая перечислена в двух предыдущих предложениях, тихо радовались, что на улицах стало чуть поспокойнее, детей можно отпускать гулять без опаски. А рабочие равнодушно пожимали плечами — ну и что? «Джигиты» нам не помеха, наши места у станков не занимают. От настоящего труда они как тараканы от огня бегут. Конечно, преступности в городе стало не на много меньше. Свято место пусто не бывает, из темных углов повылазила местная шпана, трусливо огляделась и, убедившись, что конкурентов нет, начала делать то, чем раньше промышляли «джигиты» — воровать, грабить, «крышевать» проституцию и продавать наркотики.

Но ведь это свои, «расейские» парни. А свое говно не пахнет, верно?

До нового года осталась ровно одна неделя. Город украшен плакатами и растяжками, призывающими широко отпраздновать тридцать первое декабря, а для этого необходимо приобрести товары с грандиозными скидками ... далее следует перечисление фирм, фирмочек и фамилий барыг, что готовы осчастливить любого желающего за самую низкую цену. Ну, чуть ли не себе в убыток. Перемигиваются разноцветные лампочки, что висят на длинных проводах вдоль и поперек улиц, словно связки луковиц, приготовленные заботливыми хозяевами впрок. Назойливая реклама всевозможных товаров заполнила пространство со всех сторон и зовет, заманивает, гонит и приказывает купить, взять в кредит, приобрести по бросовой цене ... просто попробовать, а потом вернуть, если не понравится и взять другое. С ярких рекламных плакатов смотрят улыбающиеся лица полуголых красавиц в окружении колбас, в которых вообще нет мяса, пачек фальшивого сливочного масла и бутылок вина, приготовленного из гнилых фруктов и серной кислоты. Блондинки, брюнетки и «каштанки» в одних трусиках рекламируют все подряд: от нижнего белья до горящих путевок в Таиланд. И только заморский газированный напиток предлагает бородатый дед в красной шубе. В нарушении закона о рекламе — да Новый Год, че там! — мордастый брюнет с волчьими глазами предлагает купить водку «Хрустальная» производства местного завода. Чуть ниже фотографии брюнета что-то мелкими буквами о патриотизме, о Родине. Окружающее пространство сверкает, играют огни, хохочет музыка. Но веселье получается натужное, искусственное, готовое оборваться в любую минуту. Зимняя стужа прячется в темных углах, порывы ветра сотрясают гирлянды лампочек и кажется, что вот-вот с черного хода супермаркета выскочит свихнувшийся маркетолог с двумя мерчендайзерами и завоюют леденящие душу голоса:

— Мужские кальсоны с гульфиком, скидка полпроцента или смерть!

И замахнется маркетолог кассовым аппаратом, а мерчендайзеры зловеще захохочут, начнут швырять рекламные буклеты, фирменные сувениры и выкрикивать визгливыми голосами:

— Имидж все, содержание ничто!

— Где вы собираетесь встречать Новый Год, Машенька? — спрашивает Апполинарий. Голос нарочито лишен интонаций, словно Колышеву совершенно «по барабану», где, с кем и как встретит праздник девушка.

— Ну, я не знаю ... наверно, дома, — пожимает плечами Маша, но в глазах пляшут лукавые искорки.

— Дома? Одна!?! — удивляется Апполинарий.

На лице появляется гримаса такого изумления, словно девушка собирается провести новогоднюю ночь в кабине лифта.

— Машенька, встречать Новый Год дома, самой — это привилегия старых дев. Конечно, родители святое дело, но и они пойдут в гости. Или пригласят к себе друзей. Вы будете лишней на празднике старичков, — вкрадчивым голосом произносит Апполинарий.

— Мои родители не совсем старички. Но вы правы, Новый Год лучше встречать с друзьями, — с улыбкой отвечает Маша.

— Видимо, это Кирилл со товарищи, — вздыхает Апполинарий. — Я угадал?

— Приглашали, — дипломатично ответила девушка.

Поскрипывает снег под ногами, декабрьский мороз чуть покусывает за кончики ушей.

Редкие снежинки падают с темного неба, добавляя эдакой «пушистости» в атмосферу зимнего вечера. Сегодня Апполинарий проводил семинар во второй половине дня в группе Маши и сейчас провожает девушку домой. Встретились после занятий — разумеется! — случайно. Кольшев задержался в деканате, вышел на улицу — ба, знакомое лицо! Какая неожиданная встреча и т. д. На самом деле Апполинарий полчаса торчал у входа в учебный корпус, дожидаясь девушку. Если раньше он смотрел на Машу как на обычную студентку, которой надо пользоваться, пока есть возможность, то после случая в кабинете химии и знакомства с компанией скинхедов стал относиться к ней совсем иначе. Разумеется, он поставил ей зачет по своему предмету, но вовсе не потому, что она доступна. Наоборот, познакомившись поближе, Апполинарий понял, насколько обманчива может быть внешность и особенно манера одеваться. Короткая юбка и вырез на блузке вовсе не означают, что девушка «готова на все» с первым встречным. Студентка Мария Гвоздикова оказалась одним из самых активных и решительных членов организации скинхедов или защитников Руси — именно так предпочитали называть себя парни из компании Кира. Апполинарий несколько раз просматривал запись расстрела кавказцев и всякий раз по коже пробегал холодок — он бы не смог так хладнокровно добивать умирающих. Чтобы нажать на курок и выстрелить в упор ему надо хорошенько разозлиться. А тогда, на тихой улице микрорайона «Мечта» девушка палила из ружья в живых людей, как по мишеням на стрельбище — спокойно, даже лениво, хладнокровно выбирая цель. Впрочем, Маша упоминала как-то в разговоре, что у нее есть личные счета с «джигитами». Надо расспросить какнибудь на досуге.

Попробуй, залезь такой вот под юбку. В ответ получишь пулю в лоб. Или нож в сердце!

— А я тоже на Новый Год буду дома! — выпалил Апполинарий. — Подруг у меня нет, знакомые все с семьями. Чего мне у них делать, с детишками хороводы водить?

Маша ничего не ответила. Апполинарий смутился. Ему очень хотелось пригласить девушку к себе, но как это сказать, он не знал. То есть знал, конечно и не раз это делал без всякого стеснения. С другими. А тут словно язык проглотил, нужные слова куда-то пропали, а вместо них вылезли какие-то ужасно пошлые и вульгарные лингвистические фурункулы — оттопыриться, заколбасить, оторваться по полной — не слова, а злокачественные образования в языке.

— Знаете что, Маша? — решительно произносит Апполинарий. — Я ...

В это мгновение пушистый снежок под ногами предательски расступается, ноги упираются в отполированный тысячами подошв лед и земля стремительно уходит из-под Апполинария. Он взмахивает руками, словно собрался ухватиться за небо, спина изгибается, рекламные огни вспыхивают с удвоенной силой и Апполинарий Кольшев рушится вниз, прямо на сверкающую гладь замерзшей лужи. Тощий зад преподавателя латыни мощно влипает в лед, громко лязгают зубы, кончик языка обжигает боль и Апполинарий чувствует во рту привкус крови. Вязаная шапочка сползает на брови, голова по инерции опускается, руки растопыриваются, словно крылья. Апполинарий становится похож на пингвина, присевшего на минутку отдохнуть. Маша испуганно вскрикивает, но комичная поза Кольшева развеселила и она громко смеется.

— Ой, вам ... ха-ха ... не больно? Вы так сильно ... ха-ха ... шлепнулись!

Апполинарий опускает руки, искоса смотрит снизу вверх.

— Шмейша, паяц, над жажбитой любовью! — тихо шепелявит он мгновенно распухшим

языком.

Ему совсем не весело — задницу ломит, словно владимирский конь-тяжеловоз копытом влупил, прокушенный язык горит огнем. Девушка протягивает руку, намереваясь помочь, но предательский лед тут как тут — каблуки скользят, под ногами исчезает опора и Маша падает прямо на Апполинария. Он только-только приподнялся, опираясь на руку, как его опять сшибает на лед и он впечатывается в замерзшую лужу спиной и затылком.

— За что, Машенька? Ведь у нас с вами ничего не было! — ошарашено произносит он.

Приятная тяжесть наваливается сверху, теплое дыхание касается щеки и тихий голос произносит в ухо:

— Значит, будет. Новый Год мы встречаем вместе?

— Да!!!

Однако амурным планам Апполинария на Новый Год не суждено было сбыться. Откуда ни возьмись, ну словно черт из табакерки, явился капитан Пятницкий. Вернее, его аватара — волк с оскаленной пастью и бешеными глазами. Сия «мордуленция» появилась в электронном почтовом ящике Апполинария. Короткий текст гласил: «Прочтите содержимое прикрепленных файлов, важно».

— Чертов клоун! — раздраженно проворчал Апполинарый, но файлы скачал и открыл.

Это оказались выписки из уголовного дела с фотографиями. Прилагалась и пояснительная записка, из которой следовало, что высокопоставленный бандит по кличке Мурадака (от Мурад-ака) собирается отпраздновать Новый Год на загородной даче в кругу друзей аккуратно тридцать первого декабря. Апполинару Павловичу вежливо предлагалось посетить «высокое» собрание с компанией «патриотически настроенных» друзей и провести разъяснительную работу. А заодно пошарить в личной базе данных и выяснить, нет ли среди знакомых Мурада сотрудников ГУВД. Фамилии и программа «ломалка» кодов прилагалась.

— Клоун ... нет, шут гороховый! — ухмыльнулся Апполинарый. — Разъяснительную работу!

Посмотрел обратный адрес — так и есть! Вася Пупкин почта ру. Наверняка зарегистрировался только что с терминала в аэропорту или на вокзале и больше с этого адреса никаких писем не будет. Апполинарый покачал головой, из груди вырвался тяжелый вздох — трудна ты, работа секретного агента! Он еще раз внимательно просмотрел присланные документы. Странная кличка «Мурад-ака» объяснялась тем, что матерый уголовник был метисом, то есть папа с Кавказских гор, а мама из пустынь Киргизии. Поэтому ворюга пользовался уважением у «джигитов» и азиатов. «Кстати, рожа твоя, Мурадик, почему-то мне знакома. И откуда я тебя знаю?» — удивленно подумал Колышев. Апполинарый выключил комп, ткнул ногой в стол. Кресло послушно откатилось к дивану. Небольшой термос на журнальном столике тихо звякнул металлическим днищем о стеклянную столешницу. Апполинарый лениво откручивает пробку, темная, почти черная струя горячего кофе наполняет украшенную золотой каймой чашку. Из пластиковой коробочки одна за другой падают две таблетки заменителя сахара, малюсенькие пузырьки воздуха появляются на поверхности. Горячее пойло приятно согревает глотку, тепло настраивает на «философский» лад.

Пару лет назад в доме появился дворник таджик. Нормальный мужик, не пьет, не прогуливает, работу выполняет хорошо. Прежний, гастарбайтер из Вологодской губернии, отличался тем, что выпадал в запой на несколько дней. Двор зарастал мусором, контейнера буквально лопались от вонючей дряни, вдобавок стояли так, что водителю мусоровоза приходилось проявлять чудеса высшего пилотажа, чтобы подобраться к бачкам. Потом мужичок приходил в себя, работал сутки напролет и двор освобождался от грязи. Чистота держалась около недели, затем все повторялось — дворник исчезал, мусор рос в геометрической прогрессии, жильцы злобно жаловались в управляющую контору. Гастера с Вологодчины выгнали и через некоторое время появился тихий таджик в оранжевом, словно переспелый апельсин, комбинезоне. Первое время новый дворник обитал в подвале, переоборудованном под жилье. Работал хорошо, жалоб на новичка не поступало, двор очистился и управляющая контора даже сделала детскую площадку с качелями, горкой и

детским лабиринтом. Все такое деревянное, яркое, словно хохломская роспись, с замысловатой резьбой. Спустя три месяца приехала жена дворника. Было летнее утро, Апполинарий спешил на работу. Он на ходу дожевывал бутерброд с бужениной, в левой руке портфель, правой пытается проверить, не забыл ли застегнуть ширинку, глаза треугольные, волосы дыбом. Навстречу, от автобусной остановки, неспешно шагает широкая женщина неопределенного возраста в пестром халате и домашних тапочках. Голова повязана ярким платком с блестками по краям, на тугом лице вздрагивают щеки, глаза-щелки блестят трехкратными алмазиками. Руки сложены на выпуклом животе. Сзади плетутся пестро одетые дети плотной кучкой; Апполинарию показалось, что все одного возраста, но ведь так не бывает? (Ошибался. Позднее он узнал, что жена дворника не разменивалась по мелочам, рожала сразу тройню. В крайнем случае, двойню.) Последним семенит глава семейства — руки тянут к земле гигантские чемоданы, плечи перекошены раздутыми узлами и даже на шее болтается не то детский ранец, не то сумка. Круглое лицо налито кровью, пот буквально сочится из кожи сверкающими горошинами, от спины поднимается пар. Апполинарий окинул живописную кучку равнодушным взглядом, отвернулся — мне нужны дворницкие проблемы? Он потом не раз встречал во дворе или близлежащем гастрономе эту таджичку в окружении галдящих детей. И всякий раз у нее был раздутый живот. Эта женщина была перманентно беременна.словно свиноматка рекордсменка, она вынашивала детей, рожала и опять беременела очередной порцией двойняшек. Или тройняшек.

Довольно быстро многодетная семья перебралась из подвала в пятикомнатную квартиру на первом этаже. Прежние обитатели — тоже многодетная семейка — разъехались. Кто куда — родители пропали, так как были сильно пьющими, детей рассовали по приютам. Дворник привел в порядок квартиру, прикупил нехитрую мебель. В основном, двухъярусные кровати. И еще два громадных холодильника. Жизнь продолжалась. Муж исправно убирал мусор, мыл подъезды. Жена рожала и воспитывала детей. Все правильно, так и должно быть. Только вот одно но! Семья была не русской, а таджикской. Если муж по-русски говорил вполне сносно, то жена «бэкала» и «мэкала», двух слов связать не могла. Дети тоже общались между собой только на родном языке, по-русски говорили только старшие, с сильным акцентом и то потому, что пошли в школу. Семья жила замкнуто, с русскими соседями почти не общались, зато с удовольствием принимали гостей земляков. Довольно скоро в этом отдельно взятом дворе образовалась такая малюсенькая таджикская диаспора, живущая по своим законам и почти не контактирующая с окружающим миром. Пока русские дети гнили в сиротских домах, таджикские росли в сытости и относительном достатке в русском городе. И уезжать новоявленные граждане Росси обратно на историческую родину вовсе не собирались. Разве это справедливо?

Апполинарий встал. Взгляд упал на журнальный столик. Забытый кофе в чашке с золотой каймой уже остыл, но не пропадать же добру? Апполинарий залпом, словно водку, выпивает горькую жижу, лицо кривится, в глазах появляется отвращение. Какая гадость это ваше растворимое кофе!

— Итак, справедливо ли это? — произносит Апполинарий вслух.

И разочарованно отвечает сам себе:

— Увы, да! Русские захлебываются водкой, а таджики капли в рот не берут. Конечно, они любители анаши и заядлые курильщики слабенькой «травки», но масштабы распространения алкоголизма среди русишь швайне несопоставимы с увлечением азиатов слабой растительной наркотой. Они же все верующие фанатики, а ислам запрещает

дурманить себя!

За окном раздался мощный хлопок, ночное небо озарили вспышки салюта, грохот петард слился в непрерывную пулеметную очередь. Послышались крики «ура», радостные восклицания и пьяный хохот.

— Празднуют, православные! — прошептал Апполинарий, подойдя к окну. — Нам вера в Христа пить не запрещает. Или так проявляется постулат о свободе воли?

Охранника нейтрализовали просто — отключили счетчик, расположенный на столбе возле дома. Энергопоставляющая компания развесила новые счетчики снаружи, дабы «умные» жильцы не мухлевали с левой проводкой и вообще так легко снимать показания. Взвыл дизельгенератор, свет мигнул и засиял, как ни в чем ни бывало. Хлопнула дверь, охранник лениво выбрался на свет Божий. Помятое лицо перекошено зевотой, ширинка распахнута, на брючном ремне болтается резиновая палка, гирлянда наручников трясется на заднице. Улица достаточно освещена, но сразу за калиткой образуется эдакое мертвое пространство — двухметровый черный прямоугольник, в котором ни черта не видно на расстоянии вытянутой руки. Охранник успевает сделать только один шаг, как что-то плотное и непроницаемое обхватывает голову. Шею сдавливает мертвой хваткой, свет меркнет в глазах, вместо воздуха в распахнутый рот лезет вонючая пленка. Мужчина рефлекторно хватается за лицо, но тяжелый удар по макушке вышибает сознание.

— Один готов! — раздается в ночной тиши тихий голос.

— Лады. Заткни пасть и сунь куданибудь подальше!

Несколько черных фигур пробираются к дому. Одна замирает у дверей, остальные идут вдоль стены. С тыльной стороны дом ярко освещен — разноцветные гирлянды украшают колонны и перила широкой лестницы. Даже длинный стол для фуршета под террасой украшен цветными огоньками — светодиодные лампочки вспыхивают по всей поверхности столешницы. Гостиную на первом этаже от улицы отделяет стеклянная стена. Хорошо видно, как по залу, отделанному мрамором и малахитом, медленно плывут женские фигуры в вечерних платьях, сверкают драгоценности и украшения. Мужчины в смокингах расположились полукругом возле громадного камина. Слышна музыка, но какая именно, не разобрать — многослойное стекло надежно изолирует зал от холода улицы.

— Машка, как жизнь?

— Никак! Иди ты со своими вопросами!

— Ладно тебе, Кир. Это же кровососы, паразиты!

— Да знаю, Колун. Я так просто.

Внезапно шелковая штора справа распахивается, за стеклом возникает крупная женщина в пышном красном платье. На голове копна иссиня черных волос, мочки ушей оттягивают бриллианты размером с перепелиное яйцо. Золотое ожерелье лежит на арбузных грядках, словно собачий ошейник с полусотней медалей. Лицо накрашено грубо, ярко, выделяются красные губищи и густо намазанные черные глаза.

— Мать твою! Эльвира — повелительница тьмы в старости! — удивленно шепчет Апполинарий.

— Что за Эльвира такая? Откуда ты знаешь эту манду? — подозрительно шипит Маша.

— Я ее не знаю, Маш. Эльвира — это персонаж фильма ... старого, еще прошлого века, актриса Кассандра Петерсон... — начал было оправдываться Апполинарий, но злой голос Кира бесцеремонно обрывает:

— Хватит болтать. За дело!

Стеклянная дверь на террасу бесшумно и быстро отъезжает в сторону, перед изумленной «Эльвирой» появляется невысокая фигурка. Маша, как и все остальные члены группы, одета в черный комбинезон военного образца, голова и лицо скрыты тканевой маской с прорезями для глаз. Женщина успевает только раскрыть рот для истошного вопля, как лезвие вонзается в живот. Девушка изо всех сил рвет рукоять влево. Остро оточенный клинок с тихим треском распарывает дорогую ткань, брюшину, из широкой раны потоком хлещет кровь, вываливаются розовые и багровые внутренности. Крик застревает в горле женщины, она только неверяще смотрит на собственный живот, который на глазах раскрывается, словно кровавая книга. Мимо стремительно бегут люди в черной одежде, раздаются крики, звучат выстрелы, теплая влага брызжет прямо на золотое ожерелье, на полных губах появляется вкус крови. Мгновенно осунувшееся лицо страшно белеет, глаза закатываются под лоб, женщина валится на мраморный пол бесформенной кучей. Приглушенно звенят бриллианты на мочках ушей, золотое ожерелье безобразно сминается под тяжестью откормленного тела. С гостями бандитского генерала было покончено за считанные секунды. Скинхеды заранее договорились, что в живых — на время! — оставят только главаря. Стрелять начали сразу, как вошли в зал. Заряды волчьей картечи рвали тела в клочья, сбивали с ног и быстро кровенеющие тела падали на дорогие ковры, врезались в застекленные хрустальные горки, с грохотом и звоном валились на пол в ореоле сверкающих стеклянных брызг. Несколько человек попытались спастись, бросившись к выходу, но там их ждали. Иван Тропинин или Тропа, не мудрствуя лукаво, по-простецки рубил топором всех, кто выбегал из дома. Таких «умных» набралось с полдюжины. Теперь все лежали неопрятной кучей дорогих костюмов и туфель на ступенях крыльца. Из страшно разрубленных голов и шей на итальянскую облицовочную плитку выползает серая мозговая жижа, торопливо сбегает свекольного цвета кровь. Заминка вышла только с женщинами, их было мало, всего пятеро, если не считать уже мертвой хозяйки. Все как на подбор — грудастые, губастые и задастые. Дамы просто лопались от избытка силикона, что литрами вливают, вставляют, засовывают везде, где только пролезут блудливые руки пластических хирургов. Женские тела, обтянутые шелком, шифоном и чем-то еще умопомрачительно дорогим, сбились в дрожащую от страха кучу в углу, возле камина. Вытарщенные от ужаса глаза быстро перебежали с одной черной фигуры на другую, задерживались на еще дымящихся стволах, потом с мольбой и тайной надеждой глядели в прорези черных масок, в которых блестят глаза неизвестных. В тишине громко и неприлично стонет хозяин дома. Он лежит на полу со скрученными за спиной руками, изо рта торчит широкий конец собственного галстука, глаза выпучены, щекастое лицо налито дурной кровью. Шею давит внушительного размера солдатский ботинок, из-под рифленой подошвы струится кровь.

— Чего вытарщились на сучек? Думаете, они ни причем? — зло спросила Маша.

Голос глух, слегка искажен маской, в доме полная тишина, воздух перенасыщен запахами крови и пороха, потому вопрос звучит особенно зловеще.

— Мы никого не убивали! — взвизгивает одна из женщин.

— Верно. Это делали ваши мужики, — тяжело произносит Кирилл. — А вы только пользовались их грязными деньгами ... Машка, кончай их!

Истерические вопли тонут в грохоте выстрелов дробовика.

— Ну, а с этим что? Колун, есть идеи? — с ухмылкой спрашивает Кирилл.

— Есть ... погоди-ка, я недавно видел эту рожу!

— Мы все ее видели. И не раз, — насмешливо отвечает Маша.

Девушка перезаряжает помповое ружье — тонкие пальчики сноровисто вставляет яркий патрон в черное отверстие под стволом, затем следует резкое движение рукой, затворная рама с лязгом глотает боеприпас и опять разевает железную пасть. Следующий патрон ныряет в черное отверстие ... движение рукой ... равнодушное ку-клукс-клан ... смыкается железная глотка. Последний патрон скрывается в патроннике, тихо щелкает предохранитель, ружье сыто опускается к полу.

— Не припоминаю ... а, реклама водки! Мордастый тип с волчьими глазами! Там еще что-то о Родине, патриотизме ... так ты, гнида, еще и сивуху гонишь?

— Почему сивуху? Хорошая водка, — обидчиво сипит в ответ Мурад. Говорить трудно, ботинок скинхеда давит шею все сильнее.

— Спасибо, больше не надо, — благодарит Апполинарий парня. Тот нехотя убирает ногу.

Бандит по-своему понял то, что его не убили сразу, говорит быстро и много, обращаясь сразу ко всем:

— Чего вы хотите? Денег, золота, камней? Я все вам дам, только не убивайте. Какой прок сдохлого бизнесмена? Курицу, несущую золотые яйца, не режут. Берите все, что хотите! На втором этаже, в моем кабинете, есть сейф. Он набит деньгами! Я дам ключи, скажу шифр ... оставьте в живых! Буду платить каждый месяц — нет, каждую неделю сколько скажете!

— А как же твои бабы? — с усмешкой спросил Кирилл. — Там, возле стеклянных дверей, разве не твоя жена с распоротым брюхом лежит?

— Эта? Крашенная жаба в шелку и увешанная бриллиантами? Ты совсем дурак, а? Ой, прости пожалуйста ... это прислуга, как ее ... дворецкий?... дворцовая? ... черт! Она командует слугами, понимаешь?

— И вся в золоте? — не поверил Кирилл.

— Да. За преданность надо платить. Я хорошо плачу верным людям, — отвечает бандит.

Теперь, когда тяжелый ботинок скинхеда не давит на шею, Мурад повернул голову и смотрит снизу вверх с надеждой, страхом и тщательно скрываемой злобой.

— Ага. Значит, твоя жена там! — показывает Кирилл глазами на кучу женских трупов.

— Нет, парень. Это подстилки высшего сорта, дорогие бл...ди. Их покупают на время для гостей, берут напрокат в командировки или просто так, от скуки. Вы убили их? Это пустяк, забудьте ... если оставите меня в живых, у каждого из вас будут такие. А ваша подруга получит мальчиков, каких захочет. А еще я дам вам денег. Много!

— Ну-ну ... а друзья, что в гости пришли? Вон они дохлые лежат.

— Э, какие друзья? То компаньоны. Вы убили их? Это огорчительно, но не очень, потому что они были моими конкурентами. Теперь я смогу прибрать к рукам их дела и бизнес пойдет еще лучше! Вы сделали большое дело, я вам очень благодарен!

Видно, что бандит перепуган, но надежды не теряет, говорит с каждой минутой все увереннее, голос уже не срывается на повизгивание, в глазах появляется расчетливость.

— Ты смотри, все по полочкам разложил, — удивленно качает головой Кирилл. — А почему ты решил, что мы согласимся?

Бандит смотрит прямо в глаза Кирилла, четко и внятно произносит:

— Потому что вы люди. И жизнь у вас одна. И вам хочется жить, а не прозябать в нищете. Вы молоды, у вас множество желаний. Вы многого не знаете, не видели. В этом мире все достижимо при помощи денег. И я дам вам их. В обмен на свою жизнь.

— Мы можем и сами взять их, — усмехается Кирилл. Взгляд скользит по роскошной обстановке зала, возвращается на лицо пленника.

— Это гроши, мальчик, — презрительно кривится бандит. — Пыль, ничто! Бедные дурачки, вы даже не знаете, что такое настоящие деньги.

Кирилл молчит. Апполинарий взглянул на других — в глазах «патриотов» заметна неуверенность, некоторые отворачиваются. И только девушка хмуро смотрит в сторону, тонкие пальчики нежно поглаживают железное туловище дробовика. Апполинарий понял, что настает критический момент. Мальчишки с рабочих окраин, выросшие в бедности, не имеющие никаких перспектив в этой жизни — много ли надо ума и хитрости, чтобы раскусить неокрепшие души? Соблазн действительно велик. А оправдаться можно рассуждениями типа — деньги не пахнут, их можно потратить на помощь бедным сиротам и старикам, а себе оставить чуть-чуть. Так, на запасные штаны и кусок хлеба. Робин Гуд, Иван Болотников, Стенька Разин ... когда появляются деньги, о сиротах и стариках сразу забывают, а кусок хлеба обмазывают маслом. С черной икрой. Сколько той жизни-то?

Отговаривать пацанов бесполезно. Они подавлены роскошью и богатством, которые сами валяются в руки. Могут и жоака не послушать. Если, конечно, Кир станет возражать. А может и не станет, в его глазах тоже уверенности нет. Апполинарий лихорадочно пытается придумать хоть какой-то весомый аргумент. Не пройдет и минуты, как лежащий на мраморном полу, в собственных слюнях и соплях бандит превратится в уверенного в себе «пахана» и мальчишки начнут служить ему. Надо делать что-то! Апполинарий в отчаянии смотрит по сторонам, словно на увешанных дорогими картинами стенах есть ответ. Увы, эти стены кричат совсем о другом — жить можно вот так, долго и счастливо! Внезапно взгляд царапает черная точка под самым потолком. Среди живописных полотен, на фоне бархатных обоев и лепной позолоты черный кругляш размером с пятак выглядит грязным плевком. Апполинарий недоумевающее смотрит на непонятный предмет и вдруг понимает — это объектив! Видеокамера снимает все, что происходит в этом зале, информация выводится на центральный дисплей в комнате охраны. Но почему тогда никого нет? Где увешанные броней и оружием бодигарды? Почему не слышно истошных криков «Руки за головы, мордами в пол!» и никто не палит в потолок? «Потому что в доме нет никакой охраны, — понимает Апполинарий. — Мурад, у которого все схвачено и куплено, уверен в собственной безопасности. Просто где-то стоит компьютер и вся инфа пишется на жесткий диск. Так, на всякий случай. Что бы потом любоваться забавами гостей с приглашенными девками».

— Кир!

— Колун, я тебя спрашивал? — косо смотрит Кирилл.

— Кир, послушай меня!

— Не лезь не в свое дело, профессор, — с угрозой произносит Кирилл. — У тебя есть хорошая зарплата и шикарная хата, мы видели. А вот у них, — показал он взглядом на остальных, — ничего!

— Хорошо. Но сначала посмотри туда. И вы все тоже! — кричит Апполинарий. Указательный палец целится в глазок видеокамеры.

Все взгляды упираются в черную точку, в доме наступает тишина. Слышно только натужное сопение Мурада с пола. Тотчас раздается голос:

— Э, не обращайтесь внимания. Это обычная видеозапись ... ну, мало ли что ... гости вороватые.

— Куда поступает сигнал? — страшным голосом спрашивает Кирилл.

— В мой кабинет на втором этаже. Там никого нет.

— Дьявол... проверить дом!!! — кричит Кирилл.

Мальчишки разбегаются по комнатам, слышен грохот вышибаемых дверей, раздается звон стекла и топот ног.

— Есть! — радостно кричит Тропа откуда-то сверху. — Тут аппарат стоит.

— Лады. Ну, что скажешь, Мурадик? — с недоброй улыбкой спрашивает Кирилл.

— Да ерунда все, я ж говорю! Я всегда пишу гостей. Ты думаешь, если они богачи, то не воруют? Это такая дрянь, ты правильно сделал, что порешил их. Я и сам собирался это сделать, да все недосуг было, — оправдывается бандит.

— Брешет он, Кир. Запись сразу же ушла бы в ментовку. И всем нам тогда, — обвел взглядом Апполинарий вернувшихся мальчишек, — конец пришел бы. На абсолютно законных основаниях — по факту видеозаписи. У этой мрази там свои люди есть.

— Да чепуха все! Не слушайте этого умника ... ты кто такой, а?

— Не твое свинячье дело. А вот этих ты знаешь!

Апполинарий называет несколько фамилий.

— Все? Никого не забыл?

— Впервые слышу, — пренебрежительно кривится Мурад, но лицо бледнеет еще больше, на лбу и щеках выступает пот.

— Убедился, Кир?

— Оборотней в погонах убивать — святое дело, — тихо, почти шепотом, говорит Кирилл. — Только вот как?

— Нужны неопровержимые доказательства. И тогда их уберут, — ответил Апполинарий.

— Да ну! — не поверил Кирилл. — Волк волка не съест.

— Поверь мне. Среди ментов есть честные люди, я знаю, — твердо сказал Апполинарий.

— Да? Ну лады!

Кирилл присаживается на корточки, взгляд обегает распростертого на мраморе бандита.

— Сделка не состоится, Мурад-ака, — говорит Кирилл с недоброй улыбкой. — И ты сейчас умрешь, — добавил он тише.

— Что ты говоришь такое, а? Зачем убивать, а? — срывается на крик голос Мурада. — Тебе нужна сделка? Хорошо! Уничтожь запись ... сожги дом ... а этого, — повел налитыми кровью глазами на Апполинария, — убей! Что он дал тебе и всем вам? Ничего! А я дам все!

И тут Апполинарий замечает, как дрогнуло лицо Кирилла. Негодяй прав; что может дать этим мальчишкам простой «препод», кроме «ценных» советов и занудных нравоучений, как правильно жить? Конечно, освободить родину от иноверцев надо, но кто сказал, что необходимо оставаться бедным? Апполинарий окидывает быстрым взглядом остальных — в глазах пацанов растерянность и ожидание. Только Маша, Мария Гвоздикова смотрит прямо, на хмуром лице стынет выражение жестокости, взгляд холоден, ствол дробовика направлен прямо в висок бандита ... или в голову Кирилла?

— Ты солгал. Я тебе не верю, — после короткой паузы произносит Кирилл.

Поднимается в полный рост, взгляд останавливается на бледном лице Апполинария.

— Убей его, Колун, — просто говорит Кирилл. — Хотя нет, лучше я.

— Вы... вы ... вы скоты! За меня отомстят!! Вы все умрете страшно!!! — визжит с пола бандит.

— Сначала ты, — сухо сообщает Кирилл. — Ребята, поищите молоток и гвозди. А ты, Машенька, принеси воронку с кухни.

Кирилл подходит к столу. Полированная поверхность уставлена блюдами с закусками, хрустальные рюмки и бокалы сверкают алмазными гранями, отраженный свет дробится на искры и делает зал еще светлее. Бутылки с самыми разными напитками стоят в два ряда, напоминая крепостную стену.

— Что тут у тебя? — задумчиво говорит он, словно рассуждает вслух. — Текила ... виски... водяры разной... коньяк... самое лучшее все ... дорогущее, блин! Мне на такое бухло надо полжизни пахать. Не пропадать же добру, верно?

— Кир, не тяни, пожалуйста, кота за яйца, — вежливо просит Тропинин. — Ближе к телу. Все, что ты просил, принесли. Только вот молотка не нашли, зато есть пневматический пистолет и пачка дюбелей.

— Отлично. Парни, вы в детстве гербарии в школе не делали?

— Чо? — разинул рот Тропинин.

— Понятно... сейчас я из этого уroda сделаю гербарий, а потом заспиртую. Что б дольше хранился! А вы мне поможете. Запись не выключили?

— Нет. Я не знаю, как ее вырубать, — смутился Тропинин.

— Вот и ладно. Пусть пишет, я потом сотру все ненужное, жесткий диск спалю в камине. А теперь запоминайте рецепт приготовления мяса в маринаде!

Через два дня в *tu tube* появилась видео из разряда «жесть». Неизвестные люди в масках распяли на полу совершенно голого мужчину азиатской внешности. Руки и ноги пригвоздили к полу дюбелями. Потом выбили передние зубы, вставили воронку. Затем начали вливать алкоголь. Мужчина буквально захлебывался дорогим коньяком, водкой и текилой. Когда содержимое желудка начало неудержимо извергаться, мучители сделали перерыв. Через несколько минут экзекуция возобновилась. В конце концов мужчина оказался накачан дорогим алкоголем «по самое никуда». У него началась рвота и обильные испражнения. Вокруг распятого расплылась громадная лужа крови и нечистот, началась агония. Неизвестные в масках щедро посыпали умирающего долларовыми купюрами, посыпали драгоценными камнями, после чего видеозапись прервалась. Ролик успели посмотреть несколько тысяч человек, прежде чем провайдер опомнился и прекратил показ. Но по городу опять поползли слухи, что некие националисты продолжают уничтожать с особой жестокостью представителей неславянской национальности. Впрочем, реакция на это преступления отличалась от предыдущей, когда повесили банду домушников. Люди открыто выражали одобрение и даже радость, что наконец-то уничтожили отвратительного гада, который травил паленой водкой население, крышевал распространителей наркоты и при этом прекрасно уживался с местной властью и полицией. А заодно и со всеми прочими так называемыми «силовиками». Разумеется, преступление наделало много шума и не только в городе. Местные власти забились тревогу по поводу разгула преступности — ведь она, власть эта, лишилась значительной доли доходов! — явилась столичная комиссия для проверки деятельности ГУВД, но уже через десять дней уехала ни с чем. Следов на месте

преступления не обнаружили и вообще никаких зацепок, кроме видеоролика, не было. Столичные гости диву давались профессионализму работы неизвестных убийц, но клятвенно заверяли, что преступление будет раскрыто в ближайшее время. Это, как его ... дело чести! Апполинарий смотрел по телевизору передачи о ходе расследования, читал интервью в газетах и усмехался про себя — да никакие они не профессионалы! Зачистка следов дело капитана — вернее, уже майора! — Пятницкого. Именно он уничтожил все улики, которые в изобилии оставляли после себя наивные скинхеды. Сделал красиво! Но все же Апполинария не покидало чувство тревоги. Уж слишком просто все получилось — охраны не было, если не считать полусонного сторожа калитки, сигнализации тоже не оказалось. Неужели водочный король был так самонадеян? Ладно ...

Внешне жизнь преподавателя латыни не изменилась. Как и раньше, Апполинарий спешил по утрам на работу, злился, если опаздывал на автобус или маршрутку. Приходилось срочно «ловить» такси. В этом случае на работу попадаешь гораздо быстрее и в более комфортных условиях, но надо платить! А это ... не хочется. Но обзаводиться личным транспортом Апполинарий категорически не хотел — кредитов не брал, справедливо полагая, что это западня, а своих денег вечно не хватало. Да и аварий вокруг так много. Ну ее, тачку эту!

Как-то раз Апполинарий привычно мерз на остановке. Сварливый ветерок студит лицо, холодные струйки пытаются пробраться под брюки и за рукава. Апполинарий успешно отражает атаки стужи, приплясывая на месте и поглубже засунув руки в карманы. Народу на остановке почти нет, автобус отъехал совсем недавно. Апполинарий злится — сколько раз давал себе обещание выйти из дома на пять минут раньше и вот опять что-то помешало! Нет, надо что-то в этой жизни менять, причем кардинально. Завтра встану пораньше, быстренько соберусь и выйду из дома заранее. Вот только с вечера приготавлиюсь! Мимо лихо проносится темно-синяя торпеда. Машина резко тормозит, вспыхивают красные глазищи «стопов». Автомобиль сдает назад, замирает возле Колышева. Дверное стекло опускается, из теплого салона раздается знакомый голос:

— Колун ... э-э ... Апполинарий!

Дверь распаивается, появляется улыбающееся лицо Кирилла.

— Садись!

Апполинарий «на автомате» плюхается на сиденье, машина срывается с места, дверь захлопывается по инерции.

— Ты? На колесах? — удивляется Апполинарий. — Вроде безлошадным был.

— Что было, то сплыло. В канализацию, — с усмешкой отвечает Кирилл. — Если «бабки» имеются, чего пешком ходить.

— А-а ... новую работу нашел? А я вот все на старой. Куда преподавателю податься? Я ведь ничего другого не умею.

— Да ну! — ухмыльнулся Кирилл. — Я видел, как ты «ничего другого не умел».

— Я говорю о профессии.

— Я тоже. По-твоему, истреблять нечисть, очищать землю от гадов не может быть профессией?

— То есть? — удивился Апполинарий.

— Дрянь плодится, как тараканы. Чем лучше будут жить русские люди, тем больше будет завистников и просто бездельников, желающих пожить за чужой счет. Сегодня мы боремся с кавказцами и чурками, завтра полезут негры. Я читал, что в Африке через сколько-то там лет народу будет полтора миллиарда. Больше, чем в Китае! Но узкоглазые пашут, как папы карлы, они молодцы. А черномазые как цыгане — пляшут, поют и воруют. Ты представляешь, полтора миллиарда цыган! Никаких лагерей и газовых камер не хватит! И вот вся эта орава хлынет в Россию. Что делать?

— Ты о неграх? — только и нашел, что спросить, Апполинарий.

— Обо всех. Как только в стране повышается уровень жизни, в нее устремятся толпы уродов. Почему в Европе так много мигрантов? У нас пока хреново, зимы холодные, а ну как

потепление наступит, уровень жизни возрастет?

— И что ты предлагаешь?

Впереди предостерегающе вспыхивает красный глаз светофора. Кирилл спохватывается, нога давит тормоз. Машина утыкается носом, колеса скользят по обледенелому асфальту. Когда до бампера впереди стоящего автомобиля остается вершок, машина останавливается.

— Фу ты! — выдохнул Кирилл. — Вожу еще не очень, мало практики, — пояснил он.

По пешеходной «зебре» спешат люди навстречу друг другу, человеческий поток на несколько секунд перекрывает дорогу так, что не видно автомобилей с той стороны.

— Смотри, — мотнул головой Кирилл. — Цветных нет, наши на работу спешат. А где все эти душманы, мать их, а? Грабят квартиры тех, кто работает. Торгуют паленой водкой и вином. Собирают дань с честных русских бизнесменов ...

— Честных!?

— Ну, ладно... пусть. Но они деньги тратят здесь, у нас, а не вывозят в свои поганые республики свободные!

Выглянул желтый кругляш, прохожие заторопились. Зажегся зеленый свет. Пешеходы исчезают, автомобили плотной толпой бросаются вперед.

— Так вот, продолжаю мысль ... Чем больше мы, русские, будем работать, тем больше и больше будет в России всякой «чуркотни». Избавить страну от нашествия можно только одним способом — убийствами. Страх за жизнь заставит эмигрантов сидеть дома и работать на своей земле. Простый раз красиво чурку замочили. Заметались, гады, забегали! Так и надо с ними, чтоб другим неповадно было. Но!

Кирилл предостерегающе вытянул указательный палец вверх.

— Это самодеятельность, любительство. Нужны системные действия, необходимы профессионалы, ну и ... нужны деньги! Грязная работа по очищению Родины должна хорошо оплачиваться, Колун.

— Здравая мысль, не могу не согласиться, — пробормотал Апполинарий. — И кто же станет платить? Честные русские бизнесмены?

Кирилл усмехнулся.

— Да нет, они дальше своего носа не видят. Не понимают, идиоты несчастные, что конец им придет, если все оставить как есть. Будут платить, но не сейчас. Надо создать организацию профессионалов. На принципах самофинансирования. Когда наберемся сил, проведем разъяснительную работу среди наших богатеев...

— Обложим данью, — подсказал Апполинарий.

— Да. А что, за спокойную жизнь надо платить. Разве не так поступает государство? — спросил Кирилл.

— Так. Все верно. Только вот едва ли государство захочет делиться доходами.

— А это второй этап. Нужна власть. Когда такие, как мы с тобой, придут к власти, все изменится. Страна и люди станут другими.

— Что на третье?

Кирилл сворачивает на обочину, останавливает машину.

— Расскажу потом. Вылезай, приехали, — кивнул он на четырехэтажную коробку учебного корпуса института.

— Спасибо, — поблагодарил Апполинарий. — Выручил. А на какие «шиши» тачку купил, если не секрет?

— Ну, ты же помнишь, Мурад перед смертью предлагал деньги забирать. Я и взял. И с

другие брали. А что, хватит нищенствовать. Мы заслужили. А ты что, не успел?

— Да, провозился с компьютером, потом уходить надо было.

— Ладно, — махнул рукой Кирилл. — В следующий раз получишь двойную долю. Ну, бывай!

— Будь здоров.

Апполинарий проводил взглядом удаляющуюся машину. Злой ветер с удвоенной силой набросился на «тепленького», поток воздуха с силой уперся в лицо, из глаз потекли слезы. Колышев поглубже натянул шерстяную шапочку, прикрыл лицо ладонями. До начала лекции осталось двадцать минут, надо спешить в аудиторию ...

Идти после работы в спортзал не хотелось. Последнее время Апполинарий охладел к тренировкам. Поднимать и опускать «железо» — а именно в этом и состоит тренировка бодибилгера — занятие скучное и, честно говоря, довольно глупое. Методики советуют прислушиваться к мышцам, всматриваться в себя и так далее. Некоторые вообще утверждают, что если как следует заниматься, то наступает этакое состояние эйфории из-за повышения уровня гормонов в крови. Все так ... и не так. Профессионал может и чувствует легкий «балдеж» после крутого «кача», а обычному человеку, у которого голова забита семейными заботами, работой и личными проблемами, на гормоны наплевать. Его жизнь там, за стенами этого маленького мирка полированных железяк и потных мускулов. Но быть сильным и выглядеть привлекательным в глазах противоположного пола все-таки хочется и если у тебя с «баблом» туго, то иди в дешевый спортзал. Пролив ведро пота и потратив миллион килокалорий, ты приобретешь вполне презентабельную телесность, закалишь характер и укрепишь волю. И если любовь королевы все равно будет недоступна для тебя, — ее можно только купить, примеров хватает — то внимание нормальных женщин тебе обеспечено. «Как приятно и легко рассуждать подобным образом, сидя в кресле, — думал Апполинарий, глядя в окно. — И как трудно оторвать задницу от мягкой сидушки!» За стеклом медленно падает снег, крупные снежинки похожи на откормленных бабочек, порхают тяжело и неспешно.

— Накачанные! — иронично усмехается Апполинарий.

Он взглянул на письменный стол. Фигурки римских воинов словно готовятся к атаке — мускулистые руки сжимают копья, панцирь плотно облегает грудь и точно повторяет форму мышц, мускулы ног напряжены. Апполинарий вздохнул — вот бы уколотся чем-нибудь и за пять минут стать таким! Как в кино. Увы, если колоться, таким будешь очень недолго. Потом сдохнешь ...

Придя в спортзал, Апполинарий с удивлением обнаружил, что Кирилла нет. Не было и многих других скинхедов. Зато на тренажере для рук занималась Маша. Девушка так эротично сидела на скамейке, что у Апполинария дыхание перехватило. Маша разводит руки с гантелями в стороны, майка туго натягивается, сквозь тонкую ткань выделяются крупные соски. От разогретого тела исходит аромат женского пота и сладкий запах цветочных духов. Колышев чувствует легкое головокружение.

— Машенька, а где все? — хриплым голосом спросил Апполинарий.

— Перешли в другой зал. Вон там, напротив, — показала она пальчиком в окно.

Стекло наполовину запорошено снегом, да еще вечер на дворе, но Апполинарий понял, о чем идет речь. На другой стороне улицы расположен модный фитнес-центр.

— Там же дорого! — удивился Апполинарий.

— У ребят есть деньги.

— А ты?

— Мне больше нравится здесь, — коротко ответила девушка.

Апполинарий понимающе кивает — фитнес-центр посещают дочери зажиточных горожан, Маша на фоне породистых девиц потеряется. Но вслух произнес:

— Я тоже думаю, что здесь лучше. Проще как-то.

В присутствии девушки усталость и лень словно испаряются, Апполинарий «рвет» веса, мышцы ноют и просят пощады, пот льется ручьями. Полтора часа пролетают словно десять минут. В полном изнеможении Колышев опускается на лавку. Сердце выламывает ребра, тело будто вибрирует. Кажется, что вот-вот наступит такая усталость, что с ног свалишься, но нет! Мышцы наливаются странной энергией, хочется прыгать, бегать, делать что-то такое ребяческое. Да-с, гормоны!

— Машенька, не уходи без меня, — просит Апполинарий. — Я сейчас быстренько в душ, а потом провожу тебя.

Девушка удивленно и лукаво смотрит на Колышева:

— Неужели правда?

— С Новым Годом не получилось, не моя вина, но сегодня нам никто не помешает.

Апполинарий проснулся, когда за окном еще непроглядная мгла зимней ночи. Сразу ощутил тепло женского тела, непривычный запах духов. Рука высунулась из-под одеяла, пальцы сжали кнопку выключателя. Вспыхнул приглушенный свет торшера. Апполинарий видит гриву спутанных волос на подушке, розовое ушко смешно выглядывает из спутанных локонов, слышится тихое сопение. Осторожно, чтобы не разбудить, выползает из-под одеяла. В комнате прохладно, в полуоткрытую форточку нагло лезет воздух зимней улицы и хватает ледяными лапами голое тело. Апполинарий спохватывается — он без трусов, кошмар! Впрочем, мельком взглянув в зеркало, успокаивается. Ежедневные издевательства ... э-э... занятия в тренажерном зале дело сделали — пропала старческая дряблость груди, мышцы наполнились упругой силой, куда-то делся отвислый живот, а вместо него нарисовалась «стиральная доска» прямоугольных мускулов. «Нет, ниче! — самодовольно подумал Апполинарий, — теперь стыдиться нечего. Можно и гольшом перед дамой показаться, не стыдно. Как там у Маяковского? Нет лучше одежды, чем бронза мускулов и свежесть кожи? Ну, до «бронзы» далековато... или в солярий сходить? И вот здесь надо добавить ... а животик подтянуть». Становится перед зеркалом, принимает разные позы вроде культуриста на подиуме и рассуждает сам с собой, совершенно забыв о девушке в постели. Она тем временем проснулась и с теперь интересом рассматривает обнаженного мужчину.

— Апполон Бельведерский! — хихикнула она.

— Да, я Апполон, — ничуть не смутившись согласился Апполинарий. — Ты бы видела меня раньше — я имею в виду без одежды. Тихий ужас!

— Ты читал лекции в одежде. Мы спешим куданибудь?

— Нет. Мне на вторую пару. А тебе?

— Тоже.

— Э-э ... тогда?

— Давай!

Примерно через сорок минут они сидят на кухне. На столе две чашки кофе, в тарелке

горкой возвышается печенье. Девушка закутана в халат. Он слишком велик, рукава закатаны едва ли не до половины. Апполинарий горделиво восседает с обнаженным торсом, из одежды только спортивные штаны.

— Мы не опоздаем? — спрашивает Маша.

— Нет. Закажу такси и доберемся до института за десять минут, — небрежно отмахивается Апполинарий. — Расскажи о себе, — просит он.

— Ну, родилась-училась, потом снова пошла учиться, — улыбнулась девушка.

— Да, содержательно, — кивнул Кольшев. — А как ты познакомилась с компанией Кирилла?

— Случайно. Получилось почти как у тебя. Они спасли меня.

— ?

— Ты как-то спрашивал меня, откуда шрам на шее. Ну, если кратко, то ... в общем, на рынке меня обманул продавец из «усатых». Я возмутилась, он облаял меня, а потом схватил за одежду и потащил в палатку. Я отбивалась, звала на помощь. Покупатели, наши, поотворачивали морды или ушли. Да и что с баб взять? И с мужиков с тележками. А продавцы вокруг все земляки этого козла. Дралась как могла, рожу разодрала когтями. Он отмахнулся ножом — вот таким! — развела руки девушка почти на полметра, — шею здесь вот зацепил. Кровищи полилось! Испугался урод, давай выталкивать меня на улицу. По голове ударил. Очнулась в больничной палате. Пришел какой-то парень — это был Кирилл, принес яблок, цветы. Рассказал, что нашел меня возле рынка, всю в крови, принес в травмпункт, оттуда в больницу. Ну, я рассказала все ему как было. Он разозлился сильно, аж руки задрожали и ушел. А вечером в новостях показали, как рынок горел. Кстати, те придурки, что на меня напали тогда ... ну, в аудитории ... ты их кислотой ошпарил! ... тоже из базарных, я их морды потом разглядела.

Девушка отхлебнула горячего кофе.

— Понимаешь, Кирилл оказался единственным человеком, который реально защитил меня. Обращаться к ментам бесполезно, они все куплены-перекуплены. Особенно те, что возле рынка ошиваются. И свидетелей нет. Грызуны не станут друг на друга показывать. А наши боятся.

Маша пьет кофе. Видно, как у нее дрожит рука, на глазах блестят слезы. «Ну да, спасение утопающих, дело рук самих утопающих, — подумал Кольшев. — И у меня почти также. Вот так и становятся ... «патриотами». А куда деваться?»

— У меня тоже, — вздохнул Апполинарий. — Такой же сценарий. Странно, я никогда не слышал, чтобы русские так вели себя в их республиках. Во всяком случае, не читал. Конечно, гонора хватает — как же, титульная нация! — но все же об откровенном хамстве не слышал. Наверно, потому, что русские трудятся в производстве, а не за прилавком стоят. Почему все азиаты торгаши или разбойники, а?

— Ты меня спрашиваешь? — улыбнулась сквозь слезы Маша.

— Так, риторически... тебе не кажется, что Кирилл излишне жесток?

— А они по-другому не понимают. У них мозги устроены, как у животных. Признают только силу, — сердито ответила девушка.

Слезы высохли, черты лица затвердели.

— Да, ты права. Люди, выросшие в жестоких и стесненных условиях, оценивают окружающих по одному единственному критерию: слаб или силен. Других показателей не существует. Как у древних спартанцев.

— Куда они делись?

— Кто? — не понял Апполинарий.

— Ну, спартанцы эти!

— Вымерли. Или были завоеваны более умными соседями и превратились в простых греков.

— Вот и эти должны вымереть!

Апполинарий вздохнул, покрутил головой:

— Наверно, ты права. Мир огромными шагами идет к единству. Процесс объединения наций продолжается. Когда-то и русских не было, по лесам шныряли племена кривичей, дряговичей, по берегам рек селились берендеи. С тех пор народу прибавилось, семь миллиардов землю топчут! А планета все такая же. Войны становятся недоступной роскошью, настолько все взаимосвязано. Если раньше на преступность можно было смотреть сквозь пальцы, других проблем хватало, то теперь уголовники и террористы главная угроза и полиции всех стран объединяются. Конечно, не все так просто, но процесс идет! И народы, не желающие подчиняться общепринятым правилам, будут уничтожены, как были уничтожены германские и славянские племена. Теперь это немцы и русские.

— Секс стимулирует мыслительную деятельность? — хихикнула Маша.

— Э-э ... да, ничто не отвлекает. Что ты делаешь вечером?

— О, какой ты!

— Какой?

— Быстрый. Утром, вечером ...

— Мыслительный процесс, дорогая, стимулирует секс, — произнес Апполинарий, внимательно глядя в глаза девушке.

Маша преувеличенно плотно запахивает халат, сворачивается в калачик.

— Только не сейчас! — притворно пугается она.

— Разумеется, дорогая! — снисходительно говорит Апполинарий. — Мне пора на работу. Но к вечеру я буду в лучшей форме и ...

— Проспект Мира, 34, 62, код 190, - с улыбкой отвечает Маша.

— Что?

— Это мой адрес.

— А почему не у меня? Тебе что-то не понравилось? — шутливо обиделся Апполинарий.

Девушка скорчила смешную рожицу.

— У тебя слишком ... ну, по-холостячки. И халат такой, что в нем утонуть можно. Лучше приходи ко мне.

Апполинарий огляделся: квартира действительно не выглядит «уютным гнездышком» на стульях висит одежда, у входа навалена обувь, письменный стол заложен бумагами, ящики до половины выдвинуты, торчат «ослиные уши» бумаг. А пылицы кругом!

— Да, надо убраться, — вздохнул Апполинарий. — Некогда, понимаешь ли! Но все же давай вечером у меня.

— Боже, как ты меня утомил! Никогда не думала, что мужчины твоего возраста способны на такое, — удивленно шепчет девушка.

— Ну, многое зависит от источника вдохновения, — чуть смущенно бормочет в ответ Апполинарий.

Честно говоря, он устал до ломоты в пояснице, но не признаваться же в этом женщине! Колышев незаметно переводит дух, рука поправляет подушку. Взгляд скользит по смятой простыне, останавливается на девушке. Маша лежит в такой позе, словно свалилась ничком со второго этажа: немигающие глаза смотрят в потолок, лицо напоминает восковую маску, под глазами обозначились темные круги, грудь и плечи покрыты бисеринками пота. Апполинарию захотелось стереть капельки с груди, он сделал движение, но Маша предостерегающе поднимает руку:

— Даже не думай об этом! Вход закрыт до завтрашнего дня.

— Ты о чем? — удивился Колышев.

— Знаешь, Поль — можно так тебя называть? Апполинарий слишком длинно ... так вот, я слышала о сильных мужчинах, но мне такой не попадался. Ты не сильный. Ты — утомительный. Конечно, в хорошем смысле. Ты буквально выпил меня, все соки вытянул, я уже не знала, что делать, а тебе все мало. С ума можно сойти! Ты что-то употребляешь?

— Это не я, это он, — скромно потупил глазки Колышев, кивая вниз.

— Не прикидывайся! — преувеличенно строго сказала Маша. — И отвечай на вопрос!

— Ну, насколько я знаю, настоящих препаратов по увеличению потенции нет. А те, что рекламируются, имеют такие побочные эффекты, что после употребления не захочешь ничего и никого. Но, если честно, есть одно народное средство, — с ноткой самодовольства ответил Апполинарий.

— Какое?

— Дорогая, у мужчины тоже могут быть свои маленькие секреты.

Говоря это, он закидывает руки за голову и сильно напрягает грудные мышцы — типа потягивается!

— Подлец! Думаешь, если накачал мышцы, так можно издеваться над бедной девушкой? — притворно надула губы Маша.

— Ну, насчет бедности явное преувеличение! Твоей хате можно только позавидовать.

— Это от родителей, они купили себе в другом районе, — возразила девушка. — Моего здесь почти ничего.

— А фигура? Вот это? — Апполинарий обеими руками рисует в воздухе гитару.

— Это тоже они, — хитренько улыбается Маша и проводит ладонями по бедрам.

Колышев чувствует, как его «достоинство» поднимает голову. Маша тоже замечает это и возмущенно говорит:

— Вот, опять! И как ни в чем ни бывало! Признавайся, негодяй, чем колешься!?

Апполинарий снисходительно вздыхает, ладонь скользит по плоскому животу вниз.

— Колешься? Фи, это моветон, мадам!

— Задушу, гад! — бросается на него Маша.

Апполон ловко хватает девушку в объятия и в ту же секунду оказывается сверху.

— Пока ты будешь меня душить, я тебя трижды изнасилую, — шепчет он в ухо и делает первое движение.

— Ох ... Поль, ну расскажи! — просит девушка, но голос радостно слабеет и Апполинарий твердо заявляет:

— Не сейчас!

Было далеко за полночь, когда Апполинарий проводил Машу до такси и вернулся домой. В огромном зеркале прихожей отразилась усталая, но по-мужски довольная

физиономия — не оплошал! Теперь, когда главная задача выполнена, можно заняться и текущими делами, а именно: поразмыслить на досуге о преходящем и суетном.

Ночь замерла в предчувствии кончины, окна в доме напротив превращаются в черные порталы, наступает мистическая тишина, что бывает только перед рассветом. Апполинарий выключает комп. Глаза по-вампиридски красные, веки щиплет, словно в лицо швырнули горсть мелкой пыли, «пикчура» плывет. Чтобы избавиться от неприятного ощущения Апполинарий крепко зажмуривается. Сидит неподвижно целую минуту. Когда в висках заломило, чуть расслабился и просто сидит с закрытыми глазами. В комнате все равно темно...

Почему так? Почему нация, объективно находящаяся на более низкой ступени развития, стремится если не уничтожить, то подчинить другую, более развитую? Общественный инстинкт самосохранения? Или простая, как силикатный кирпич, зависть? Разве не было такого у нас в школе, когда завидовали и недолюбливали отличников. Особенно, если он в очках и в чистой рубашке. А девочки-отличницы, всегда аккуратно одетые и скромные? Отвязные и незакомплексованные красавицы школьного разлива успехами в учебе, мягко говоря, не отличаются. Но всем хочется сидеть в первом ряду. А учиться, то есть, по образному выражению Льва Троцкого на пятом съезде РКСМ, грызть гранит науки, способен не каждый. Сила воли необходима, характер. Именно это и есть у тех самых презренных очкариков и тоскливых отличниц, а у «крутых» одна видимость. Пустые они, никчемные. В глубине души сознают, что именно так и есть. Потому наглые, агрессивные, по дешевому остроумные. Они ведь не совсем дураки, двоечники эти, прекрасно понимают, что пройдет время и сегодняшние зануды отличники станут высокооплачиваемыми специалистами, топ менеджерами и владельцами компаний. А они, «крутые», в лучшем случае их охранниками. Ну, примерно так... Абыдно, да?

Ну и что? Кто виноват в таком положении дел, ведь изначально все были в равных условиях. Вывод однозначен — сами! Если ты ленив, жаден и глуп, то останешься таким навсегда. Если только не одумаешься и не попытаешься изменить себя. Но таких — один на тысячу. Остальные хотят, чтобы менялись окружающие, а самим остаться прежними двуногими скотами. Вот и появляются в наших городах тупые и агрессивные дураки с национальных окраин, которые хотят все сразу, даром, да чтоб не напрягаться. Но, как известно из школьного курса физики, действие равно противодействию. Тупых агрессоров полным-полно и среди наших пролетариев. Начинаются конфликты. Потери несут обе стороны, но победа все же остается за коренными жителями, потому что власть на местах и милиция укомплектована ими. Эмигранты всегда проигрывают, выживают, вернее, приживаются, только те, у кого есть образование, профессия и культура. То есть, те же отличники. Кстати, немало их служит в милиции, в паспортных столах, в отделах по распределению жилой площади. Увы, общество предпочитает умных и начитанных, а не накачанных и тупых. Нет, такие тоже нужны. Подметать улицы, убирать мусор, ложить кирпичи и т. д.

Апполинарий на мгновение отвлекается от рассуждений. «А если накачанный и умный? Как я? — думает он. — Как там Аристотель говорил: в человеке все должно быть прекрасно — тело, ум, душа. Или это Архимед? Вот блин, не помню! А в интернете искать полный облом».

Прекрасные телом и душой люди — это идеал. Далек и недостижимый, как Полярная звезда.

В чем причина расовых конфликтов? Вторжение чужих. Они проникают к нам под видом торговцев. Вначале немного, несколько человек. Если жизнь хреновая, исчезают. Если хорошо, к ним присоединяются родственники, знакомые и далее по всей цепочке. Если не оказывать сопротивления, переселение пойдет в массовом порядке. Далее следуют бюрократические процедуры оформления гражданства, затем участие в выборах местной законодательной и исполнительной власти, проникновение в правоохранительные органы. Чужие распространяются, словно гангрена, никакие уговоры и увещания на них не действуют. Через несколько лет дети и внуки иммигрантов уже являются урожденными местными жителями. **НО ВЕДЬ ОНИ ВСЕ РАВНО ЧУЖИЕ, ИБО РОЖДАЮТСЯ И ЖИВУТ В ОГРАНИЧЕННОМ И ИЗОЛИРОВАННОМ МИРКЕ СОБСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ!!!** З совершенно логично следует завершающий шаг — создание собственного государства и полное изгнание — это еще хорошо, а могут и просто вырезать! — коренного населения. Примеры? Пожалуйста! Сербский край Косово. Лучше всех о косовской проблеме, которая вполне может повториться и у нас, сказал писатель Юрий Никитин. В начале девяностых годов прошлого века он писал:

«Косово — это святыня южных славян. Самые главные битвы за независимость происходили в Косово. То же самое, что для нас Новгородская область, где впервые высадился Рюрик и где Александр Невский держал оборону против шведов и немецких крестоносцев. Но вот представьте себе, что в Новгородскую область приехали, скажем, узбеки или таджики. Немного, семей с десяток. А так как для них русская система «айн киндер» неприемлема, они, по своим обычаям, обзаводятся дюжиной детей, те, в свою очередь, дают дюжину, и вот уже лет через полсотни или чуть больше, то есть при жизни одного поколения, таджики становятся большинством населения Новгородской области. Они не только выбирают без всяких нарушений законов и подтасовок таджиков в губернаторы и все органы власти, но и начинают требовать полной автономии, а то и вовсе отделения от России. И все это честно, в соответствии с законами, составленными прекраснотуповатыми юристами. Абсурд? Но точно такая ситуация в Косово. Албанцы, у которых в семье детей столько же, как и у их единоверцев таджиков, стали доминировать в Косово и вытеснять местных славян, а теперь еще и потребовали отделения этого края». («На темной стороне», Москва, Изд. «Центрполиграф», 2000 г. Стр. 246) Воспользовавшись близорукой национальной политикой югославских властей, албанцы заселили косовскую землю. Процесс длился несколько десятилетий, закончился войной и полным изгнанием сербов. В драку, как всегда, влезли трижды проклятые американцы и теперь в центре Балкан словно гнойный нарыв, торчит военная база США как гарант нового status quo и интересов американцев на Балканах.

А С ЧЕГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ? С ТРЕБОВАНИЯ СОБЛЮДАТЬ НЕВИННОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА! КОГДА ДЕМОКРАТИЮ ДОВОДЯТ ДО АБСУРДА — ПО СКУДОУМИЮ ИЛИ — ЧАЩЕ! — УМЫШЛЕННО, ОНА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В САМОЕ ОПАСНОЕ ОРУЖИЕ В УМЕЛЫХ РУКАХ.

Пример номер два: Германия. Немецкое законодательство устроено таким образом, что возможна массовая эмиграция турок. Именно турецкие граждане толпами прут в немецкие земли — другим почему-то нельзя! — плодятся с бешеной скоростью и вот уже несколько

миллионов немецких турок топчут Германию. Кстати, немецким языком владеют единицы, остальные ни бельмеса. А зачем? Они живут изолированными общинами, по своим законам и обычаям. Их главная задача — увеличение рождаемости. И турки с ней отлично справляются, чего нельзя сказать о немцах. У них рождаемость с каждым годом падает, население сокращается. Германская нация вымирает. Простая арифметика показывает, что уже через несколько десятилетий половина Германии станет турецкой провинцией. Или туркоговорящей Германией. А что, ведь есть англоязычный мир! США, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия. Кто доказал, что не появится тюркоговорящий мир?

И еще. Кто доказал, что не произойдет другой процесс — исламизация! Или африканизация. Дело в том, что падение рождаемости фиксируется по всему Западу, зато Африка демонстрирует рекордные темпы «секса с последствиями». Увы, не хотят рожать француженки, немки, испанки и бельгийки. Европейцы хотят жить для себя, а дети ... это столько хлопот, себя надо так ограничивать почти во всем. Куда лучше веселиться в ночных клубах, кататься по курортам и развлекаться, развлекаться... А чужих в европейских городах тем временем все больше! Чернокожий француз так же обычен на улицах Парижа или Марселя, как выходец из Алжира и Ближнего Востока. А вот количество «дефюнесов» и «дартаньянов» катастрофически падает! Исламские организации в Европе открыто требуют, чтобы строили мечети, формируют собственные общественные организации, которые быстро оформляются в политические партии и уже участвуют в выборах. Эти люди открыто стремятся к власти, не скрывая при этом главной цели — полной исламизации Европы. Дело дошло до того, что хотят возвести мечеть возле уничтоженных мусульманскими негодьями башен торгового центра в Нью-Йорке. Неслыханная подлость и надругательство над памятью убитых! Разумеется, об этом исламофашисты не говорят, нет. С обезоруживающей улыбкой инициатор данного святотатства сообщает, что эта мечеть будет символизировать новый ислам, мирный и пушистый, дабы отвлечь молодежь от террористических исламских организаций. Конечно! Еще бы он по-другому сказал! Только вот откуда берутся эти самые террористические организации? Именно при мусульманских духовных центрах и плодятся кружки, школы и общества по изучению наследия Мухаммада, выпускники которых потом становятся шахидами и убийцами. Ну нет в мире никакого тайного центра террористов, из которого по всему миру расползаются враги рода человеческого, нету! Нашли бы давно!

Пример номер три: Израиль. Да, евреи сионисты, фашисты, националисты и вообще гады хитровыделанные. Потому что УМНЫЕ! Говорите что угодно, мажьте любым дерьмом — евреям на вас глубоко наплевать. У этого народа тысячелетняя история, он ровесник древних египтян, римляне годятся ему в правнуки, он умеет выживать в любых условиях. Нет такого слова, которое не может быть фамилией или именем еврея. Им все равно, как называться, лишь бы не трогали. На пустом месте — ну, арабы там бегали по пескам, они не в счет! — создали маленькую такую супердержаву с ядерным оружием и мощной экономикой — ну ладно, за счет Европы и с помощью США, но ведь важен результат! — и теперь весь мир вынужден считаться с еврейским государством. Да, они шовинисты. Не еврею в Израиле делать нечего. Разве что водителем мусоровоза работать. Зато чистокровному жиду открыты все дороги. Мало того, если кто-то где-то, даже за тридевять земель, посмеет что-то вякнуть против евреев или — упаси Боже! — усомниться в холокосте, вони будет на весь мир. А то и вовсе экономические санкции объявят. Не Израиль, конечно, он все-таки мелочь пузатая, а суперпуперцентр вселенной Соединенные Штаты Америки. Потому что отцами основателями США были сплошь евреи и еврейское

лобби в этой стране имеет очень сильное влияние. По сути, евреи управляют этим миром. Пусть не прямо, косвенно и не совсем буквально, но влияние еврейской нации чувствуется везде, в любом уголке земного шара. Вот что такое национализм, возведенный в искусство! Это вам не мелочь по карманам тырить, то бишь брить затылки, бродить по улицам, выкрикивая глупые лозунги и нападать вдесятером на одинокого, замордованного жизнью таджика.

«Ну и что из всего этого следует? — вяло подумал Апполинарий. — Израиль был создан потому, что «великая еврейская мечта» прочно засела в жидовских головах. Для них Родина — это Бог. Они пойдут на все, причем в буквальном смысле, ради своей страны. Например, развязать третью мировую войну. И плевать, что три четверти человечества погибнет — они все равно нас за людей не считают! — зато евреи выживут. Затрахают своих баб и возродят великий Израиль!» С улицы доносится истошный вопль, нестройный квартет мужских голосов немзыкально орет: «Камбат, батяня, камбат...». Апполинарий дышит на окно, но ожидаемого мутного пятна не получается. Стеклопакет, мать его! Лоб упирается в прохладное и чистое стекло, взгляд проникает сквозь ночной сумрак. По тротуару перемещается клубок человеческих тел. Именно из него раздаются крики про «батяню» и «камбата». «Господи! — мысленно закричал Апполинарий. — Ктонибудь хоть раз видел компанию упившихся мусульман, орущих на всю улицу «Аллах акбар», блюющих и срущих, где попало? Или ораву пьяных в жопу евреев? А наши-то сплошь и рядом! Что ж это за вера такая православная, что все разрешает и ни за что не карает? А морды-то какие у «батьюшек»! Поросят можно бить! А животы? А жопы нажрали какие? Это что, постом и молитвой что ли? Где немощные телом и сильные духом? Сволочь в рясах!» Внезапно и резко, словно приступ зубной боли, звонит телефон.

— Какого х...я!? — злобно бормочет Апполинарий.

Пальцы сжимают трубку, словно горло гадюки.

— Да!

— Добрый вечер, Апполинарий Петрович. Как поживаете? — слышится голос Пятницкого.

— Вашими заботами, — неприязненно буркнул Апполинарий.

— Какой тон. Я вас чем-то расстроил?

— Нет, просто ... так вот.

— А-а, под горячую руку ... бывает. Значит, все в порядке у вас? Только вот нервишки шалют на бытовой почве. Бывает-бывает ... а вот у меня неприятности посерьезнее, Апполинарий Петрович и по вашей вине.

— Не понимаю вас.

— Выходите на улицу, расскажу. Я у подъезда.

Разговор обрывается, трубка прерывисто гудит.

— Урод! Что за хамская манера разговаривать с людьми? Хозяином себя возомнил, мусор поганый! — ругается вслух Апполинарий.

Железная дверь подъезда хлопает за спиной, словно крышка мусорного бака. Знакомый «форд» мышинового цвета прижимается брюхом к ледяному насту. Приглашающе мигает свет фар, но Апполинарию почему-то кажется, что это предупреждение об опасности. В низу живота появляется тянущее чувство, ноги начинают дрожать, мышцы становятся ватными. Так бывало раньше перед дракой, это результат избыточного адреналина в крови, но он уже

давно научился управлять своими страхами. Во всяком случае, так считал. Распахивается дверь, теплый салон «форда» встречает запахом искусственно кожи, табачного дыма и — Апполинарий не верящее втянул воздух! — коньяка. Пятницкий пьян и за рулем? Не может быть! Впрочем, он мент, ему все можно. Пятницкий молча затягивается сигаретой. Красный огонек шустро бежит по белому цилиндрику, все сжигая на своем пути, превращая табак в никотиновый дым. Апполинарий демонстративно жмет кнопку открывания окна, стекло послушно уползает внутрь двери.

— Ну и какие же неприятности у вас по моей вине, господин капитан? — спрашивает Апполинарий.

— Я повышен в звании. Подполковник, — хриплым от выпивки голосом отвечает Пятницкий.

Окурок летит в снег, красный огонек медленно гаснет.

— Ага, — кивает Апполинарий, — шутка юмора такая, да? Насчет неприятностей.

— Знаете, Кольшев, офицерские погоны пришиваются к мундиру нитками. Это довольно трудоемкий процесс, но вот сорвать их можно за секунду. С мясом. А бывает, что и с головой.

— Я на ваши погоны не претендую. Я вообще не на какие погоны не претендую. И мундир мне ваш не нужен, — скривился Апполинарий.

Пятницкий помолчал. Чувствовалось, что ему очень хочется кое-что сказать, а, возможно, и дать по голове сидящему рядом человеку, но... он делает глубокий вдох-выдох и говорит почти спокойно:

— Мы с вами заключили соглашение. Вы обязались руководить бандой скинхедов. Так?

— Так. Мало крови? По моему, вполне достаточно. Вы сами говорили, что иноверцы поутихли.

— Верно. Но, предлагая вам сотрудничество — а у нас с вами именно сотрудничество, я ведь обязался покрывать ваши дела, — я предупредил вас, что операции проводить только по моему указанию. Нельзя убивать всех подряд, черт бы вас побрал с вашими качками, Кольшев! — голос Пятницкого срывается на крик.

— О чем вы, Валерий Петрович? — брезгливо поинтересовался Апполинарий. — Вашему начальству стало жалко убиенного Мурада? Так свято место пусто не бывает, кресло водочного короля уже не вакантно. Наверняка какой-нибудь ментовский генерал запаса уселся в кресло. Или вам обидно, что вас в компанию не взяли?

Пятницкий снова замолчал, потом в руке появляется сигарета, вспыхивает огонек зажигалки и дымное облако опять заполняет салон «форда».

— Ошибаешься, Колун. Моя компания, как ты выразился, повыше будет. Водочные генералы станут в зубах деньги приносить. Но это потом. А пока есть ты, недоумок и твои тупорылые качки-скинхеды.

— Слушай ты, ублюдок легавый, я тебе не «барабанщик» и не стукач за полтысячи в месяц! Я... — возмущенно начал было Апполинарий.

— ... идейный борец с несправедливостью, да? — перебивает его Пятницкий. — Душа болит за Родину и все такое. Нет, Колун, ты самая настоящая «шкура», которую натягивают на «барабан», чтобы он громче стучал. Каждый твой шаг зафиксирован, мне известно о тебе все — что ешь, где бываешь, с кем спишь. Все!

Апполинарий даже задохнулся от ярости, рука непроизвольно сунулась к поясу.

— Это зря, — спокойно произнес Пятницкий. — Убивать ты умеешь, но в данном

случае это глупо. Досье на тебя я в кармане не ношу, о нашей встрече известно моему шефу и вообще — беседа наша пишется и в режиме реального времени транслируется ... куда надо. Вот так, дорогой Колун!

Апполинарий обмяк, плечи опустились, лицо осунулось.

— Ну да, следовало догадаться самому, — шепчет он.

— Следовало знать с самого начала, — преподавательским голосом поправляет Пятницкий. — Азы оперативной работы!

— И какие ко мне претензии? — упавшим голосом спрашивает Апполинарий.

— Халатно относишься к работе, дорогой. Самоустранился от руководства подчиненными. Ты знаешь, что сегодня ... э-э ... вчера ночью они убили и ограбили одного человека прямо у него дома.

— Нет. Откуда я мог это знать? — растерянно произнес Апполинарий. «Ведь прошлую ночь я провел с Машей», — подумал он. — А что собственно такого? — удивился он вслух. — Одним барыгой меньше.

— Не совсем так. Во-первых, он русский. Во-вторых, он ... ну, в общем, был полезен. Видишь ли, государство не считает правопорядок первоочередной задачей до тех пор, пока уровень преступности не достигает порога, после которого криминал угрожает так называемой национальной безопасности. Проще говоря, пока режут и грабят простых граждан, все тихо. Ну, разве что перед выборами устроят показушные судилища над этими ... как их? А, «оборотнями в погонах»! Или сенатора за жопу возьмут, какого не жалко — мол, перед законом все равны! На этом все. А вот когда бандиты лезут в исполнительную власть, отстреливают высших чиновников, словно бешеных собак, среди бела дня, а уличная преступность зашкаливает, электоральная биомасса волнуется, тогда спохватываются и финансирование идет потоком. Так вот, сегодня с деньгами туговато.

— Бандиты во власти не новость! — фыркнул Колышев. — А сейчас как?

— В допустимых пределах, — дипломатично ответил Пятницкий. — Так вот, убитый гражданин был бизнесменом, который относился к органам правопорядка, скажем так, лояльно.

— То есть регулярно «отстегивал»?

— Именно так. Вдобавок оплачивал поездки на курорты, бесплатно ремонтировал личные тачки и тому подобные мелочи, — затряс головой Пятницкий. — Не надо было его убивать!

— Не надо, — согласился Апполинарий. — Но за это надо платить. Мальчишки врываются в дом, где стены золотом обмазаны. В буквальном смысле! У этого Мурада вместо кафеля ванная обложена золотыми пластинами! А дверь в личный кабинет обклеена купюрами по пятьсот евро и покрыта прозрачным лаком. Каково такое видеть пацанам, которые больше сотни рублей в руках не держали! Скинхеды тоже люди, им жрать хочется три раза в день. И еще кое-что нужно. Одно дело прибить нищего ниггера в подворотне, совсем другое «отovarить» миллионера в собственных апартаментах.

Докуренная сигарета летит в сугроб, Пятницкий лихо сплевывает сквозь зубы в окно.

— Ты прав, не учли. Ладно, на первый раз замнем. Собери своих барбосов и объясни — доходчиво так объясни! — чтоб самостоятельности больше не было. Иначе конец вам всем. Понял, Колун?

— Понял, — кивнул Апполинарий.

— Свободен!

Хлопает дверь, «форд» бодро рычит, колеса прокручиваются на месте от избытка сил. Целое облако снега пополам с грязью вырываются из-под днища автомобиля, пачкая Колышева с ног до головы. «Форд» давно уже скрылся за поворотом, а он продолжает стоять на месте, сторбленный, с понурой головой. По лицу медленно текут грязные ручейки, левый глаз залеплен какой-то дрянью вроде собачьего кала, на зубах скрипит песок. «Апполинарий Петрович Колышев, преподаватель ВУЗа и по совместительству милицейский стукач. Или преподавание совместительство, а стукачество моя основная деятельность? Как незаметно все получилось», — думает он. Стало невыносимо гадко и противно на душе. Если бы сейчас стоял на краю обрыва, то без колебаний шагнул бы вниз. Но обрыва рядом нет, а карабкаться на крышу собственного дома глупо. Вот так, ощущая себя полным ничтожеством и дрянью, и возвращается в квартиру.

Собрать компанию скинхедов удалось только вечером следующего дня. По телевизору заканчивается программа «Время» — наиболее популярное средство для промывания мозгов в нашей стране. Новости подаются тщательно вымытые от ненужных подробностей, интервью отредактированы, речь ведущего выдержана в умеренно оптимистическом тоне. Все чинно, благородно, можно сказать — изящно. Информация порезана дольками, сдобрена соусом комментариев слабой остроты и подается в одно и то же время вот уже несколько десятков лет. Основное блюдо — новости из высших сфер: президент посетил, президент сказал, президент поругал! Дума заседает, депутаты сочиняют законы, верхняя палата утверждает. Правительство работает. Эдакие «письма счастья» для граждан, дабы они видели и знали, что о них помнят, заботятся. Особенно умиляют «прямые включения» из кабинетов СБН — Самых Больших Начальников. Гражданам показывают, как СБН заслушивают доклады, раздают указания, строго спрашивают с нерадивых чиновников. И сразу появляется на душе такое вот спокойствие олимпийское, потому что все в нашей стране хорошо, власть при делах, ВВП растет не по дням, а по часам. Радуют макроэкономические показатели. Только вот волатильность спотового рынка немного беспокоит. Какая-то она вялая! В конце, на закуску следует рассказ об успехах спортсменов. И не важно, что на Олимпийских играх наша сборная плетется ... ну, скажем так чуть дальше середины. Нет, лучше так — наша команда в десятке сильнейших, во! Зато чиновники от спорта, их родственники и знакомые — все в тренировочных костюмах, спортсмены ху...вы! — уверенно держат первые места в мире по уровню затрат на содержание себя, любимых. Но на негативе концентрироваться не стоит. Так, между прочим сказали и ладно.

Апполинарий смотрел новости скорее по привычке, чем из интереса. Мама была старой закалки, слепо верила газетам и новостям, приучала к этому сына. Апполинарий предпочитал Интернет и блоггеров. Именно в сети можно найти правдивую инфу о том или ином событии, не вышелушенную цензурой. Вообще, чем больше у людей средств приема и передачи информации, тем больше правды в этой жизни. Когда-то радио и телефон были чудом, прорывом в информационное будущее. Власть быстро взяла их под контроль. Появились профессиональные лгуны и мерзавцы — журналисты. Они и раньше были, но как-то не очень. Прошлый век стал их временем. Дело дошло до того, что этих негодяев стали называть четвертой властью! (А журналистику — кстати! — второй древнейшей профессией.) Этому приходит конец. И пусть факультеты журналистики ежегодно выпускают тысячи профессиональных собирателей сплетен, лжи и слухов, пусть журналисты рассказывают выдуманные ими самими небылицы о необходимости собственной профессии

— дни этой сволочи сочтены. Обычный человек с телефоном, с планшетом или с чем-то другим, что придумают завтра. случайно оказавшийся в нужном месте в нужное время, расскажет и покажет событие куда интереснее, чем так называемый «профи». А главное — правду!

Пластиковая коробка звонка верещит внезапно и мерзко, словно неведомое животное, угодившее под колесо грузовика. Апполинаруй вздрогнул и в который раз пообещал себе, что сменит гадкую тринделку на нечто более благозвучное. Дверь распаивается, в коридор вваливаются оживленно галдящие скинхеды. Квартира сразу наполняется испарениями дорогого одеколлона, черные куртки источают запах свежей кожи и металлических заклепок, по воздуху плывет алкогольный перегар и дым — несколько парней пыхают сигарами. Среди пришедших Апполинаруй не заметил Марии. «Ну и слава Богу! — подумал он. — Хоть она осталась прежней Машенькой». Толпа парней привычно рассаживается на заранее приготовленные стулья. Лица молодых людей украшает здоровый румянец, глаза блестят, на губах улыбки.

— Как жизнь, Колун? Че грустный, как заяц в половодье? — весело спрашивает кто-то и толпа отвечает довольным гоготом.

— Терпимо, — отмахивается Апполинаруй. — А грустю, что вас давно не видел. Чегс Кира не видно?

— Позже будет. Они с Тропой че-то там мудруют.

— О чем? — насторожился Апполинаруй.

— Да фиг их знает! — отмахнулся парень. — Наверно, новую операцию готовят.

— Да? Хреново. Я как раз об этом и хотел поговорить.

— Так они скоро будут. Тогда и скажешь. А пока вот что... мы вот по дороге спорили про кризис. Каждые свое толкует, но че-то не то. Можешь объяснить, откуда эта хрень берется?

У Апполинаруя брови лезут на лоб.

— А вам зачем? Вы-то с какого бока?

— Ну как же! Бабло тухнет, убытки терпим. Некоторые вложились и тово... ха-ха! ... облажались.

Апполинаруй покрутил головой, хмыкнул — скинхеды, которые еще вчера знали только цены на анаболики, вдруг в одночасье стали финансистами. Чудны дела твои, Господи! Впрочем, нет, Господь ни причем. Стоило только коснуться денег и вчерашние патриоты и борцы с иноверцами превратились в деляг. Слаба оказалась вера!

— Ладно, — пожал плечами Апполинаруй, — слушайте. Что такое финансовый кризис? Поясню на примере. Итак, я — предприниматель. Беру кредит в банке и строю дом. Вы — покупатели квартир. Вы тоже берете кредит в банке и покупаете у меня квартиру. На ваши деньги я отдаю долг банку. Вы зарабатываете и тоже отдаете долги банку. Мы с вами должники. Кажется, что в выигрыше банк, ан нет! Он выдает кредиты тоже из заемных денег. Это: а) клиенты банка, что хранят деньги на счетах, б) заемные средства, полученные в Федеральном банке, в) собственные средства. Значит, вы должны банку, я должен банку, а банк, в свою очередь, должен государству в лице Федерального банка. Получается, в выигрыше государство? Нет, потому что оно тоже должник! По отношению к международным финансовым учреждениям, другим государствам, которые приобрели его ценные бумаги, что есть долговые обязательства, по которым надо платить точно в срок и с процентами. Своим собственным гражданам государство тоже должно, так как пользуется их сбережениями в государственных банках и фондах. Получается, что все должны всем!

Возникает такая долговая вселенная, в которой деньги прирастают процентами, курсы растут, долговые расписки дорожают. На самом деле деньги дешевеют, ибо платежеспособность валюты определяется материальным эквивалентом, а он, этот самый эквивалент, не растет так быстро, как придуманные кем-то проценты. Производство отстает от роста стоимости денег, деловая активность перемещается в сферу спекуляций ценными бумагами, ширится ажиотаж и суета. Так надувается финансовый пузырь. Сверкают рекламные огни — хватайте дешевые кредиты! — покупайте, пока дешево! — живи сегодня! Биржи лихорадит, банки пыжятся от обилия долговых расписок, трансферы и кредитные линии идут оптом и в розницу.

Но вот в один прекрасный день кто-то говорит — я банкрот, мне нечем платить по долгам. И в ужасе закрывает лицо руками. Тот, у кого этот несчастный взял в долг, тоже становится банкротом. В свою очередь, должник должника тоже банкротится, потому что и он брал займы. Начинается цепная реакция неплатежей, нарастает вал банкротств и тогда мыльный пузырь финансового благополучия лопается. С грохотом рушатся банки, останавливаются заводы, замирает деловая жизнь и миллионы оказываются на грани голодной смерти. Государству тоже приходится несладко. Оно, конечно, начинает судорожно печатать ассигнации, но это уже не деньги, а просто крашенная бумага, потому что нет материального обеспечения этих самых денег. Другие государства это знают и отказываются принимать бумагу в уплату за товары или за проценты по государственному долгу. Тогда начинается катастрофа государственного масштаба. Страна банкрот вынуждена распродавать по дешевке заводы, отдавать в концессию разработку залежей полезных ископаемых, иностранцы по дешевке скупают все мало-мальски ценное, а свои собственные граждане уезжают зарубеж в поисках лучшей доли. Когда продавать больше нечего, а дела в стране по-прежнему плохи, тогда отдают последнее — государственный суверенитет в обмен — опять же! — на дешевые кредиты. От страны остается географическое понятие и рисунок на карте, обозначающий район обитания народа такой-то национальности.

Скинхеды слушали молча, не разу не перебив, с самыми серьезными лицами. Едва Апполинарий замолчал, как в прихожей снова заверещал звонок. Дверь оказалась не заперта, в квартиру входят Кир и Тропа.

— Всем привет! — кричит с порога Тропинин. — Как житуха?

Апполинарий поразился той перемене, что произошла с парнишкой. Сирота и детдомовец преобразился — ноги обтянуты черными джинсами, сверкают металлические заклепки и молнии, белые кроссовки «адидас» брызжут разноцветными огоньками светодиодов при каждом шаге, на черной майке корчит рожу красный дракон. Ну и конечно же, черная кожаная куртка с заклепками, шнурками и застежками где надо и не надо. Голову укрывает косынка, расписанная черепами. На руках браслеты, кольца ... Традиционный прикид рокеров, металлистов и прочих «бунтарей». Но еще больше удивил Кирилл. Если раньше он ничем не отличался от остальных скинхедов, то сейчас перед Апполинарием предстал молодой мужчина в темно-сером костюме в тонкую полоску, воротник черной рубашки стянут аккуратным узлом стального цвета галстука, блестят антрацитом черные туфли. Ни дать, ни взять — топ менеджер торгово-промышленной палаты!

— Клево прикинули, чуваки! — только и вымолвил Апполинарий.

— А хрен ли? — ухмыльнулся Тропинин.

Кирилл делает рукой неопределенный жест, типа — так надо, губы трогает сдержанная

улыбка:

— Для дела необходимо. О чем базар?

— Да так, — пожимает плечами Апполинарий. — О мировом кризисе поболтали, с кредитах.

— Сам не беру и другим не советую. Дерьмо полное!

Он по-хозяйски усаживается в кресло, предусмотрительно никем не занятое — вождь! — непринужденно закидывает ногу на ногу. Апполинарий стоит, опираясь локтями на край письменного стола. Один из парней спрашивает:

— Слушай, Колун, тут такой вопрос. Ты как думаешь, что лучше — баксы или евро? Говорят разное, кто как. По телевизору одни брещут, будто загнется скоро Америка, а вместе с ней и доллар ее. Другие базар ведут, что еврозона рассыплется и деньга ихняя не при деле будет. А?

— Устоит и то и другое. Но доллар покрепче будет.

— Почему ты так решил?

— В двух словах не объяснить.

— Валяй в трех! — крикнул кто-то.

— Да, мы не торопимся, — благосклонно кивнул Кирилл.

Что-то насторожило Апполинария, то ли выражение глаз, то ли интонация или еще что-то — он так и не понял, но на всякий случай обошел стол и выдвинул ящик. Сделал вид, что достает бумаги, на самом деле проверил, на месте ли травматический пистолет.

— Дело было так, — начал рассказ Апполинарий. — После окончания Второй Мировой войны лидеры западных государств собрались в захолустном английском городишке по названию Бриджстоун. Основной вопрос — как восстановить разрушенную войной экономику Европы и Японии. Делать это надо было срочно, так восточный блок во главе с СССР ударными темпами восстанавливал народное хозяйство, наращивал средства нападения и защиты. Первое в мире государство рабочих и крестьян не скрывало главной задачи — расширение своего влияния в мире и в конечном счете утвердить социализм повсеместно. Мощь СССР основывалась на рабском труде населения. Западные демократии такого позволить себе не могли. Надо было срочно искать выход из создавшегося положения и его нашли.

Единственной индустриальной державой, не пострадавшая от войны, были США. Мало того, они еще больше увеличили мощь, поставляя вооружения и технику воюющим странам. Американская валюта, доллар, была наиболее надежной и прочной. Согласно классической экономической теории, деньги как универсальный эквивалент стоимости предметов и услуг, обеспечиваются золотом, драгоценными камнями и товарами. Но чем могли обеспечить национальные валюты разоренные войной Германия, Франция, другие страны Европы? Поэтому было решено следующее: золотом и товарами обеспечивается только доллар. Остальные валюты обеспечиваются долларом. То есть курс всех остальных валют привязан к курсу доллара. Американская экономика сильна, устойчива, потому доллар всегда ценен и востребован на финансовом рынке. Разумеется, такое решение означало фактическое подчинение европейских стран Вашингтону, но что им оставалось? Идти на поклон Сталину и становиться рабами коммунистов? Или подчиниться американцам? Последние, по крайней мере, обещали дешевые кредиты, быстрый рост экономики и сохранение демократических свобод. Были подписаны соответствующие договора и новая валютная система, получившая название бриджстоунская, заработала. В Европу и Японию хлынули

дешевые кредиты, появились рабочие места и экономики западных стран восстановились в рекордные сроки. Казалось бы, пора отказываться от доллара как всемирной валюты, однако не тут-то было! Американцам так понравилось печатать деньги, что они ни за что не хотели отказываться от бриджстоунских договоренностей.

Печатать деньги — самый выгодный бизнес в мире! Издержки ничтожны, доходы астрономические. Подумайте сам, вся мировая торговля ведется в долларах. То есть, чтобы немцам купить японский автомобиль, надо, прежде всего, приобрести определенную сумму долларов. Разумеется, американский банк продает доллары дороже, чем он покупает их у ФРС, а немецкие марки берет дешевле, чем они стоят в Германии. Точно так же обстоит дело в Японии, Франции, Испании и любой другой страны. Американцы делают деньги из ничего, причем в мировом масштабе. И речь идет об астрономических суммах! Соединенные Штаты, словно гигантский насос, втягивают в себя потоки денег и товаров со всей планеты. Мало того, они в огромных количествах выпускают акции, то есть долговые бумаги, которые тоже идут нарасхват, ведь американцы выплачивают хорошие проценты именно по той причине, что я описал выше. Очень похоже на финансовую пирамиду с той лишь разницей, что вкладчики все прекрасно понимают, но изо всех сил ее поддерживают. Потому что, если она рухнет, им тоже капздец придет. Именно по этому США стали самой мощной военной и экономической державой современности. Они, по сути, хозяева этого мира и конца их владычеству пока — увы! — не видно. Придумка с евро — одна из попыток избавиться от диктатуры доллара. С европейской валютой не все так гладко и не в последнюю очередь потому, что американцы всячески противятся и мешают. Кроме того, нет единства среди стран Евросоюза, каждый тянет одеяло на себя. А вот североамериканские штаты — это ведь отдельные государства, если кто до сих пор не знает! — демонстрируют завидную сплоченность.

— А мы? — подал кто-то робкий голос.

— В заднице! — мрачно буркнул Кирилл.

— В известном смысле, да, — согласился Апполинарий.

— И какой их этого вывод? Что лучше-то, доллар или евро?

— Вечные ценности, — усмехнулся Апполинарий. — Золото, недвижимость, камешки.

Кирилл глубоко вдохнул полной грудью, сделал мощный выдох.

— Точно! Бумажки и есть бу-ма-жки. Что такое тугрики, а? Кто знает? — неожиданно спросил он.

Скинхеды промолчали, только один неуверенно произносит:

— Эскимосские деньги?

— Ну ... ха-ха! ... почти, если на рожи смотреть, — рассмеялся Кирилл. — Монгольские. На эти самые тугрики в Монголии можно все, что угодно купить, но кому они нужны здесь? Все верно, Колун — золото и земля!

По рядам скинхедов пробежало оживление, завертелись обритые головы, на лицах расцвели улыбки.

— Лекция закончена? — весело крикнул кто-то.

— Нет! Уважаемый профессор собрал нас для чего-то другого. Верно, Колун? Кстати, не угостишь ли чаем, давно сидим. Или ты без Машки не можешь? — с угрозой в голосе спрашивает Кирилл. Скинхеды моментально поутихли, лица напряглись, на некоторых появились глупые ухмылки. Апполинарий понял, что его отношения с девушкой ни для кого не секрет. Странно, почему Кирилл не принимал мер, ведь Маша считалась его девушкой и

так оно и было. Отнять женщину у влиятельного человека — дело чрезвычайно опасное, тем более — у вожака банды скинхедов. Можно поплатиться всем. Апполинарий вздыхает — что делать в такой ситуации? Промямлить — что ты, что ты! — и суетливо броситься на кухню готовить горячее пойло на всю компанию? Глупо, унижительно и неэффективно. Противник почует страх и станет только хуже. Выбежать на улицу с криком — помогите, убивают? Ну да, все так и кинутся спасать здорового дядьку. А уж стыдно-то как! Апполинарий опускает глаза, взгляд на мгновение останавливается на оружии. «Оса» тупо смотрит на мир четырьмя стволами, словно маленькое четырехглазое чудовище. Надо только опустить руку, нажать на спусковой крючок и пули уйдут точно в грудь Кириллу, что небрежно расселся в кресле напротив. Но вряд ли куски пластика пробьют деревянное перекрытие стола да и слишком много вокруг свидетелей.

— Обойдешься без чая и без Маши, — медленно, разделяя каждое слово, произносит Апполинарий.

И наступает тишина. Лица скинхедов белеют, словно вся кровь разом отхлынула вниз и затаилась где-то там, в районе коленок. Кирилл, напротив, нисколько не изменился, хмурый взгляд все так же упирается в лицо Апполинария, выражение глаз не изменилось.

— Я знал, что ты не трус, — спокойно говорит Кирилл. — Кровью брезгуешь, это да. Нс не трус. Ладно, чего хотел?

Уголки губ чуть приподнимаются, отчего выражение лица становится слегка насмешливым, но взгляд все также прицелен, чувствуется угроза. «Отсрочка! Это всего лишь отсрочка, — мелькает мысль. — Он все равно отомстит. Ну и черт с ним»!

— Не знаю, с чего начать. Кир, мы всего лишь хотели очистить город от приезжих чурок и грызунов. Нашелся человек, который нас прикрывал. За это он вправе требовать хоть какой-то дисциплины. А вы начинаете убивать ... э-э ... зачищать город по собственному усмотрению. Но вы должны понимать, что существуют рамки, за которые выходить нельзя.

— Это какие же? — перебил Кирилл. — Те, что твой знакомый мент обозначил?

— Он крыша, понимаешь? Без него нас прихлопнут.

— Да ну? — притворно удивился Кирилл. — Он что, самый главный? Да над каждым ментом есть погоняло. А шишку держит министр. А его мордой об стол водит президент. Разве не так?

Апполинарий почувствовал, что у него вытягивается лицо.

— Так. А ты что, с президентом породнился?

— Ну, куда нам так высоко! Через полгода в городе выборы. Будут нового ГАДа избирать. Один из кандидатов, скажем так, мой знакомый. Вот, визитка!

— Гада?

— Главу администрации. Сокращенно ГАД. Клево звучит, правда?

— Лучше не придумать! — искренне соглашается Апполинарий.

Кирилл жестом фокусника извлекает из кармана бумажный прямоугольник цвета вишневого сиропа. Видна позолота букв и цифр.

— Впечатляет, но кандидат еще не мэр, — качает головой Апполинарий.

— Да, он всего лишь заместитель, — кивает Кирилл. — Но он разделяет наши взгляды и полностью меня поддерживает. Так что передай менту привет и скажи, чтобы не путался под ногами.

— Так и сделаю, — согласился Апполинарий. — Но убийства трудно скрыть, в некоторых случаях и мэр не поможет.

— Верно, — ухмыльнулся Кирилл. — Но его можно списать на других. К примеру, на приезжих. Или на разборки между соперничающими группировками. Или просто тупо закрыть и сдать в архив, так тоже бывает, когда мусора, прокуратура и следственный комитет заодно.

Апполинарий покачал головой.

— Слишком просто.

— А гениальные решения всегда просты, — весело улыбнулся Кирилл. — И ты даже не представляешь, на сколько. Избавляться от чурок необходимо, но кто сказал, что это надо делать тупо, без выдумки? Жар лучше загребать чужими руками.

— Согласен, только где найти столько дураков?

— А их и искать не надо. Бери любого, качай наркотой и он все сделает.

— Подожди, Кирилл... мы же говорили совсем о другом! То есть я хочу сказать, что мы боролись с преступностью, с негодями из иммигрантов, а сейчас речь идет о наемных убийцах, о наркотиках! Откуда все это? — прошептал Апполинарий.

— От верблюда, — буркнул Кирилл. — Стану я тут тебе отчитываться. Твой ментяра захотел на чужом горбу в рай въехать? Не выйдет! Думаешь, я не понимаю, что ему такие, как мы, только на время нужны. А потом ликвидируют где-нибудь в подворотне. Ему звезды на погоны, нам безымянные могилы. Не так, скажешь?

У Апполинария язык не повернулся соврать. Он отводит взгляд, мямлит:

— Ну, конечно, риск есть. Но он тоже искренне ненавидит всех этих крыс!

— Охотно верю. Но человек служивый местом рисковать не станет. Должности, уважение окружающих, власть, деньги наконец! Все же знают, как живет полицейское начальство. А кто я? Кто они? — указал он рукой на притихших скинхедов. — Мелкая разменная монета, пыль придорожная. Пылинкой больше или меньше, велика ли разница? Ну скажи, Колун, разве я не прав?

Апполинарий взмахнул руками:

— Должности, монеты ... ну что вы за люди такие?

— Какие? — крикнул Кирилл. — Пальцем деланные, что ли? Знаешь, в чем разница между тобой и нами? Между твоим ментом и вот, скажем, Тропой? Он из дерьма вылез и в дерьме останется. Да и мы все оттуда! Рождены на окраине жизни, с детства пластмассу с вкусовыми добавками жрали, потому что у родителей не было денег на нормальную еду. А Тропа и вовсе в приюте обитал. Ты знаешь, что такое приют? Зверинец. Люди оттуда с замороженными душами выходят. В никуда. Потому что не нужны никому! У тебя мама и папа был, бабушка с дедушкой. А я вот своего отца только пьяным помню. И бабка моя спину на кирпичном заводе спину ломала, и мать! Да здесь почти все такие. Что нас ждет в этой жизни? Рабский труд на шахте? Или вкалывать на заводе подручным сталевара? А то в армию пойти, солдатскую лямку тянуть в «непобедимой и легендарной». Оно, конечно, всякий труд почетен, только вот ты в сталевары не пошел. И шахтером не стал. Почему? А в армии ты служил?

— Нет.

— А че так?

— Ну, я учился.

— Потому что мама ученая. Тебя, наверно, с трех лет читать дрессировали, память развивали. А вот нас никто не учил, потому и выросли тупыми. Вон у тебя какая квартира! Нет, я ничего не говорю, твои предки не барыги, заработали честным трудом. Ну, а нам-то

что делать? В лачуги возвращаться, что от папенок да маменек остались? Так нету их, лачуг-то. Судебные приставы за родительские долги забрали.

— Ну, хорошо, хорошо! Я все понимаю, — заговорил Апполинарий. — Но почему так необходимо становиться простыми убийцами? Неужели нельзя по-другому?

— А это как? Ну-ка, расскажи.

Апполинарий опускает голову. Действительно, как? Вкалывать всю жизнь за станком? Крутить баранку самосвала? Или кирпичи ложить, выстраивая очередные хоромы бандиту или чиновнику? Да хоть детский сад или дом престарелых, кому это на хрен нужно, с кирпичами-то возиться! И не надо врать про радость от честно заработанного рубля, от выполненного долга и чего-то там еще в том же духе. Бредни это все, выдумки для холопов, чтоб работалось им веселей! Помните советские фильмы? Про свинарку с пастухом, про тракториста и колхозницу, про лесоруба с поварихой и монтажника-высотника со сварщицей? О бескорыстных ментах и геройских пограничниках, о благородных разведчиках и честных журналистах? А о «тяжком» труде чиновника что-нибудь видели? Фильм о трудовых буднях начальника тюрьмы удалось лицезреть? Слезливую мелодраму со счастливым концом из жизни секретаря райкома глядели? Нет! И никогда не увидите, потому что все и так знали, что жизнь их течет ровно и спокойно, как полноводная река. И если взволнуется где гладь зеркальная, то это от того, что поцеловал чиновник недостаточно крепко в место секретное, но всем известное. Произведения в таком жанре называются порнографией. Надо только героев фильма одеть в костюмы, декорации кабинетные подобрать. И таблички на дверях! А вот название придумывать не надо. Оно само просится. Например — блудни секретаря райкома. Ну, это ретро, на любителя антиквариата. Или вот: приключения в администрации района! Завотделом-шалунишка! Зовущая в кабинет или кряхтящая в кабинете. Да не один ли хрен! Напрягите воображение! А вот рабам надо мозги промывать, дабы взор был светел, рука тверда, а помыслы чисты. И думал он, раб этот, только о том, как бы вкалывать побольше, а получать поменьше!

«Всяк человек карабкается на вершину, никто внизу оставаться не желает, — горько думает Апполинарий. — Мальчишки с рабочих окраин не исключение. Выбор невелик — или наверх любой ценой, или на дно, в дурман и белую горячку. А место на вершине уступать никто не хочет. Цепляются изо всех сил. Президент по два срока сидит, потом в депутаты лезет. Или в сенаторы. А лучше в премьер-министры! Хорош или плох, история покажет, ан в работяги не спешит, об ошибках да глупостях не отчитывается. А их немало набирается за два срока! Да что президент, бригадир дворников и тот продавленное кресло не уступает, о кабинете начальника ЖЭКа мечтает. Кто там, Диоклетиан, что ли, оставил римский трон и стал капусту выращивать на острове? И наплевал на власть, на великий Рим. Трон не стоит покоя жизни — его слова. Вроде, еще пара имен в голове крутится, но это так невероятно, что кажется мифом».

— Апполинарий Павлович, вы где? — врывается в сознание ласковый голос Кирилла.

— Что? А-а ... извини, вы задали вопрос, — растерянно улыбается Колышев.

— И ты сразу принялся искать ответ. Во дает! — усмехается Кирилл.

Скинхеды улыбаются, некоторые трясут головами и корчат смешные рожи. Атмосфера разряжается, напряжение спадает. Со спокойной улыбкой Кирилл произносит:

— Не убийцы мы, а чистильщики. Уничтожаем мразь, которая живет благодаря дурацким законам. Да, нам за это платят. И что в этом плохого? А твой мент хоть раз поинтересовался, как мы живем? Ему, кстати, тоже платят за работу по уничтожению

преступности. Ты вот возражал, чтобы мы из дома того чурки что-то взяли. А знаешь, каким грабежом занимаются менты, когда место преступления осматривают? Свидетелей нет, кругом одни трупы, добра всякого — завались! Нет, гарнитуры и газовые плиты вывозить не будут. А пачку долларов из сейфа? А золотишко и камешки? А ноутбук такой, как у тебя? Сунул за пазуху и пошел. Если и обнаружится пропажа родственниками, всегда на убийц списать можно. А нам хозяин отдает нашу долю и не жадничает. Мы вот поработаем на него, он получит и мы при своих интересах останемся. Может, я в Москву поеду, на факультет журналистики поступлю? Остальные тоже учиться пойдут. А что? Скажешь, этого не может быть?

Апполинарий только разводит руками.

— Да я никогда не говорил, что вы должны вечно пребывать в своем нынешнем состоянии. Ваша жизнь в ваших руках, делайте с ней что хотите!

— Вот! — произнес Кирилл, для пущей важности вытянув вверх указательный палец. — Пошли мужики, больше тут делать нечего.

Гремят отодвигаемые стулья, раздается стук кованых каблучков, громко хлопает дверь. В квартире наступает тишина, только запах новеньких кожаных курток еще висит в воздухе, да слабеющий аромат сигар раздражает обоняние некурящего Апполинария. Подходит к двери, рука небрежно накидывает цепочку. Садится за стол. Взгляд падает на раскрытый ящик — пистолет лежит на старой тетрадке, стволы по-прежнему глядят на то место, где несколько минут назад сидел Кирилл. «А ведь он вернется, — подумал Апполинарий. — Обязательно вернется. Кир не из тех людей, что прощают. Тем более женщину. Конечно, найдет другую, тут проблемы нет. Но за прежнюю подружку отомстит. Черт!» Апполинарий вскочил со стула, заходил по комнате. «А как быть с ментом? Это контуженный вызверится на меня, начнет орать. И, чего доброго, пристрелит. А что, я ведь теперь опасный свидетель. У скинхедов появился покровитель, их не тронешь. А я кому нужен? Никому!» — с ужасом подумал Кольшев. «Черт, черт, черт! Что делать-то?» Апполинарий вдруг ясно и четко осознал, что его жизнь не стоит и копейки. Он, дипломированный специалист, преподаватель, кандидат наук и прочее на самом деле является никем, насекомым, которое может раздавить любой. Например, полицейский. Или рядовой член банды скинхедов, даже бомж, которому посулят ящик водки за жизнь Апполинария Кольшева. Бомжа потом найдут умершим от отравления алкоголем и дело закроют. Все! Как просто, мать твою! Медлить нельзя. Апполинарий хватает телефон, палец давит на кнопку вызова так, будто от силы нажатия зависит жизнь. Раздаются короткие гудки вызова, по экрану пляшут чертики. Он сам когда-то поставил эту заставку, прикольной показалась. Теперь зловещей.

— Ну где же ты! — нетерпеливо бормочет Апполинарий, с раздражением глядя на плоскую коробочку телефона. Набирал номер Маши еще пять раз, но ответа так и не дождался.

Зимняя ночь встречает холодной поземкой, перестуком ветвей и гробовой тишиной. «Как на кладбище! — мелькает мысль. — Черт, ну что за сравнения в голову лезут!» Впечатление погоста усиливает новостройка, та самая, где сожгли вагончик с гастарбайтерами. Все почему-то грешат на Апполинария, даже соседи подозрительно косятся в его сторону, но никто вслух не осуждает — достали, блин, эти немытые «гости столицы»! Рваный контур строящейся стены, рахитичная сетка лесов и строительная техника, замершая в готовности хватать, нести и поднимать, тревожат и будоражат

воображение. Ну, насмотрелись голливудских ужастиков из городской жизни! Из переполненного мусорного бака должен вылезти какойнибудь «звездный охотник». Крышка канализационного колодца — это портал в потусторонний мир, вот-вот черепашки мутанты начнут выпрыгивать, а за ними сэнсей говорящая крыса ... зима, холодрыга, какие на хрен крысы с черепашками? Но ведь смотрим же эту бурду с детства, вот мозги и получились набекрень. Сердитый ветер пополам со снегом плюет в лицо комками колючего холода, слезятся глаза и ломит виски, под джинсы забирается стужа и уже «чувствуются» колени. «Какая там улица? Мира, что ли? — мучительно вспоминает Кольшев. — Блин, до нее переться чуть ли не через весь город! Надо взять такси». Задубевшие на холоде пальцы с трудом жмут на кнопки, бодрый женский голос спрашивает, куда прислать тачку. Апполинаруй называет адрес, затем, чертыхаясь и матерясь, перезванивает — вдруг шутка юмора такая, такси ночью вызвать! — и терпеливо ждет. Стужа поднимается по замерзающим ногам все выше и провоцирует известный синдром недержания. Апполинурия всегда интересовала — ну откуда что берется, ведь еще минуту назад не хотелось? Желтую отметину на снегу стирает ветер, словно ластик карандашную закорючку. Апполинаруй сунул замерзающие руки в карманы и тут вдали мелькнул расплывчатый сноп света, сверкнули отражения в окнах, появилось такси. Облепленная снегом лепешка с фарами приветливо распахнула дверь, раздался голос водителя:

— Вы заказывали?

— Да-да, я! — торопливо отозвался Кольшев.

Даже если не он, на улице такой «колотун», что обойдемся без правил приличия! Восхитительно теплое нутро автомобиля проглатывает замерзающего Кольшева, хлопает дверь, отгораживая от свирепого холода и ветра. Сила мотора тянет машину вперед, рессоры ласково покачивают зачоченелый зад Апполинурия, настроение сразу поднимается. Почти счастливый, Кольшев не видит, как зажигаются тусклые подфарники, оживает автомобиль, стоявший возле мусорного бака и приземистая темная тушка иномарки медленно выкруливает следом за таксомотором.

Гадко пищит электронный замок, выкрашенная «веселенькой» серой краской дверь подъезда тяжело распахивается. Разумеется, внутри темно, как у ... да-да, именно у негра в том самом месте. А где же еще? В наших-то светло! Апполинаруй медленно и неуверенно, словно слепой маразматик, поднимается по ступеням. Глупо вытаращенные глаза сканируют тьму, пытаясь узреть лифт, но о его точном местонахождении сообщает нос. Запах мочи и кислой псины говорит о том, что подъемник совсем рядом, но необходимо быть крайне осторожным. «Не хватало поскользнуться на свежем дерьме! — злобно-опасливо думает Апполинаруй. — Скоты, руссишь швайне! Ну, а кто еще, мать вашу? Если в кране нет воды, ее, понятное дело, выпили жида. Но вот ссать в лифте они не станут! И махмуды тоже не будут — грех, ведь Аллах все видит. Черт, ну почему у нас так, через жопу»? Палец давит кнопку вызова, неприветливо лязгают двери, вонючая пасть лифта распахивается. Осторожно, прислушиваясь к ногам — не чавкнет ли? — Апполинаруй входит в кабинку. Запоздало высвечивается тусклая лампочка в потолке и Кольшев с облегчением видит, что пол чист. В смысле, сухой, так что топтаться можно смело. Лифт неторопливо несет его ввысь, затем с содроганием, словно врезался в потолок, останавливается, заплыванные створки уползают в стороны. Сразу от лифта тянется длинный коридор, заставленный колясками, старыми шкафами и коробками из-под телевизоров. В потолке гнусно светится

одна единственная лампочка.

— Мило! — бормочет Апполинарий. — Надеюсь, не коммуналка.

Угрюмый коридор мучительно ползет мимо, словно умирающий червяк, нужная дверь темнеет в самом конце. Деревянный прямоугольник выкрашен половой краской, торчит пластиковый прыщ звонка, замочная скважина похожа на пулевое отверстие.

— Бедная девушка, живет в таких условиях! — бормочет Апполинарий. — Представляю, какими хоромами ей показалась моя хата.

Как известно, кнопки дверных звонков наряду с дверными же ручками являются основными разносчиками инфекций. Памятуя об этом непреложном факте, Апполинарий старается нажать опасную «пипку» самым кончиком ногтя. Глухое жужжание возвещает, что сигнал исправен и дверь должны открыть. Если, конечно, есть кому. Проходят томительные секунды, за дверью раздается металлический лязг, странное клацанье, словно хозяйка квартиры передергивает затвор штурмовой винтовки. Громкий щелчок возвещает, что дверь замок открыт. Деревянная дверь распаивается наружу, Апполинарий вынужден отступить на пару шагов.

— Машенька, ты так ... беспечна ... открываешь... — от удивления Апполинарий теряет дар речи и замолкает с полуоткрытым ртом.

В дверном проеме возвышается плотная фигура Пятницкого. Новоиспеченный подполковник милиции совершенно гол, если не считать «семейных» трусов по колени, на груди блестят капельки воды, влажные волосы зачесаны назад. Явно только что из душа. Левая рука упирается в дверную раму, как бы преграждая путь, правая согнута в локте у пояса, пальцы крепко сжимают рукоять пистолета, ствол направлен в диафрагму Апполинарию.

— Господин Кольшев? Мир тесен и правит им случай! Ну, заходи, — отступает он с прохода.

Апполинарий шагает прямо, автоматически повинувшись фразе, словно пес исполняет команду, бездумно и точно. Краем глаза замечает, что сразу за примитивной деревянной дверью расположена железная, со штыревыми замками и усиленной рамой. Минует короткий холл, оказывается в громадной комнате. Похоже, что снесли перегородки, трех или даже четырехкомнатная квартира превратилась в одну, но большую залу — есть любители простора. Потолок на стыках плит поддерживают колонны с фигурными завитушками наверху. В центре приземистый журнальный столик, кресло, диван с низкой спинкой. Вдоль стены расположился буфет из светлого дуба, за стеклянными дверями искрится хрусталь, фарфор и серебро. У противоположной стены блестит полировкой комод, позолоченные ручки свисают, словно сосульки с крыши. Столешницу украшает ваза, похожая на кувшин, из горлышка торчит пышный букет красных роз. Комната щедро декорирована световым шнуром — красные, зеленые и голубые полосы света подчеркивают лепнину, отражаются в широких зеркалах, делая комнату еще больше и наряднее. Похоже на танцбол в эллинском стиле. Только вот вместо пульта дискжокея просторная кровать на возвышении. В ворохе простыни и одеяла («Шелк! — удивленно отметил про себя Апполинарий») сидит Маша. Темные волосы в беспорядке свисают на обнаженные груди, глаза широко распахнуты, на лице удивление пополам с опасением ... и ни малейших признаков стыда! За спиной слышны шлепающие шаги. Пятницкий молча подходит к плоскому, как обтесанный камень, столику. В стеклянный куб стакана льется коричневая струя коньяка, падает долька лимона

и кусочек льда.

— Правильно, что ли? — бормочет Пятницкий и морщит лоб, словно решает сверхсложную задачу. — А!? — машет рукой, затем поворачивается к Апполинару.

— Выпей. Лучше залпом, — советует он.

Кольшев берет стакан, подносит ко рту. «Клоповный» запах коньяка кривит лицо и приводит в чувство. Аккуратно, двумя пальцами извлекает кружочек лимона, неторопливо разжевывает. Глотает скользкий кусочек льда и ставит стакан на стол.

— Вы же знаете, Валерий Палыч, что я не пью. Не возражаете, если присяду?

И, не дожидаясь ответа, садится в кресло, предварительно сбросив на пол розовый пеньюар, узкие, как бельевая веревка, трусики и черные, в сеточку, чулки. Пятницкий крякнул, выразительно покрутил головой:

— Могучая у вас воля, Апполинарий Павлович. Я бы не выдержал.

— Вы, господин Пятницкий, хоть и в трусах, но с пистолетом. Машка, прикрой титьки и все остальное, будет разговор! Пока дама одевается, поговорим о музыкальных инструментах. Не возражаете? — спокойно говорит Апполинарий.

— ?

— От нее вы все узнавали обо мне и компании скинхедов? Она ваш «барабан»?

— А-а ... да! — кивает Пятницкий.

Садится на диван. Просторные трусы всколыхиваются, будто парашют и опускаются вслед за хозяином. Пятницкий одним глотком осушает стакан, наливает еще. Бутылку держит левой рукой, правая на коленях. Рядом, совсем близко, пистолет. Кольшев откидывается на спинку кресла всем телом, крутит головой.

— Надо же, — усмехается он, — женскому предательству тьма тьмуца лет, еще Ветхий Завет описал и предостерег ... был поражен! Но событие вполне рядовое, ничего выдающегося. Потому спокоен и даже ... хм? ... равнодушен. Мадам Гвоздикова, вы оделись?

Маша молча садится рядом с Пятницким. На ней густо-синий шелковый халат до щиколоток, волосы собраны в пучок, на бледном лице стынет маска раздражения и досады. По воздуху плывет сладковатый запах духов.

— Собственно, чего пришел ... видишь ли, Валериан, переговоры с Киром зашли в тупик, о сотрудничестве он и слышать не желает, его компания тоже. Видимо, им обещаны хорошие дивиденды. Что касается тебя, Маша, то тебе следует опасаться Кирилла. Он, правда, считает меня ... ну, этим ... который ...

— Вот ты и опасайся, — криво улыбается Мария.

— Ага, ага... — кивает Апполинарий. — М-да ... ну, лучше поздно, чем никогда, примите поздравления ... одним словом, совет да любовь, воркуйте дальше, а я пошел.

Он делает попытку встать, но Пятницкий останавливает его короткой командой:

— Сидеть!

— Да пошел ты! — вяло отругивается Апполинарий, но послушно опускается в кресло — черный зрачок пистолета смотрит в грудь.

— Будешь убивать меня здесь, на глазах у свидетеля? А соседи шум услышат?

— Она не свидетель, — усмехнулся Пятницкий. — А соседи будут делать вид, что ничего не слышали. Можешь не сомневаться.

— Не сомневаюсь, — кивает Апполинарий.

Смотрит на девушку. В ее глазах появляется и тут же исчезает смущение, ухоженная

рука поправляет прядь, лицо принимает выскомерно-брезгливое выражение.

— Ладно, — вздыхает Колышев. — От меня что нужно?

— Как что? Сотрудничество! Мы же с тобой договор заключили, ты забыл? — удивился Пятницкий. — А теперь, когда Кирилл неожиданно обрел высокого покровителя, оно особенно необходимо. Я должен знать, что замышляет будущий глава города.

— Какое сотрудничество, Валериан? Кирилл меня на пушечный выстрел теперь не подпустит.

— Ну-ну, время лечит сердечные раны. Неделька, другая — успокоится. Тогда и появишься. Ты человек нужный для него — образован, начитан, проверен в деле. Побурчит и примет.

— Что значит «проверен в деле»? — после короткой паузы переспросил Апполинарий. — Это ты о чем?

— Казнь через повешение квартирных воришек — раз. Сожжение вагончика с гастарбайтерами — два. Наконец, лекции по национальному вопросу есть ни что иное, как пропаганда фашизма, экстремизм и подстрекательство. Это три. Тебе светит пожизненное заключение, дорогой!

Апполинарий побледнел, лицо затвердело, вздулись и опали желваки.

— «Грызуны» убили мою мать. Я не убивал, а мстил!

— Расскажешь это присяжным заседателям, — усмехнулся Пятницкий, — они тебе лет десять скостят. Из жалости.

— К вагончику вообще отношения не имею. А лекции всего лишь информация, полученная из открытых источников и доведенная до слушателей. Никаких призывов к насилию они не содержат. Она ведь наверняка «писала», — кивнул он на девушку, — спрятать диктофон в одежде не проблема.

— Разумеется, все запротоколировано, — согласился Пятницкий. — Но с вагончиком неувязка вышла. Видишь ли Колун, при тщательном осмотре места происшествия обнаружены твои вещи: брюки, куртка, старые кроссовки. Рядом нашли, в мусорном контейнере. Веришь ли, аккуратно мусоровоз подъехал, уже зацепили, пришлось чуть ли не на ходу выхватывать, — с издевкой произнес подполковник. — Ты все добро свое в пакет уложил. Ворох бензином вонял, а внутри полупустая бутылка из-под минеральной воды с остатками самодельного напалма. И твои отпечатки пальцев на ней. Увы, дорогой преподаватель латыни, доказательства неоспоримы!

Апполинарий глубоко вдыхает воздух, пропитанный ароматами женских духов и коньяка, на секунду задерживает дыхание, затем выдыхает сквозь сжатые зубы.

— Тоже она?

— Йес, сэр! Что значит тренированный ум! — ухмыльнулся Пятницкий.

Апполинарий покачал головой:

— А убивал-то кто?

— А ты еще не понял?

Колышев медленно поворачивается к Марии, брови ползут вверх, лицо вытягивается, глаза распахиваются:

— Тоже ты!?

Девушка движением пальцев отбрасывает волосы с шеи, появляется короткая полоска шрама.

— Помнишь, рассказывала? Так вот, я не все рассказала, — раздается хриплый голос. —

Было еще кое-что, о чем даже вспоминать больно, не то что говорить. С тех пор и «чурки», и «грызуны» для меня на одно лицо. Ненавижу их и буду ненавидеть до конца жизни!

— Видишь, Колун, в случае с вагончиком наши интересы — мои и Маши, совпали к обоюдному удовлетворению. Итак, подытожим: крючок крепок, сорваться невозможно, а посему не трепыхайся, иначе угодишь прямиком в тюрьму особого режима на всю оставшуюся жизнь. Разумеется, я понимаю возникшие трудности, но все вместе мы их преодолеем.

Последнюю фразу Пятницкий произнес мягко, почти по-отечески. Даже встал с дивана. В трусах и с пистолетом получилось комически. Апполинарий хмыкнули и отвернулся.

— Э-э ... да, вы правы, надо одеться, — согласился Пятницкий.

Его одежда тоже в беспорядке разбросана по полу. («Эк трахаться припороло-то! — подумал Апполинарий, глядя, как подполковник собирает белье. — На ходу, что ли, драл»?)

— Ты неплохо живешь, оказывается, Машенька, — произнес Апполинарий, обводя взглядом квартиру. — Я думал, у тебя конура коммунальная. Или вообще с предками обитаешь.

— Это не моя квартира, — сухо ответила девушка.

— А чья? — удивился Колышев.

— Служебная блат-хата, — жизнерадостно отозвался Пятницкий. Он как раз надел штаны, пальцы неспешно нащупывают пуговицы на ширинке. — Проще говоря, конспиративная квартира, предназначенная для встреч с агентурой. Такие в обязательном порядке есть у всех спецслужб и МВД тут не исключение. И мебель тут казенная, и все, все, все! Иногда в таких хатах живут молодые опера, пока постоянное жилье не предоставят. Но чаще все-таки используют по прямому назначению. Для Маши сделали исключение — моими хлопотами! — и она тут проживает постоянно.

Апполинарий еще раз оглядел обстановку, преувеличенно внимательно посмотрел на роскошную двуспальную кровать, покачал головой и хмыкнул. Потом долгий взгляд замер на лице девушки.

— Чего вытаращился? — озлилась она.

Быстрым движением достает сигарету, щелкает зажигалка, по комнате плывет запах тлеющего табака. Пятницкий, наконец, застегнул ширинку, блуждающий взгляд останавливается на полотенце, небрежно свисающем со спинки дивана.

— А не умыться ли мне? — бормочет он и направляется в ванную комнату.

Колышев молчит. Маша курит, затягиваясь глубоко, со злостью выдыхая вонючий дым.

— Думаешь, я не знаю, о чем ты думал, когда рассматривал кровать? На обстановку пялился? — внезапно говорит она. — Тебе легко рассуждать, у тебя от рождения все было. А я деревенская, мой отец рыбной ловлей на жизнь зарабатывает, мама из больницы не выходит, с глазами плохо, вообще ослепнуть может. Но насобирали денег, отправили меня в город учиться. Я отличницей была, экзамены сдала хорошо, должны были на бюджетное место зачислить. А взяли другую, не меня. Потому что ее папа большой начальник в налоговой администрации. Она дура, но папа со связями, может помочь отмазаться, когда декан на взятках погорит. Они ведь все берут, тебе ли не знать, препод! Вот и оказалась я со студенческим билетом и без гроша в кармане, потому что все на лечение мамы уходило. Что делать, а!? — почти крикнула девушка.

Колышев не ответил. За годы работы в институте он такое видел не раз. Да, берут детей высокопоставленных родителей на бесплатные бюджетные места. Берут, потому что у

каждого — ректора или декана, вообще тех, от кого зависит успеваемость студента, рыло в пуху. Зарплаты мало, хочется еще. Но зарабатывать наукой или брать дополнительные часы занятий хлопотно и утомительно. Да и денег серьезных не получишь. Куда проще «взять» и зачислить очередного балбеса или крашеную дуру на бюджетное место. Вот и берут деньги с родителей по всей стране, «от Москвы до самых до окраин». И пока существуют вступительные экзамены в ВУЗы, это было, есть и будет.

— На первый курс наскребли, а на второй уже не смогли. Отец сказал так: или зарабатывай сама, или возвращайся домой. Пришлось искать работу, — с тихой яростью произнесла Маша.

При этих словах Апполинарий против воли покраснел. Он вспомнил, как сам частенько пользовался правом преподавателя поставить ту или иную оценку и за какие именно услуги. Что ж, не все берут ассигнациями, некоторые предпочитают борзыми щенками. А от Маши что хотел за передачу?

— Разными делами занималась. Случайно оказалась в компании Кира. Потом с этим познакомилась, — добавила она уже тише, кивая на ванную.

— Да, — деревянным голосом ответил Апполинарий. Он ведь тоже ... «познакомился». Шум воды в ванной комнате стихает, через несколько секунд на пороге появляется Пятницкий — галстук аккуратно завязан крупным узлом, влажные волосы зачесаны назад, на лице играет здоровый румянец. Подполковник подходит к дивану, берет пиджак. Из внутреннего кармана извлекает укороченную кобуру для ношения за поясом, пистолет вмещается до половины, вокруг рукоятки защелкивается застежка и оружие прячется на пояс ближе к спине. Пятницкий продельывает все эти процедуры совершенно спокойно, даже демонстративно, уверенный, что со стороны Кольшева сюрпризов не будет. По крайней мере, сейчас. Пятницкий надевает черный, в синюю клеточку, пиджак, застегивает на все пуговицы, кроме последней. Подполковник садится на край, спину держит прямо, подбородок слегка выдвинут, взгляд тверд.

— Итак, заканчиваем разговор, Апполинарий Павлович, даме пора спать. Что же нам придумать такое, чтобы Кирилл принял вас в компанию? Мало того, стал доверять? — задумчиво произнес он. — Идеи есть?

— Да что тут думать-то! — фыркнул Кольшев. — Нужна подачка. Сдайте какого-нибудь барыгу с другим цветом кожи.

— Блестяще! — воскликнул Пятницкий и восхищенно покрутил головой. — Что значит ученый человек! М-да, придется принести в жертву барана пожирнее.

Подполковник смолк, мысленно прикидывая, кого отдать на заклятие. Кандидатов, судя по краткости раздумья, было немного.

— Есть один. На рынке набирают силу китайцы. Уже пытаются контролировать, перехватывают платежи. Дней этак через десять придет пора собирать дань с торговцев. Попозже я дам тебе подробную информацию, а пока в общих чертах: приходишь к Кириллу и заводишь разговор о том, что, мол, не по мужски из-за бабы — извини, Машенька! — ссориться, тем более, что появился очередной супостат заморский, который русских торгашей угнетает. А дальше выдаешь инфу — где, когда и сколько бабла можно огрести, раздавив гада в назидание другим. Усекаешь, Колун?

— Доходит, — уклончиво ответил Апполинарий.

— Для верности, косоглазого замочишь сам, лично. Понял? Иначе настоящего доверия в глазах этих волков не заслужить.

— Да, — кивнул Кольшев, глядя в пол.
А что, можно отказаться?

Пластиковая коробочка звонка внезапно оживает, раздается пронзительная трель.

— Что за черт? — удивленно произносит Пятницкий.

Апполинарий вздрагивает, смущается, губы кривятся в улыбке — у девицы обширная клиентура? Не сговариваясь, мужчины смотрят на дверь, затем взгляды останавливаются на лице Марии. Та плотнее запахивает халат, широко раскрытые глаза полны удивления:

— Понятия не имею, кто это может быть!

— Ну так, спроси! — хмурится Пятницкий.

Мария послушно подходит к двери, приоткрывает железную створку, нерешительно спрашивает:

— Кто там?

— Телеграмма вам, женщина! Срочная! — раздается сварливый бабий голос из-за дощатой перегородки с ручкой.

Мария пожимает плечами, оборачивается к мужчинам:

— Может, с мамой что? Она у меня больная.

Лицо на глазах белеет, пальцы вздрагивают.

— Телеграмма во втором часу ночи, — недовольно бормочет Пятницкий.

Он поднимается с дивана, знаком показывает девушке, чтобы отошла в сторону. Мария послушно возвращается в комнату, диван бесшумно прогибается под весом тела. Мария опять без нужды поправляет синий халат, запахивает поплотнее, хотя в квартире тепло. Пятницкий подходит к двери, замок издает резкий щелчок, словно сработала мышеловка, дверь открывается и в ту же секунду раздается оглушительный грохот. На пол в комнате выплескивается кровавая жижа и клочья ткани черной ткани. Подполковника с силой отбрасывает в коридор, но он цепляется обеими руками за стены и чудом удерживается на ногах. По инерции продолжает пятиться, слабеющее тело вываливается из коридора, затем ноги подгибаются в коленях и Пятницкий падает навзничь прямо в комнату, где сидят Апполинарий и Мария. После оглушительного хлопка стоит тяжелая, почти осязаемая тишина. Апполинарий так и не понял, что произошло. Каким-то странным, словно отдельно от него существующим сознанием он фиксирует громадную дыру в груди подполковника, из которой выливается кровь и что-то еще, серое, вязкое и медлительное, словно вспухающее тесто из второсортной муки. Руки полицейского раскинуты в стороны, словно на кресте, на белом лице стынет выражение крайнего удивления. Раздается неестественно громкий стук подошв, по коридору движутся темные фигуры людей. Почему-то плохо видно, будто через мутное стекло. Апполинарий автоматически проводил ладонью по лицу, на пальцах появляется что-то липкое. Опускает глаза — обе ладони покрыты бурой жидкостью, видны маленькие кусочки белесой плоти, будто он медузу раздавил в кулаке. «Это из тела Пятницкого, его же насквозь пробило!» — понимает Апполинарий и чувствует, как к горлу поднимается тошнота. Брезгливо трет ладони о ткань дивана, поднимает взгляд. Лавина звуков обрушивается водопадом, он слышит и видит целую толпу скинхедов — так показалось в начале, но потом понял, что вошедших всего четверо. Ближе всех стоит Тропа, руки сжимают дробовик с укороченным стволом и пистолетной рукояткой — тот самый, из которого добивали кавказцев в раздавленных ракетовозом мерседесах. Мальчишка улыбается во весь рот, из черной трубы ствола бледной струйкой улетучивается пороховой дым. Рядом

подбоченился Кирилл. Молча, с умным видом, вроде как ученый ботаник, он рассматривает изуродованный труп подполковника, переводит задумчивый взгляд на Кольшева, потом разглядывает Марию. Остальных Апполинарий знал только в лицо, имен не припоминал — у него всегда было туго с памятью на это дело. Снизу, с дивана, фигуры скинхедов кажутся громадными, кожаные куртки типа military делают плечи неестественно широкими. В общем, этикие терминаторы.

— Кто распишется за телеграмму? — раздается противный бабий голос и Апполинарий видит, что это Тропа продолжает дурачиться. Улыбка превращается в ухмылку, показывается узкая полоска неровных зубов.

— Ладно дуру гнать, Тропа! — легонько тычет его в плечо Кирилл. — Парни, поднимите ментовское мясо с пола и уложите на диван. Между ними.

Скинхеды послушно хватают за разбросанные руки труп, волокут по полу. На светлом ламинате остается широкий бурый след. Накачанные пацаны легко забрасывают тело на диван, волна тошнотворного запаха крови и внутренностей окатывает Апполинария с ног до головы. Девушка отворачивается, серое, словно оберточная бумага, лицо вдруг будто стареет — кожа странным образом обвисает, словно произошло мгновенное обезвоживание. Кирилл ногой подвигает кресло, садится напротив. Тропа и остальные скинхеды становятся за спиной, будто свита.

— Ну вот, на ловца и зверь бежит... — усмехается Кирилл. — Хотел возле подъезда тебя завалить, да вот — спасибо Тропе — решил не торопиться. Правильно пацан подсказал! Весь выводок в норе. Да, Машуня, говорили мне, не верил. Оказывается, ты и вправду везде поспела, во всех постелях побывала. Или одной на всех хватило? Ну, так я тут не был, не удостоился. Ну, а ты, чучело, каким местом думал? — обратился он к Апполинарию. — Развесил лопухи, как поздняя свекла, фуфел прибацанный, раскатал мошонку, решил, что все твое? Тьфу на тебя, поц!

Кирилл говорит спокойно, даже лениво, слегка растягивая гласные и покачивая головой. Выражение лица такое, словно он разговаривает с полоумным. И если в начале монолога скинхеды улыбались, то теперь откровенно ржут во все горло.

— О, женщины, вам имя вероломство! — так что ли у классика английской литературы? — с ухмылкой спрашивает Кирилл. — Дальше-то помнишь, «профессор»?

— «Что ж вы думаете, я хуже флейты? Объявите каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя...» Только это, по-моему, вначале, — пожимает плечами Кольшев.

— Вот! — назидательно поднял указательный палец Кирилл. — Эх ты, свисток!

Скинхеды заливаются дружным хохотом, Тропа так и вовсе загибается от смеха. Кирилл, напротив, серьезен и даже не улыбается. Молча протягивает руку за бутылкой, коричневая жидкость льется в стакан, из которого совсем недавно пил покойный Пятницкий. Киру на суеверия наплевать, он опрокидывает посудину как ни в чем ни бывало, выпивает дорогой коньяк, словно минеральную воду, даже не поморщившись. Затем с силой хряскает стаканом по столешнице, лицо деревенеет, взгляд становится ледяным.

— Теперь с тобой, Машка-свиристелка! Его, — кивает на Апполинария, — я бы простил. Дело личное, о вкусах не спорят, а насильно мил не будешь. Но с этим, — кивает он на труп, — дело другое. Тут расчет у тебя был, подлый и точный. На чужом горбу в рай захотела въехать?

Кирилл опять наливает полный стакан, залпом пьет. Мощный выдох гонит волну

коньячной вони по комнате.

— Это можно, в рай! — соглашается он. — Но через чистилище!!! Эй, вы! Сексодром готов, баба тоже. Покажите, на что способны!

Скинхеды срываются с места, словно дрессированные псы. Жесткие пальцы сжимают девушку так, что синий шелк халата трещит по швам. Маша вскидывается, ей удается вырвать руку и мощная оплеуха сотрясает голову одного скинхеда. На лице расцветает красное пятно, но парень только крикает, будто селезень и заворачивает руку за спину. Маша продолжает сопротивляться изо всех сил, ей удается на некоторое время задержать насильников. Слышно, как трещит нежный шелк халата, раздаётся яростное сопение скинхедов и шлепки пощечин. Девушке опять удается освободить руку, взмах и по левой половине лица скинхеда пролезают глубокие кровавые борозды. Насильник невольно дергается и тут же получает ногой в пах. Второй пытается схватить за руки, но получает удар в лицо головой и нос превращается в кровавую лепешку.

— М-да! — качает головой Кирилл, презрительно сплевывает на пол.

— Я помогу, а!? — азартно спрашивает Тропа.

— Втроем одну бабу? Ну, давай, — пожимает плечами Кирилл.

Тропинин кладет дробовик на стол, поближе к жожаку и бросается в «гущу борьбы». Апполинарий отворачивается. Не то, что бы он сочувствовал, нет. В конце концов, девка получает по заслугам. Просто смотреть на такое противно и смешно — скинхеды впопыхах поторопились расстегнуть штаны, кожаные портки сползли до колен и мешают, но пацаны «в пылу битвы» не замечают. Или некогда, девка того и гляди вырвется, морды обоим набьет.

— Не боишься? — тихо спрашивает Кольшев.

— Чего? — удивляется Кирилл. — Этой, как ее ... отвествен ... нет, оветс ... во блин, конина! А хлебаешь, как воду! Не-а, не боюсь. Во-первых, рассказывать некому — ты не в счет, у самого рыло в пуху. Да и вообще! Эта, — мотнул головой в сторону кровати, — тоже сучка та еще, «вышка» по ней рыдает, а не плачет. Во-вторых — вот!

Пьяно улыбаясь, достает из кармана знакомую визитку цвета вишневого сиропа.

— Читайте, завидуйте, я гражданин ... бла, бла, бла, — дурашливо произносит Кирилл и протягивает Апполинарию. — Бери, бери, тебе можно, секретов нет!

Кирилл снова наполняет стакан, бутылка пустеет и он глупо стучит ладонью по доньшку, как будто оттуда должно вылиться еще. Апполинарий невидяще смотрит на визитку, буквы не складываются в слова, цифры какие-то. Опускает взгляд, краем глаза замечает, что ткань дивана до предела пропиталась кровью, коричневое пятно приближается к нему вплотную. Апполинарий брезгливо отодвигает ногу и тут замечает, что из-под полы черного пиджака мертвого Пятницкого торчит рукоять пистолета! Видимо, когда скинхеды стаскивали Машу с дивана, труп сдвинулся и теперь рукоять торчит нагло и вызывающе. Но видно это только ему! Быстро оглядывается — Тропа и остальные скинхеды все еще «воюют» с девушкой уже почти на кровати. Кирилл мрачно наблюдает за «действием», рука лежит на дробовике и палец приник к спусковому крючку. «Вот он, шанс! Не воспользоваться глупо, Кир все равно пристрелит меня, — лихорадочно соображает Апполинарий. — Главное, не промазать, иначе он влупит картечью в упор, как в Пятницкого!» Кольшев задерживает дыхание, будто перед прыжком в воду, правая рука стремительно сдвигается вбок, пальцы обхватывают рукоятку. Рывок, пистолет оказывается на уровне глаз, ствол смотрит точно в лоб Кириллу, указательный палец жмет на курок ... и

ничего не происходит! То есть не происходит выстрела, а вот Кирилл замечает движение, видит направленный в него пистолет. Глаза расширяются, он слегка откидывается на спинку кресла, пальцы сжимают дробовик и огромное, словно пушечное жерло, дуло поворачивается к Апполинару. Еще мгновение и прогремит выстрел, после которого мозги преподавателя латыни разлетятся по всей комнате.

Апполинарий в панике, он не понимает, почему не стреляет пистолет. Курок твердо стоит на месте, не желая сдвигаться ни на миллиметр, хотя Кольшев давит на него изо всех сил. Значит, предохранитель! Но где он? Апполинарий тщетно проводит большим пальцем по ствольной накладке, пытаясь нащупать рычажок, но его нет! Понимая, что обречен, опускает оружие, взгляд беспомощно застывает на бесполезном оружии в руке. Тяжелый пистолет норовит выскользнуть, ладонь непроизвольно сжимается и тут гремит выстрел! Оказывается — это Апполинарий потом узнал! — у этой модели два предохранителя, располагаются на рукоятке и срабатывают, только если плотно обхватить со всех сторон. Пуля бьет прямо в цевье дробовика, ружье отшвыривает прочь и железная крышка патронника врезается Кириллу в переносицу. Пуля рикошетом летит в сторону, с визгом пробивает стекло и исчезает за окном. От грохота выстрела и визга скинхеды замирают на месте, головы поворачиваются, выпученные глаза замирают на изуродованном лице Кира. Апполинарий удивлен происшедшим не меньше, бездумно нажимает курок еще раз. Снова оглушительно звучит выстрел, пуля пробивает голову Кирилла насквозь, проходит через спинку кресла и вдребезги разбивает вазу с букетом роз. Осколки разлетаются по комнате, вода заливает комод, цветы рассыпаются по полу. Все происходит в считанные мгновения, скинхеды растерянно останавливаются. Мария тут же пользуется заминкой, кошкой отпрыгивает на другую сторону кровати и замирает. Остатки растерзанного халата падают на скомканную простыню, девушка остается полностью обнаженной, но это уже никто не обращает внимания. Первым приходит в себя Тропа. Бросается на Кольшева, на ходу срывая с пояса охотничий нож, больше похожий на короткий меч. Замахивается, стальной клинок описывает полукруг, нож вот-вот вырвется из пальцев, устремляясь в цель ... Апполинарий поворачивается навстречу Тропе, в вытянутой руке зажат пистолет. Гремит выстрел, пуля пробивает сердце и мальчишка из сиротского приюта Иван Тропинин мгновенно умирает. Уже мертвое тело валится на пол, охотничий нож кувыркается по запачканному кровью ламинату и останавливается возле ног Кольшева. Лица остальных скинхедов покрываются меловой бледностью, один открывает рот, намереваясь что-то сказать, второй лихорадочно роется в карманах, оттуда сыплются зеленые бумажки с портретом отца-основателя забугорной державы. Черный зрачок пистолета остро глядит на перепуганных парней, но выстрелов нет. Апполинару почему-то совсем не хочется стрелять, хотя еще минуту назад эти люди были готовы убить его по команде вожака. Рука дрогнула, пистолет начинает медленно опускаться. В эту секунду из-за кровати, где притаилась измученная и обозленная женщина, раздается крик:

— Стреляй! Стреляй же!!

Апполинарий бездумно, как автомат, нажимает на спусковой крючок, квартира снова тонет в грохоте выстрелов. Скинхеды падают на пол, словно снопы, тела несколько раз содрогаются в конвульсии и замирают в неподвижности. Мария медленно встает из-за кровати, но пистолет в руке Апполинария поднят, дымящийся ствол смотрит прямо ей в лицо и она замирает.

— Как ты думаешь, почему я не стреляю? — каким-то неживым голосом спрашивает

Колышев.

Мария только трясет головой, не в силах вымолвить слово. В такой момент женщина едва ли думает о красоте, но от движения головы волосы ниспадают с плеч, прикрывая полные груди, изогнутая спина обнажается, видны обводы бедер и ягодиц. Апполинарий видит все это, губы слегка растягиваются в улыбке.

— Ты очень красивая! Но дело не только в этом. Мне расхотелось убивать почему-то. Вот не хочу и все! Даже самых лютых врагов.

— Я не враг, — прошептала девушка.

— Да, ты всего лишь устраиваешься в этой жизни, коверкая судьбы других, — кивнул Колышев. — Наверно, по-другому нельзя. Или все-таки можно?

Его взгляд встречается с глазами девушки.

— Ты живи ... ты красивая... выйдешь замуж, будут красивые дети, — говорит он, в глазах появляется отсутствующее выражение и еще не остывший пистолет поворачивается к голове. Черный ствол приближается к лицу, на мгновение останавливается возле переносицы, затем поднимает выше.

— Нет-нет, Апполинарий, не делай этого, все будет хорошо! — шепотом кричит Маша.

— Я не могу, — качает головой Колышев. — Это ты можешь убивать и тебе нипочем. А я не могу.

Дверь в квартиру с грохотом вываливается в коридор, в комнату врываются люди в черных комбинезонах, головы укрыты глухими шлемами с забралами из бронестекла, могучие торсы покрыты стальной броней.

— Бросить оружие, не двигаться! — ревет страшный бас.

От такого крика Апполинарий невольно вздрагивает и оглядывается. В тоже мгновение чья-то рука в черной кожаной перчатке вырывает пистолет, земная твердь уходит из-под ног и Апполинарий оказывается на полу с руками за спиной. Все происходит за считанные мгновения, Колышев успевает только ошеломленно подумать: «Вот и конец! Конечно, устроили среди ночи бородинское сражение в отдельно взятой квартире. Соседи же не полные идиоты!» Последнее, что слышал, это сердитый голос Маши:

— Это мой друг, он защищал меня от бандитов!

К горлу подступает тошнота от запаха крови, в голове звенят колокольчики, сознание уходит.

Кольшев оказался в следственном изоляторе на следующий день после гибели Пятницкого. Начались аресты остальных скинхедов. Пошли допросы, из столицы приехали лучшие сыщики и мастера «художественного слова», то есть те, кто лучше других умеет спрашивать. Прессовали по полной программе: допросы чередовались с очными ставками, зачитывались статьи Уголовного Кодекса, из которых следовало, что Апполинару до конца жизни не выбраться из тюрьмы. «Следаки» с многолетним стажем живописали кошмары из жизни сибирских колоний, рассказывали о беспределе надзирателей и садизме заключенных. По вечерам показывали фильмы на тюремную тематику. Ради этого даже принесли телевизор в камеру. Апполинурия, как «авторитета», держали в отдельной камере. Бывалые зеки, что сидели «по соседству», дивились и качали головами — такое чрезвычайная редкость! Обычно арестованных держат вместе, по статьям. Все-таки тюрьма не резиновая, постановления о содержании под стражей суды буквально пачками штампуют, за решетку кидают всех подряд. А тут отдельная конура с ящиком! Неспроста! На прогулках зеки пугали Апполинурия, что его хотят убить, а в общей камере этого не сделать. А потом зловещим шепотом рассказывали, как находили «одиночников» повешенными, с перерезанными венами или отравленных. Тюремный врач пишет потом в заключении о смерти, что, мол, сам удушился. Или произошел сердечный приступ. А то и вовсе помер, скушав тарелку перловой каши. Апполинурий слушал, криво улыбался в ответ и отмахивался — да кто он такой? Но в душе поднимались ростки ужаса. Пятницкий работал с ним не по собственной прихоти, за ним стоял высокопоставленный покровитель и начальник, и он знает, что Кольшев знает о том, что он знает. «Да, хороша фраза, слепил из говна конфетку! Явное скудоумие и ограниченность мышления наступила. А еще говорят, что люди книги писали, сидя в тюрьме. Но ведь это в царской тюрьме было возможно, а в нашей выжить бы! — грустно думал Апполинурий, «прохлаждаясь» в карцере после бесед на прогулке. — Кстати, о царских тюрьмах. Эта построена явно во времена Николая I. При советской власти слегка «подмарфетили» и все. Место довольно мрачное и к посещению музы не располагает. Как же тут творили?»

Пару раз за несговорчивость Кольшева отправляли в карцер. Это подвальное помещение размером три на два метра. Высоко, почти в потолке, бледно тлеет круглое окошко, забранное частой решеткой. На кирпичном полу тускло блестит лужица, непонятно откуда просачивается вода. Из бытовых удобств есть следующее: умывальник дачного типа с «соском», каменная сидушка для отправления естественных надобностей с ведром по типу древнеримского сортира, табурет, намертво приваренный к полу и откидные нары на якорных цепях. Сей предмет для сна откидывают на четыре часа, с полуночи. Подушки, матраца и одеяла не положено. А может, и положено, да осужденному об этом знать не положено. «Вот, опять тавтология или как там ее, — грустно усмехнулся Апполинурий. — Хотя чего удивляться, в каменном мешке не до изящной словесности». Баня полагается раз в неделю, арестованных и осужденных водят отдельно, по подземному ходу. Кстати, о бане рассказывали наибольшее количество страшилок сексуального характера. Мол, изнасилуют, едва трусы снимешь. Ничего подобного! Осужденные в большинстве нормальные мужики, «пидоров» презирают и ненавидят, как и все на воле. Не дай Бог, кто-то даже намекнет на «нестандартный контакт»! Физиономию отделают так, что от задницы не отличишь, а саму

«пятую точку» ... в общем, полтора десятка швов на этом месте гарантировано. Мир по другую сторону тюремного забора отличается от нашего, но там живут люди и законы тоже людские.

Пребывание в одиночной камере имеет свои минусы и плюсы. С одной стороны, никто не беспокоит, не пристает с вопросами и разговорами «по душам». С другой — скучно. В начале, дней десять, еще ничего, а потом тоска наваливается неподъемная. И начинается маета. Особенно трудно людям, привыкшим к мыслительной деятельности. Мозг, лишенный постоянного потока информации — как бы это сказать — бунтует. Человеку плохо, он себе места не находит. Да и где его найти в каменном мешке размером с могилу для семейной пары. Чтобы не сойти с ума, Апполинарий стал три раза в день по часу заниматься физкультурой — отжимания от пола на кулаках, приседания на одной ноге поочередно, качание пресса. Сначала было тяжело, с непривычки, потом втянулся. Надзиратели диву давались, заглядывая в окошечко. Сами-то они не очень утруждали себя укреплением мышечной массы, больше штаны просиживали, зачитываясь дешевой фантастикой и детективами. Апполинарий, лишенный литературной жвачки, вынужден был занимать мозг реальными, а не высосанными из пальца проблемами. Серое, тягучее и тяжелое, словно застывающая лава пустое время он заполнял размышлениями.

Вокруг простирается огромная страна. Когда-то она была самой большой в мире. Стала меньше, но все равно масштабы поражают. Гигантские территории практически не заселены. Здесь можно поселить еще миллиард людей и место все равно останется. Русские осваивают эти земли вот уже четыреста лет, если считать от Ермака и все никак не освоят! Нет, границы обустроили, никого не пустим, а в середине что? Богатейшие земли и никого! Почему? На Западе открыто печатают географические карты, на которых обозначена Россия и Сибирь как отдельные земли. То есть Россия до Уральских гор, а дальше ничейная территория. От Урала до Камчатки есть все. В буквально смысле. И даже больше, потому что основная часть территории еще не исследована. Никто толком не знает, сколько золота, металлов, нефти и газа хранится в недрах Сибири и Дальнего Востока. Но догадываются. Поэтому и карты такие рисуют, гады англосаксонские. На земле, в которой есть вся таблица Менделеева, проживает всего-навсего два процента населения! Понятно, что при таком раскладе соседи, живущие не так просторно, будут постоянно пытаться захватить территорию. Есть много способов отнять чужое, в будущем появятся новые возможности для оккупации, им надо противостоять. Пока удастся, а потом? Население Африки растет с ужасающей быстротой, рождаемость в Азии бьет рекорды, а запасы воды и продовольствия не увеличиваются. Избыток населения неизбежно приведет к новым захватническим войнам. Или, что вероятнее, к ползучей оккупации, когда захватчики появляются в виде беженцев, трудовых мигрантов или богатых туристов, что покупают недвижимость. **РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ НАЧИНАЛСЯ С ОДНОЙ ПАРЫ!**

Ну и что делать? Как решить проблему пустующих земель и защититься от чужаков? Да очень просто! Если выразаться примитивно и грубо, то есть понятно для всех, надо трахаться. Всем, все свободное время, без ограничений и табу. Необходимо законодательно запретить производство контрацептивов, разрешить многоженство — или многомужество, а что? — ударными темпами строить детские сады и школы, платить реальные деньги, а не сегодняшние смешные гроши матерям, у которых три и более детей и возвести многодетную семью в культ. Желательно закрепить в Конституции обязанность женщины родить не менее

двух детей по аналогии с всеобщей воинской повинностью. Ну и, разумеется, всячески оберегать женщину вплоть до введения смертной казни за ее убийство. А если она совершила преступление, то не сажать лагерь — нечего ей там делать! — а отправлять в специальный женский изолятор, где она забеременеет и родит. Естественно, предоставить выбор: или от мужчины на ее вкус, или сделать это в банке спермы. Потомство нобелевских лауреатов нам не помешает. Конечно, это примитивно, но по сути верно. Земля освоена, обжита, если на ней трудится человек. Как решалась проблема пустующих земель в прошлом? При царях приказывали переселить крепостных крестьян и все. Именно поэтому на Дальнем Востоке так много людей с украинскими фамилиями, их предков переселили туда с Малороссии. В советское время поступали изощреннее — объявляли всенародную стройку, проводили массированную пропагандистскую кампанию среди молодежи и таким вот образом переселяли людей. Получалось неплохо, но случались и анекдотические случаи. Например, Еврейская автономная область. Ага, кинулись туда евреи! Декабристов и то ближе в ссылку отправили. Наверно, вождь так пошутил.

Процесс переселения начинается тогда, когда скученность людей достигает определенного предела. Критическая масса начинает рассыпаться: взрослые дети хотят жить отдельно от родителей, горожане массово переселяются в пригороды, из перенаселенной страны эмигрируют люди за рубеж в поисках лучшей жизни. ПО-ДРУГОМУ НЕ БЫВАЕТ! общем, не надо изобретать велосипед, а надо исполнять самый древний завет Господа — плодиться и размножаться. Именно это и является главной задачей русских патриотов, националистов, скинхедов, фашистов и ксенофобов всех мастей. Вот это и есть практическая забота о русском народе и о России! Все остальное, по большому счету, вторично и не существенно. А вот интересно, если вправду люди начнут плодиться? На улицах будет много детей, самыми покупаемыми моделями автомобилей станут семейные универсалы, а беременные женщины будут встречаться на каждом шагу. Станный, удивительный мир, в котором самыми востребованными профессиями станут детские врачи, учителя и воспитательницы детских дошкольных учреждений. Нам трудно, почти невозможно представить, что еще сто лет назад в России не было семьи, в которой был только один ребенок. Такого понятия, как многодетная семья не было вообще! Десять, двадцать, двадцать пять — такое количество детишек никого не удивляло. В это невозможно поверить, просто немыслимо — ДВАДЦАТЬ ДЕТЕЙ! В ОДНОЙ СЕМЬЕ!! ПО ВСЕЙ РОССИИ!!! Скол детей было у последнего русского царя? А сколько у нынешнего президента? Да, не пример нам лидер государства, не пример. Среди депутатов и министров тоже не наблюдается желающих помочь Родине не болтовней о демографии, а делом. Наверно, не хватает политической воли. Не денег же?

Современное мировоззрение основано на простенькой, как полено, идее — от жизни надо получать удовольствия. Да, бездумно усложнять житье-бытье не надо. Хорошо, что есть холодильники, посудомоечные машины и турецкие курорты. И пища должна быть вкусной, с солью и приправами. Если питаться салатом из одуванчиков без масла и пшенной кашей на воде, жить не захочется. Но — удивительно! — проживешь долго. А вот если жрать только копченое, соленое и острое, отбросишь копыта к тридцати годам в страшных мучениях. Ведь понятно же, что односторонний лозунг жить ради удовольствия ведет к гибели! Человек, нация, народ, государство, живущее ради удовольствия, обречен на смерть! Когда-то давно ученые нашли так называемый «центр удовольствия» у крыс. Провели эксперимент: к

нервному центру крысы подключили тонюсенький электрод. Если цепь замкнуть, электрический разряд возбуждает активность центр нервной системы, «отвечающий» за удовольствие. Показали, что если нажать на педаль, будет «кайф». И крыса жала, пока не погибла от истощения. Она не хотела есть, пить, спать, полностью отключились два главных инстинкта — самосохранения и размножения. То же самое у людей. Если смысл жизни удовольствие, народ вырождается и погибнет. Могучий Рим пал под натиском варваров, потому что сгнил и разложился изнутри. Но как соединить приятное с полезным? Только один путь — изменить мораль общества. Она и так меняется, эта мораль, но не всегда в нужную сторону, если дело пущено на самотек. Ей надо руководить. А поменять можно как угодно! Например, что такое по современным понятиям групповое изнасилование? Страшное преступление, за которое предусмотрено очень серьезное наказание. А у наших далеких предков это был обязательный предсвадебный ритуал, причем жених участвовал в нем последним! Не верите? Почитайте работу Фридриха Энгельса об истории семьи и брака. Очень полезная работа, основанная исключительно на исторических фактах. Классикам научного коммунизма доверять можно, ввалили только их последователи.

Или другой пример — пресловутое «право первой ночи». Что только не говорили об этом, какие только ужасы не рассказывали. На самом деле первоначально это было не право, а обязанность! Лидером племени, вождем мог быть только самый сильный и умный мужчина. И кому, как не ему оставить после себя самое многочисленное потомство. Но сколько родит одна женщина — десять, двадцать? Половина не выживет. А племя должно расти, укрепляться, ему нужны сотни, тысячи сильных и жизнеспособных детей. Вот поэтому и обязан был вождь брюхатить, как говорили в старину, всех женщин своего племени. И не было это никаким развратом и произволом. Но шло время, жизнь менялась, обязанность превратилось в право и пользовались им по мере необходимости. Потому что коротка была жизнь охотника и воина, а вот племя, народ должен быть! А разве современная женщина от любого мужчины желает иметь ребенка? Нет, она выбирает самого лучшего. Ну, из того, что есть, конечно. А если нет достойного, чтобы стал мужем и отцом, тогда искусственная беременность с помощью банка спермы или просто выберет мужчину, переспит с ним и до свидания. Сколько их вокруг, одиноких матерей? Так что «право первой ночи» живет и — к горькому сожалению! — побеждает. Наш народ стремительно вырождается. Страна пустеет. Если не предпринять решительных мер, нашу землю займут другие. Мало просто платить за каждого ребенка, хотя и это нужно. Все-таки деньги не главное. Сколько вы знаете многодетных миллионеров? Вот то-то! Необходимо менять мораль. Круто, кардинально, не считаясь с воплями и плачем недовольных, такие всегда были, есть и будут. Нужна пропаганда здорового образа жизни, нужен культ семьи и женщины, многодетной матери. Матерей, у которых больше десяти детей, надо награждать орденами, как боевых офицеров. А что, попробуйте десятерых родить! Попробуйте десять раз добровольно стать на грань жизни и смерти! Всякий ли Герой России на такое способен?

Уменьшить пенсионный возраст для многодетных матерей. Дети за них работать станут. Мужчины обязаны быть сильными. Слабак не имеет права на потомство. Пусть дронит на фотографию козы в журнале. А когда надоест, займется физкультурой. Глядишь, через пару лет непрерывных тренировок окрепнет. Тогда журнальчик выкинет и займется любовью с настоящей женщиной. Да чтоб результат был!

Размышления о благе Отечества регулярно прерываются на допросы. Если в начале

следствия собеседники не очень-то утруждали себя соблюдением приличий и даже отпускали зуботычины, то по истечении некоторого времени отношение изменилось. «Злых» следователей сменили «добрые», обращаться начали на «вы», а сами «беседы» стали проводить днем, после обеда. Что особенно поразило Апполинария — следователи были трезвыми! И даже без «выхлопа»! Отчего такие перемены, он догадывался. Телевизор, установленный в камере, спутниковых каналов, понятное дело, не показывал. А вот передачи местной телестудии не прерывались. Разумеется, громкие дела банды скинхедов быстро забылись, у людей и своих проблем хватает, не до чужих. Но все же след в памяти остался, люди не желали повторного наплыва чужих. А они, эти чужие — без кавычек! — поперли в город, словно стая сумасшедших леммингов. Особенно из теплой Азии. Тамошние бандиты и жулики, ставшие президентами, в очередной раз обосрались ... э-э ... проворовались ... нет, это не политкорректно и вообще грубо. Молодая демократия не выдержала испытание суверенитетом, о! Экономика рухнула, жулики-чиновники рванули за границу, нищий народ потянулся в Россию и на волне всеобщего раздражения дело Кольшева приобретало совсем иной вид.

Помнится, несколько лет назад в нашей стране жутко обижались на Европу и Америку за то, что они в НАТО и Евросоюз страны бывшего Варшавского Договора принимают. Ругались, дипломатические скандалы устраивали, грозили ядерными «мощами». Дураки стоеросовые! Радоваться надо было, что избавляют нас от нахлебников, от шушеры жадной и неблагодарной. Прибалтика, страны восточной Европы всегда были «свитой». Нашей, германской, французской, австро-венгерской и черт его знает еще чьей. Ну, ушли от нас прибалты в НАТО, в Европейский союз, крошки с барского стола подбирают. И хорошо! Молдаване хотят румынами стать. Ради Бога! Грузия — оху...ть, блин! — в Джорджии записывается. Да полосатый флаг вам в задницу! И все остальные пусть валят хоть в Австралийский союз, хоть в Ассоциацию стран Карибского моря, овощ на них! Вам когданибудь приходилось жить в коммунальной квартире с бедными, глупыми, многодетными и завистливыми родственниками из деревни? Нет? Вам несказанно повезло в этой жизни. Россия страна самодостаточная, любые наши союзники превращаются в нахлебников, в содержанок. А вот мы никогда ни в какой очереди не стояли! К нам лезут со всех сторон, не мы. Если наше правительство строит военную базу где-то за пределами страны, так это мера самозащиты. Как древнерусские князья ставили заставы в Диком Поле для защиты от набегов нищих степняков. Да-да, нищих и жадных! Запад кичится высоким уровнем потребления, но это ненадолго. Эпоха процветания коротка, ресурсы истощены, сырье привозное, питаются ГМОй, нормальная еда стоит бешеных денег. А тут еще бывшие колонии ежегодно вбрасывают сотни тысяч немытых нелегалов, всякие там румыны с болгарамилезут. Перспективы очень грустные. Обнищание населения не за горами. И где спасение? Естественно, в России, мать вашу европейскую! Лесов, полей и рек до хрена, народу мало. Полезных ископаемых — вся таблица Менделеева. Лучшие в мире пахотные земли — тоже у нас, в Белгородской области. А тут еще потепление вроде бы должно произойти, уровень океана повысится. Американцы не зря тратят сотни миллиардов долларов на флот. Понимают ковбой долбаные, что грядет великое переселение народов, попрутся толпы оборванцев и звезднополосатую родину придется защищать. Ну, а нам, как всегда, достанется самое трудное — отмахиваться от братьев меньших и недалеких — СНГ, Восточная Европа и всех остальных, кого не возьмут в Америку. Попросту говоря, от голытьбы. Хреновый юмор заключается в том, что история повторяется. Наивные, как

слабоумные дети, политики считают, что их надуманные конструкции вечны, что на земле наступило царство политкорректности и солнце всходит не на востоке, а на западе, где-то на окраине Вашингтона. Или ... ха-ха! ... на заднем дворе президентской дачи в ближнем Подмосковье. Обделаетесь!

САМЫЕ КРОВАВЫЕ ВОЙНЫ ВПЕРЕДИ!

То ли уровень преступности повысился, то ли руководство тюрьмы решило уплотнить заключенных, только появился у Кольшева сосед. Однажды в камеру внесли двух ярусную кровать. Следом за ней вошел пожилой зек с интеллигентными манерами и внешностью. «Удивительно знакомое лицо. Где-то я этого парня видел? — размышляет Апполинарий. — Или похож на кого?» Но никто из знакомых Кольшева не обладал такой странной внешностью. На ум приходила только одна украинская певичка, прославившаяся тем, что дико спела дикие танцы. Или дико станцевала дикие песни. На Евровидении. Апполинарий случайно увидел фрагмент выступления и был поражен сходством эстрадной дивы с зеленомордым мультяшным героем. Сестра близнец!

«Точно, Шрек! Надо уши вытянуть и скрутить в трубочку, а физиономию зеленкой намазать. Вылитая лягушка мутант Шрек!» — думал Апполинарий, глядя, как новичок застилает кровать на втором ярусе. «Шрека» звали Игорем Парфеньевичем, фамилия Стремиллов. При знакомстве осужденные спрашивают, по какой статье сидишь. Это своего рода визитная карточка. То, что Стремиллов не вор, не грабитель, а получил срок за экстремизм, Апполинария не удивило. Статистика преступности в нашей стране меняется довольно быстро. Еще в начале прошлого века «политических» сидельцев было немного, буквально капля в уголовном море. Ближе к середине века осужденных за «политику» и прочих «врагов народа» было уже процентов восемьдесят. (Хороший показатель отношения народа к большевикам!) Во второй половине двадцатого века статистика пошла на убыль, сегодня таких почти нет, а если есть, то сидят по уголовным статьям. А вот количество осужденных за националистические преступления растет. Кстати, при царях такого рода преступлений не было вообще по одной простой причине — каждая народность знала свое место. Иначе в многонациональной стране нельзя. Как только отменили ценз оседлости и другие ограничения для нацменьшинств, почти сразу начались массовые репрессии. «Кровавый» царский режим никогда не загонял в ссылку целые народы, не морил голодом собственное население и не объявлял одну отдельную нацию врагом. Да и понятия такого не существовало. Коммунисты думали и поступали иначе. Теперь мы за них расплачиваемся.

Стремиллов был обыкновенным учителем русского языка в небольшом райцентре на юге России. Ничем не выдающийся, совершенно неприметный «препод». Никогда не принимал участия в конкурсах типа «лучший учитель района (области, федерального округа, страны)» с последующим награждением грамотой и торжественным вручением денежной премии. И школа была самая обыкновенная, не лицей. Финансировалась из местного бюджета, иногда крошки перепадали с областного стола. Таких школ в России тысячи. Учителя самые обыкновенные, выпускники звезд с неба не срывают. Все так бы и шло, ни шатко ни валко, если бы в светлую — в смысле, не замутненную благоразумием — голову губернского чиновника из департамента образования не пришла «свежая» и необычайно оригинальная идея: преобразовать простую школу в национальный лицей, в котором будут учиться дети эмигрантов, национальных меньшинств и беженцев, коих в начале двадцать первого века набралось немало на российском юге. Вот на севере нет, на западе маловато, а на юге

избыток. Как и в столице, которую совершенно серьезно собираются переименовать из Белокаменной в Нерезиновую.

Решили чиновники создать этакий плавильный котел в одной отдельно взятой школе по заморскому образцу. Мол, там будет коваться новая общность россиян. Правда, своих детей туда учиться не отправили. Ума хватило. Под благородное дело выделили деньги немалые, оснастили школу транспортом и с нового учебного года начали комплектовать классы по национальному признаку. Русские дети отдельно. Остальных — чеченцы и другие похожие национальности с ближайших гор, тоже объединили в классы. Отпрыски бандитов, переквалифицировавшихся в барыг, т. е. в предпринимателей, плохо разговаривали по-русски, даже подростки читали по складам и писали с ошибками. Многие не знакомы с элементарными нормами гигиены. Зато были по-звериному агрессивны, жестоки и бессердечны. Дети сразу сбились в стаи, начались конфликты, драки. Победители устанавливали свои законы, побежденные жаждут реванша и обращаются за помощью. Разборки с поножовщиной стали обыденностью. Очень скоро школа превратилась в учебный центр по подготовке малолетних бандитов. Русские учителя — в основном женщины — ушли, их место заняли мужчины с внешностью торговцев фруктами, примерно таким же уровнем культуры и амбициями уровня: я хозяин вся страна! Разумеется, родители русских подростков и местные жители протестовали, но чиновники их не слышали. Это неудивительно, ибо известно давным-давно, что толстые пачки зеленых бумажек катастрофически снижают слух и зрение. У лица были богатые спонсоры, которые не только оснастили классы компьютерами, а каждому учителю подарили по автомобилю, но и чиновников обласкали по полной программе. Не забыли местную полицию, прокуратуру и городские власти. Одним словом, довольны были все, кроме этого глупого и недалекого населения, которое само не знает, чего хочет. Одно слово — электорат! Ну как с такими идиотами строить новую российскую демократию?

Учитель русского языка и литературы Стремилев держался дольше всех. Чашу терпения переполнило распоряжение директора школы, согласно которого русский язык объявлялся необязательным для изучения, был приравнен к иностранному и преподавать его можно было только факультативно. Количество учебных часов сокращено в несколько раз, а едва ли не главным предметом стало исламоведение. Разумеется, в рамках культурологии и истории религии! Мало того, директор школы объявил на очередном педсовете, что школа станет жить по законам шариата, которые выше всех остальных, включая Конституцию России. Она, де, несовершенна! Стремилев плюнул и ушел из школы. Возмущенный до предела, он обратился в полицию, в прокуратуру, даже в приемную какого-то депутата от какой-то правящей партии — бесполезно. Обратился в местную газету — результат тот же. Никто из тех, кому по долгу службы или велению профессиональной этики положено заниматься такими делами, не откликнулся на просьбы русского учителя. Что оставалось делать? Стремилев начал писать воззвания от руки и расклеивать на столбах. Успел немного, всего полтора десятка. Уже через пару дней он был арестован. Следователь местного РОВД предъявил обвинение в разжигании национальной розни, экстремизме и попытке свержения существующего государственного строя. Стремилев пытался объяснить свои действия. Его слушали, кивали, некоторые даже сочувствовали. На словах. Потом состоялся суд. На процессе государственный судья заявил буквально следующее: «У русских тоже менталитет такой, что надо порой вешать и убивать таких русских». И указал пальцем на бывшего учителя русского языка и литературы.

— ... и вот я здесь. Проведу тут восемь лет, — сказал Шрек. Он же осужденный за экстремизм Стремиллов.

Кольшев покачал головой.

— Вы когонибудь убивали?

— Нет, что вы! — удивился Стремиллов. — Не умею. Даже в армии не служил — по здоровью, с оружием не знаю, как обращаться.

— И вы, значит, экстремист и террорист? М-да ... а бывшие бандиты служат в милиции, в батальонах «Восток» и «Запад», а главарь даже президентом стал и Героем России. Круто!

— Ну, то другое дело, — с улыбкой произнес осужденный Стремиллов. — Искусство колониальной политики заключается в том, чтобы заставить туземцев убивать друг друга. Это известно с ветхозаветных времен, исторических примеров достаточно. Сложность в том, чтобы найти вождя, готового убивать соплеменников за деньги для своего клана. Метрополии безразлично, чье семя даст всходы, чьи потомки станут доминировать на новых землях. Главное, чтоб были лояльны власти и держали в узде остальных. Параллельно разворачивается массивная пропагандистская компания, в данном случае русификация, постепенное уничтожение традиционного уклада жизни и традиционной культуры предков. Заботливо выращивается новое поколение, для которого кинжалы, кони, бараньи шапки и танцы на цыпочках такая же дурь, как для нас деревянные ложки, лапти и балалайки. Этому место в музеях, в которые водят экскурсии школьников младших классов. Пройдут годы, поколение диких отцов и дедов вымрет, народ разбойников и пастухов превратится в цивилизованное общество культурных людей. Да, звучит цинично и оскорбительно, но увы, такова правда! Совсем недавно — по историческим меркам вчера! — в Европе не было страшнее народа, чем жители швейцарских Альп. Средневековые короли комплектовали свирепыми горцами личную охрану, швейцарская пехота была непобедимой. Разрекламированные Голливудом викинги просто пацаны сопливые рядом со швейцарцами. А кто до сих пор охраняет Папу Римского? А шашечки на фуражках английских полицейских? Это все отголоски того ужаса, что охватывал Европу при одном только упоминании швейцарцев. Даже имя их стало нарицательным. Сейчас Швейцария нейтральная страна, обитель банкиров, часовых дел мастеров и просто очень воспитанных и культурных людей. Невозможно поверить, что их предки были кошмаром для средневековой Европы. Я уверен, что когданибудь и Кавказ станет мирным краем, в котором будут жить хорошие, добрые люди. Знаете, Апполинарий Павлович, для горцев до сих пор святы законы гостеприимства. Если горец дал слово, он выполнит его даже ценой жизни. Нет более страшного преступления, чем предательство. В горцах сохранилась первозданная чистота помыслов, они максималисты во всем. Вспыхивают, как порох. Возможно, поэтому так упорны и жестоки, доверчивы и коварны. Я бы не хотел, чтобы такой народ исчез, растворился среди других.

— Ну, ты блин, даешь! — покрутил головой Кольшев. — О, простите! Вас лишили свободы из-за них, а вы тут о теплых чувствах рассказываете.

— Человек состоит из эмоций и разума. Эмоции кричат — убей, они враги! Разум говорит — прости, ибо не понимают, что творят. Трудно соединить одно с другим. Прощение — великий дар, единицы способны на такое. Мои жалкие попытки, — Стремиллов усмехнулся, махнул рукой, — выглядят глупо, признаю.

— Но вы хотя бы пытаетесь. Я и на такое не способен, — махнул рукой Апполинарий.

— Да, я знаю вашу историю. Раздражение национальными особенностями плюс личное горе равняется национальной ненависти. Вы не один такой. Сколько наших солдат и офицеров, воевавших на Кавказе, ненавидят выходцев оттуда? Десятки тысяч! И переделать их мировоззрение очень трудно. А ведь многие из бывших солдат становятся чиновниками, бизнесменами, журналистами. И свою ненависть к кавказцам они вкладывают — ну, как это сказать ... в дела. Легко провозгласить национальную терпимость, отказаться на словах от расизма. А в реальной жизни?

Стремилов покачал головой, послышался тихий вздох.

— Но ведь надо что-то делать! Нельзя сидеть сложив руки! Если заниматься одной говорильней, мы исчезнем, как нация, в ближайшие тридцать или сорок лет! — восклицает Апполинарий.

— Да, вы правы, — кивает Стремилов. — Но, видите ли в чем дело, примитивными убийствами проблему не решить. Почему горцы эмигрируют в русские города? Из-за нищеты! Они же живут, словно в каменном веке. Только вместо пещер домишки из булыжника. Пасут скот, выращивают на огородах овощи. Все! Больше в горах делать нечего. Но они видят, как живут другие. И если старики машут руками — мол, нам и так хорошо, то молодежь оставаться в пещерах не хочет. Но и в городе молодым людям делать нечего, у них нет профессии, зачастую даже элементарной грамотности. Отсюда и преступность.

— Ну так что теперь, заводы им строить? Университеты открывать? — угрюмо спрашивает Апполинарий. — Было это уже. На заводах работали только русские, институты принимали диких и неграмотных детей пастухов. Учиться не хотели, зато каждый раз хватались за ножи и угрожали преподавателям, что отрежут голову, если им не поставят хорошие оценки. Русские уехали, их места заняли местные. В результате заводы обанкротились, ВУЗы начали выпускать липовых специалистов, которые в конце концов возвращались в родные аулы. Потому что отовсюду их выгоняли! Вы можете мне назвать хотя бы одну научную школу на Кавказе? Вот дзюдоистов и этих ... как они ... ну, уши у них поломаны и носы вбок! В общем, борцы какие-то, вольные или невольные. Спортивные школы есть, чемпионов страны, Европы и мира готовят. Ну и что? Две трети этих самых спортсменов в итоге становятся уголовниками — бандитами и грабителями. Потому что ничего другого, кроме как выламывать руки, не умеют! А кто будет заниматься наукой, производством? Опять русские?

— Так я и говорю, что надо готовить местные кадры, — не очень уверенно отвечает Стремилов.

— Да готовили уже! Толку от них ноль! Я все-таки бывший преподаватель ВУЗа и знаю, о чем говорю. С первой волной беженцев с Кавказа и других республик было много тех, кто работал преподавателями в школах и институтах. Страшные вещи рассказывали, просто мороз по коже! Убивали людей среди бела дня. За квартиры, за должности, даже просто так! Все равно ничего не будет, местная милиция на убийства русских вообще внимания не обращала. Ну, прогнали русских, ладно. Кто пришел на их место? Чурбаны! Натуральные пни с глазами, я нисколько не преувеличиваю. И так было везде на Кавказе. И в республиках этих братских — мать их! — русских отовсюду изгоняли. А думаете, сейчас не так? Да ни один нормальный человек на Кавказ не поедет! Даже простой работяга на заработки! А денег им давать бесполезно, разворуют все и концов не найдешь. Потому что искать станет местная полиция, что бывшими бандитами укомплектована. Ну скажите мне, разве я не

прав?

— Да, все так, — сокрушенно разводит руки Стремиллов. — Тем не менее, процесс адаптации дикарей в цивилизованную жизнь должен продолжаться. И главная роль в этом принадлежит школе. Детей необходимо вовлекать в мировую культуру, прививать общечеловеческие ценности. Взрослых вряд ли удастся переделать, а вот дети — вообще молодежь! — очень восприимчивы ко всему новому. Как вы думаете, Апполинарий, почему именно английский язык стал наиболее популярным?

— Американская пропаганда сделала таким! — пожимает плечами Колышев.

— И это есть, — соглашается Стремиллов. — Нам, кстати, тоже никто не мешает рекламировать русский язык. Но главное не в этом. Английский — это язык передовых технологий. Увы, центр развития цивилизации располагается отнюдь не в России! Сегодня значение языка определяется вовсе не литературой, не искусством в целом, а технологиями. Именно они, технологии, движут жизнь, а все остальное — и искусство в том числе! — к ним приспособливается. Мы можем сколько угодно сочинять романов, писать прекрасные стихи, рисовать картины — русский язык никому от этого не станет интереснее. А вот напишите компьютерную программу, которая перевернет наши представления об информационных технологиях — и все кинутся изучать его! Создайте новую операционную систему, русскую — и наш язык станет необходим другим народам! Что, Апполинарий, я не прав?

Колышев встает с кровати, маленькая камера наполняется звуков шагов.

— Ну, на что замахнулись! Для этого мозги нужны! — взмахивает он руками, словно показывая, какого размера требуются мозги. — Куда проще ругать, поливать грязью, критиковать. Мол, винда говно, вот линукс лучше. Или макось! А придумать свою, от начала до конца русскую операционную систему, никто не может. И насчет литературы вы правы! Сегодня пишут книги все, кому не хрен делать. Раньше от руки царапали — трудно-то как! Потом печатали на машинке. Тоже не сахар! Да и научиться надо. А сегодня комп и ошибки проверит, и удобочитаемость состряпает. В издательство ходить не надо, по почте скинул и все дела. Как здорово рубить «капусту», не отрывая задницы от дивана! Поэтому магазины переполнены книгами, не читает никто. Только, Игорь Парфеньевич, вот что получается. Наши ВУЗы ежегодно выпускают табуны специалистов по информатике. Программистов тоже как нерезанных собак. А толку-то нет! Получается, опять надо Западу кланяться?

— Да. И не только программированию учиться, но автомобилестроению, и энергосберегающим технологиям и многому другому. А куда деваться, если в говне по уши сидим? Ведь и поэтому презирают нас, русских, другие народы. Знаете, Апполинарий, национальная гордость должна основываться на достижениях. Нельзя жить прошлыми заслугами, человеческая память коротка.

— Вы правы. Но это все красивые слова. Депутаты Думы, чиновники всех сортов произносят их каждый день, как молитву. Результата нет! Потому что никто ничего не делает. Просто не знают, как! Дураков-то ведь ох как много, особенно среди чиновников. А сколько кретинов среди сенаторов и депутатов? Жуть!

Апполинарию надоедает ходить из угла в угол. Он садится на привинченный к полу табурет.

— Ну так как же быть с братьями нашими меньшими и убогими? Чем занять руки и какой клизмой прочистить мозги джигитам?

Стремиллов устраивается на кровати поудобнее, на круглом лице появляется улыбка.

— Не хочу казаться самонадеянным, Апполинарий, но способов занять людей делом множество. Самый простой и эффективный известен еще со времен Древнего Египта.

— Вы на что намекаете, Игорь Парфеньевич? На пирамиды что ли?

— На так называемое человекоемкое производство. Пирамиды, каналы, дороги. Сюда же относится освоение целины и крестовые походы. Знаете, мне кажется, что проблема «лишних рук» и «проблемных голов» существовала всегда. Избыток активных бездельников опасен для общества. Вот историки уже несколько веков спорят, для чего строили эти самые пирамиды. Ну да, хоронили фараонов, богов в человеческом обличье. Но зачем такие громадные усыпальницы? Подчеркивать таким способом значение усопшего весьма накладно. Тем не менее, на это шли! Кстати, согласно последним данным ученых, строили пирамиды вовсе не рабы, а свободные египтяне. Невольников использовали только для самой грязной работы. Ну, как у нас гастарбайтеров на стройках. Я не специалист египтолог, исторической наукой интересуюсь мало по причине ее лживости. Просто сопоставляю факты. Так вот, великие стройки, походы и прочие освоения неведомых земель затеваются правителями для — ну, как сказать? — для снижения накала в обществе. В государстве ли, организации, племени или просто в большой компании рано или поздно назревают противоречия. И решить их иначе как «выпуская пар» невозможно! Строительство совершенно бессмысленных пирамид — самый древний из известных нам примеров. Ни до, ни после египтян такой дурью человечество не маялось. Находили способы попроще.

— М-да, оригинальное объяснение великой загадки древнего мира! — качает головой Апполинарий.

— Остальные несколько не умнее!

— Согласен. Но как это применить к нашим баранам? В смысле, к тем, кто с баранами по горам бродит.

— Чем Рузвельт занял безработных американцев во время Великой депрессии? Он приказал строить дороги и смотреть кино. Иными словами, вкалывать до упада и развлекаться. В результате резко снизилась преступность, выросла занятость, страна получила лучшие в мире дороги и мировую фабрику грез — Голливуд. На Кавказе надо делать то же самое — строить дороги и кинотеатры. Следом появятся новые города, производства. А главное — новая культура, в которой не будет места кинжалам, бараньим шапкам и разбойничьей морали.

Апполинарий вздохнул, пальцы поскребли по стриженной макушке.

— Так это когда будет, а пока надо вправлять мозги доступными средствами.

Пальцы сжимаются во внушительный кулак.

Во второй половине дня плановый караул доставил в СИЗО новую партию зеков. Полдюжины малолеток, «пацанов», получивших небольшие сроки за мелкое хулиганство и воровство, идут на первую «ходку». Сажать малолеток рядом с матерыми бандитами не положено, но мест не хватает! Решили временно подержать в отсеке для «солидных». Соседняя с Апполиналием камера сразу наполнилась шумом, хохотом и стуком. Этого делать не положено и надзиратель сделал замечание. В ответ раздалась брань и советы сходить куда подальше. Конфликтовать с осужденными, которых завтра отправляют на этап, никому не хотелось и надзиратель махнул рукой. Однако малолетки сочли такое отношение чуть ли не оскорблением — как же, на них внимания не обращают! Но не биться же головой о железную решетку? Компания мальчишек затянула непристойную песню, что-то там про ментов и правильных пацанов. К удивлению Апполиналия, первым среагировал на такое нарушение один из «вышняков» в соседней камере.

— Начальник, отчего шумер? Почему «зеленка» шумит? — раздался хриплый голос.

— Да заглохни там, чмо позорное! Ты разинешь пасть, когда тебе разрешат, понял? — немедленно раздается ответ из камеры малолеток.

Наступает тишина. То есть отсек продолжает жить своей жизнью, гуляет сквозняк по коридорам, забегая на минутку через полуоткрытые окна, а вот зеки притихли. Все знали, что обижать тех, кто уходит навсегда, нельзя. Не по понятиям. Мало того, за неуважение можно поплатиться жизнью — зековская почта работает быстрее интернета, обидчику не спрятаться даже на другом конце страны, кара все равно настигнет, рано или поздно. Надзиратель покачал головой:

— А вот это ты зря сказал.

В камере малолеток на мгновение стало тихо. Некоторые — самые начитанные! — сообразили, что зря шумят, дело может плохо кончиться. Но остальные взбесились еще больше.

— Да пошел ты на ...! И ты, придурок полосатый, заткни хавало! Ложил я на твое лицо знаешь что? Не знаешь? Тогда высунь рыло в коридор, я тебе покажу, чмо ты уе...!

Контролер нажимает кнопку вызова, в коридоре появляется дежурный помощник, пожилой прапорщик. Он с самого начала видел и слышал, что происходит в отсеке. На стенах, по углам, установлены видеокамеры, микрофоны.

— Так-так, дерзим, юноши? — ласково спрашивает прапорщик.

В ответ послышалась нецензурная брань, смешки и выкрики.

— Ну что ж, спасибо за ценные советы, что куда засунуть, — с улыбкой поблагодарил начальник караула «пацанов».

Он проходит далее по коридору, останавливается возле камеры, в которой содержатся осужденные на пожизненный срок.

— Что посоветуете, граждане осужденные? — спрашивает прапорщик.

— Делай, что хошь, начальник. Лишь бы тихо было, — прозвучал равнодушный голос из камеры.

Избитых до полусмерти малолеток выволакивали в коридор. Самых «борзых» сковывали наручниками следующим образом: обе руки заводят за спину, сгибают осужденного затылком к пяткам и соединяют наручниками ноги и руки. Получается эдакое колесо или, на

жаргоне, «ласточка». Скванный таким образом человек совершенно беспомощен. Его можно бить, оскорблять, испражняться на него — он бессилён помешать. А можно бить по почкам до тех пор, пока истязаемый не начнет мочиться кровью. Много чего можно сделать. «Наказанных» сложили на пол камеры, как поленья и в таком виде они «хранились», пока на следующий день их не забрал плановый караул. Вместе с партией осужденных начальник караула вручил акт, из которого следовало, что осужденные такие-то проявили неповиновение законным требованиям администрации, подбивали остальных осужденных на совершение насильственных действий в отношении должностных лиц, пытались совершить массовый суицид и т. д. Личный состав дежурной смены вынужден был применить физическую силу и спецсредства. Сдача осужденных караулу происходила спокойно. Избитых пацанов волокли по коридору и буквально забрасывали в автозек. Никто из остальных осужденных в отсеке не возмущался и не шумел на «беспредел» конвоя. Опытный прапорщик с многолетним стажем, знал, как надо действовать в критической обстановке. Последним в автомобиль для перевозки осужденных забрался «опасный экстремист и разжигатель национальной розни» Стремилев Игорь Парфеньевич.

Следствие длилось несколько месяцев. За это время настроение следователей изменилось. На Апполинурия «повесили» столько самых опасных статей Уголовного кодекса, что если бы вели статистику преступлений по видам, Кольшев попал бы в местную книгу рекордов Гиннеса. Сломленный морально и физически (следователи не особо утруждали себя психологией и выстраиванием логических цепочек доказательств, чаще полагались на резиновую палку), Апполинурий соглашался со всеми обвинениями, но упорно отказывался что либо подписывать. Это выводило из себя «легалых», они не стеснялись в выражениях и рукоприкладстве, но действовали осторожно — дело получилось громким, у всех на слуху и это связывало руки. В конце концов следователи и прокуроры договорились по всем статьям и дело передали в суд присяжных. Вот тут-то и случилось неожиданное!

Мария Гвоздикова или Маша по «делу» проходила как свидетельница. Ее вызвали в суд на первое же заседание, где она, неожиданно для всех и в первую очередь для прокурора, заявила, что дело Кольшева сфабриковано и в доказательство предъявила суду присяжных аудио и видеозаписи. Судьи, присяжные и все остальные участники процесса были, мягко говоря, удивлены. Оказывается, деятельность банды скинхедов с самого начала контролировалась полицией в лице капитана Пятницкого. Бандиты убивали людей, грабили, полиция все прекрасно знала, но ничего не предпринимала! Мало того, «куратор» банды Пятницкий был даже повышен в звании до подполковника. А Кольшев, которого следствие представило главарем и идеологом местных фашистов, был всего лишь несчастной жертвой Пятницкого. Обманом и шантажом его заставляли совершать преступления и так далее. Шум поднялся большой. Весь город — ну, многие жители! — открыто возмущались действиями «мусоров» и «легалых». Вдобавок, убивали-то скинхеды не местных русских, а приезжих иноверцев и это тоже сыграло роль. Одним словом, симпатии людей и, что очень важно, присяжных были на стороне Кольшева и скинхедов. Когда Апполинурий узнал все это, он был поражен! Коварная — как все бабы! — Машка «писала» не только его, но и своего покровителя Пятницкого. Видимо, понимала, что для мента она всего лишь инструмент для карьерного подъема, придет время и он захочет избавиться от женщины, которая слишком много знает. Так это или нет, Апполинурий не знал. Наверняка, сыграло свою роль то, что

он спас ей жизнь, избавив от Кирилла и его «псов». Одним словом, он лишний раз убедился, какую значительную роль играют женщины в жизни мужчины. После долгих разбирательств присяжные решили, что Апполинарий Кольшев виновен в убийстве трех квартирных воров, но совершил он его в состоянии аффекта под влиянием смерти матери. То есть как бы не убивал, а мстил. Опять же, воры были с Кавказа. Отечественные урки ничем не лучше, но ведь свое дерьмо не пахнет, верно? Кольшев получил шесть лет условно за непреднамеренное убийство. Остальные скинхеды были осуждены на различные сроки, но тоже условные и очень небольшие. Присяжные сочли, что главные исполнители преступлений мертвы, а оставшиеся скинхеды просто мальчишки. Ну, запутались пацаны, бывает! Да и не скинхеды они, а подростки, желающие добра родному городу. Опять же, родители подсустились!

Какое событие оставило самый яркий след в вашей памяти? Всяк ответит по-своему. У кого-то первая любовь, у кого-то последняя. Ветеран вспомнит первый бой. Другой назовет аварию, из которой чудом выбрался целым и невредимым и с тех пор за руль не сядет под страхом смертной казни. Каждая жизнь, даже самая никчемная, состоит из цепочки событий, а яркость впечатлений зависит от того, что мы больше всего ценим. У Кольшева закружилась голова и слезы выступили на глазах, когда судья объявил приговор. Звякнули ключи, негромко щелкнул замок и распахнулась решетчатая дверь клетки, где сидят опасные подсудимые весь процесс. Раздается короткая команда:

— Выходи!

И начальник конвоя делает знак рукой — выметайся, мол, хватит! Голос звучит раздраженно, горло конвоира слегка хрипит, глаза смотрят устало. Но Апполинарию кажется, что голос у хмурого дядьки ангельский, ладошка словно крылышко лебединое, а воздух с той стороны решетки чист и прохладен, как на горной вершине. Удивительное, ошеломляющее чувство обрушившейся свободы буквально распирает грудь, хочется закричать и подпрыгнуть до потолка. Растерянность, горячая благодарность к присяжным и судье, просто радость, что все позади, оглушают и не дают сосредоточиться. Взгляды всех, кто находится в зале суда, прикованы к нему, но Апполинарий не чувствует всеобщего внимания, не замечает его. Он переставляет деревянные ноги, боясь только одного — не упасть бы здесь! А то налетят, поволокут в лазарет! Месяцы, а то и годы, ты лишен свободы, ты отвык от нее, но рушится плотина и поток захлестывает тебя, ты тонешь и захлебываешься ... в свободе. Потом привыкнешь.

Позже Апполинарий пытался вспомнить, как он оказался дома — не выходило. Словно вырезали кусок из памяти. Будто шагнул из зала суда и сразу дома, на диване. Это вот «на диване» продолжалось три дня. Нет, Апполинарий не пил, не пошел «по бабам». Просто сидел дома, даже в магазин не ходил. Вроде приходили соседи, после них на столе остались продукты — хлеб, колбаса, чай и пакет сахара. Этим и питался. А когда окончательно «вернулся», то понял, что жизнь — та, что была раньше, закончена. С кафедры позвонили и приятный, «бархатный» голос декана сообщил, что институт в услугах господина Кольшева не нуждается, место его занято, придите за расчетом и так далее. На столе, возле засохшего кусочка батона, скромно притулилась пачка счетов по квартплате, за свет, воду и газ. На днях принесут еще. Холодильник пуст. В районном центре занятости предложили вакантную должность коменданта в доме престарелых. Или устроиться воспитателем в интернат для детей с ограниченными умственными способностями. Там неплохо платят,

сообщила инспектор полушепотом. А еще персонал питается три раза в день за казенный счет вместе с воспитанниками. Очень хорошее место!

— А больше никуда? — робко поинтересовался Апполинарий.

— Нет, вам по решению суда запрещено занимать должности, связанные с воспитанием подрастающего поколения в течении трех лет.

— Благодарю вас. Я подумаю, — ответил Апполинарий.

— Думайте, гражданин Кольшев. Только не долго, а то вакансии займут. Пособие по безработице мы вам назначить не можем, потому что работа для вас имеется — в других учреждениях подобного типа. Это имейте в виду, — предупредила инспектор.

— Да-да, спасибо! — кивнул Кольшев.

Порог центра занятости засыпан желтыми листьями. Ровные линии кустов лишены зелени, жухлая трава прижимается к стылой земле неопрятными клочьями. Когда-то здесь был детский сад, среди кустов глупо и неприлично светят голубыми и желтыми боками крытые веранды. Бетонные квадраты песочниц напоминают заброшенные колодцы ядерных ракет. По замыслу совковых архитекторов корявые уроды из железобетона должны были радовать детский взгляд, вызывать у малышей горячее чувство благодарности за счастливое детство. А горки для катания из листового железа и арматурных прутьев приводить в неописуемый восторг родителей. С хмурого неба упали редкие капли дождя, ветер небрежно потрянул кусты, вдалеке завывла сирена скорой помощи. Апполинарий провел ладонью по щеке, пальцы царапнула трехдневная щетина. «Черт, надо было побриться перед приходом! — спохватился Апполинарий. — Конечно, приперлась морда уголовная и хочет преподом устроиться в институт. Ты бы еще в лицей для девочек попросился, идиот!» Но бриться было нечем. Последнюю кассету выбросил еще позавчера по причине ее полной непригодности. Шкуру сдирали живьем!

Дома еще раз просмотрел объявления в газетах и журналах, перебрал все предложения. Ничего не подходило. Он вдруг вспомнил, как читал лекции мальчишкам из подвальной качалки, с превосходством в голосе рассказывал о мировом кризисе, о бриджстоунском сговоре. Как принимал экзамены у студентов и студенток, наслаждаясь пусть и временной, но властью над людьми. А еще прикидывал, сколько раз «даст» вон та двоечница за «хорошо» в зачетке. Его рассуждения об отличниках, которые позже становятся топ менеджерами и двоечниками, что подметают полы в кабинетах или кладут кирпичи, выстраивая дачу бывшему однокласснику, неожиданно превращаются в реальность! Очень вероятно, что в недалеком будущем ему, специалисту по древним языкам, придется столкнуться со своими бывшими студентами, когда станет зарабатывать на хлеб каменщиком или плиточником. Придет с бригадой таких же, как и он, работяг в дом и бывший студент укажет объем работ. Небрежно так, со снисходительной вежливостью. А он, Апполинарий Кольшев, будет униженительно торговаться с оплатой. Пока не согласится на все условия хозяина. Потому что в противном случае его выставят за дверь и наймут других, более сговорчивых. Таджикив, например! От таких мыслей едва не стало дурно. Апполинарий вскакивает с кресла, разохшийся паркет мерзко скрипит под ногами, стены просторной комнаты то приближаются, то отдаляются, словно в дурном фильме ужасов. «Ну и что делать? Что!? — мысленно закричал он. — Я уже не говорю о том, что на каменщика надо еще выучиться! Опыта набраться! Куда пойдём учиться, в ПТУ? Или брать частные уроки? Да-а, зашибись»!

Апполинарий валится в кресло, ладони с такой силой сжимают голову, что в ушах

звенит. Блуждающий взгляд останавливается на фигурках из поддельной бронзы. Выражения лиц суровы, короткие мечи покоятся в ножнах, пальцы сжимают рукояти, щиты неподвижны. Маленькая фаланга римских легионеров готова к бою с любым противником. Апполинарий опускает руки, на лице появляется ироничная улыбка — улы, битву с самым страшным врагом проиграли и они. Пали римские легионы, пал великий Рим. Эту битву, главную в жизни, проигрывают все. И люди, и империи. Потому что драться надо с самим собой. Твой главный враг — ты! Парадокс в том, что этого врага нельзя убивать, а мы привыкли воевать именно с таким исходом. Уничтожение врага есть победа. Уничтожение самого себя есть поражение. А потому побеждать надо, не убивая. Самый простой выход из — казалось бы! — безвыходной ситуации — веревка, пуля или распахнутое окно. Но это и есть проигрыш. Убил — значит, сдался. «Да, красивая теория. Как и «подставь левую щеку, если ударили по правой». Только вот никто почему-то так не поступает. А все-таки, что делать? Римским солдатам — и не только римским — проще: не думай, выполняй приказы, солдат спит, служба идет и так далее. Но я-то не солдат! Надо найти выход. Или опуститься на уровень плиточника. А что, вокруг масса людей зарабатывает на жизнь простым трудом. И счастливы! Почему я не могу так?»

Эмоциональное состояние человека в кризисные моменты похоже на синусоиду. Кривая то спешит вверх, то устремляется вниз. Ты впадаешь в отчаяние, потом наступает апатия и ты рассуждаешь почти спокойно о превратностях судьбы. Так же получилось и у Кольшева. Монотонно бормоча под нос что-то там о простых радостях простых людей Апполинарий ходит из угла в угол, взгляд бездумно скользит по знакомой с детства мебели, вещам, в поле зрения то и дело появляются фигурки легионеров, мечи, щиты, копья упираются тупыми концами в полированную поверхность стола ... один из легионеров выронил щит? Вот фигня какая, надо поправить. Апполинарий забывает о проблемах, рука тянется к фигурке воина. Рассеянный взгляд бежит по рядам — все в порядке, щиты на месте. Тогда что? Маленький кусочек картона цвета вишневого сиропа ложится на ладонь. По гладкой поверхности бегут золотые буквы, складываются в слова, набор цифр превращается в телефонный номер. Рядом, в кокетливых скобочках, красуется адрес в интернете. «Топор Сергей Анатольевич. Ну и фамилия! Э-э, так это же тот самый друг и покровитель Кирилла, — подумал Апполинарий. — Так хвастался, мол, все нипочем! Нет, Кирюшенька, ты жестоко ошибся. Еще Суворов говорил, что пуля дура. М-да. Как здесь оказалась визитка? Наверняка я принес, не соседи же! Меня арестовали на следующий день, я вернулся от Машки после предварительного допроса. Еще подписку дал о невыезде. Радовался, дурак, думал — все. Ан нет! С утра забрали и все лето за решеткой провел. Потом суд, вернулся. Пылищи было в хате! Наверно, когда убирал, визитка вывалилась из кармана, я тогда у Машки в куртке был ... черт, ни фига не помню!».

За окном темнеет. Тучи опускаются ниже, литые животы почти касаются крыш высотных домов. Вот-вот небеса разверзнутся, ринутся к земле орды дождевых капель, на лету превращаясь в мельчайшие кристаллы. Ветер вылепит снежинки и белый ковер покроет осеннюю грязь. Поздняя осень, самое мрачное время года, повеселеет, потом улыбнется морозным солнцем зима, закончится год. Апполинарий вертит в пальцах визитку, уголки губ презрительно опущены. «Топор, топор ... а не сходить ли мне к Сергею Анатольевичу? Чиновник и политик, так называемая «элита», общался с вожаком банды скинхедов. Я тоже. Даже другом одно время считал. Возможно, найдем общий язык. И что тогда? А хрен его знает! Во всяком случае, стать мусорщиком или укладчиком асфальта я успею», — решил

Апполинаруий.

Однако попасть на прием к чиновнику такого ранга оказалось не просто. Встретиться иначе не получалось — господин Топор появлялся на улице только для того, чтобы сесть в персональный автомобиль. Пешком «элита» ходит в туалет. Пришлось записаться на прием по личным вопросам и ждать еще неделю, прежде чем Апполинаруий сумел приблизиться «к телу». Кабинет первого заместителя главы города выглядит подчеркнуто просто. Обычная мебель, без мраморных наворотов и дубовых завитушек. Над креслом хозяина портрет президента, на столе моноблок, чернеет клавиатура, аккуратными стопками разложены бумаги. Поскольку мероприятие проводится для простых граждан, хозяин кабинета не восседает в кресле с высокой спинкой, а сидит на простом стуле за столом для «всех». При появлении Апполинаруия Сергей Анатольевич поднимается из-за стола, на лице прорисовывается радушная улыбка.

— Присаживайтесь, — жестом предлагает Топор. — Э-э... — бросает взгляд на лист бумаги, — Апполинаруий Павлович!

— Благодарю, — кивает Кольшев.

Мнение о незнакомом человеке складывается в первое мгновение встречи. Один взгляд, доля секунды — и вы догадываетесь, кто перед вами сидит. Чуть проступает характер, видны привычки, в глазах отражается душа. Но все это смутно, на грани слышимости. Точное знание появляется потом!

— Ну, рассказывайте, как дела, — предлагает чиновник.

Пиджак расстегнут, узел галстука ослаблен, пряди седых волос небрежно свисают на лоб. Общий демократический имидж удачно дополняет серенький костюм, явно пошитый в местном доме быта. Электорат должен «чуфствовать», «осчучать» близость власти! Хотя бы в часы приема по личным вопросам.

— Моя фамилия Кольшев. Некоторое время назад я работал преподавателем древних языков ...

— Минутку! Я вас знаю, — перебивает Топор. — Вы тот самый ... э-э ... Колун, что входил в состав шайки скинхедов. Был довольно громкий процесс. Командовал вами бандит по кличке Кир.

Чиновник облакачивается всей спиной на стул, подбородок приподнимается, взгляд становится холодным и сосредоточенным. Апполинаруий сразу сутулится, взгляд опускается, но откуда-то из глубины поднимается злость. Спина выпрямляется, челюсть надменно выдвигается, так что нижняя губа чуть оттопыривается, голос крепнет.

— Я тоже вас знаю. Вы тот самый неведомый покровитель Кира, что посулил ему индульгенцию от всех грехов. Он хвастался за полчаса до смерти.

Лицо чиновника твердеет, глаза словно покрываются льдом.

— Вас, кажется, оправдали? Ловко вывернулись. Даже от услуг адвоката отказались. Вы случайно не профессор? И что теперь? Шантажировать меня собрались?

Уголки губ приподнимаются, верхняя губа изображает улыбку.

— Чем? Визиткой? — удивился Апполинаруий. — Вот она! — бросает на стол. — Вы могли ее потерять, а Кирилл найти и похвалиться перед знакомыми. Я неплохо знал его; как и всякий выходец из низов, Кирилл страдал комплексом неполноценности. Знакомство с чиновником такого уровня, — небрежно мотнул головой Апполинаруий, — еще как поднимало авторитет среди простых, как овощи, скинхедов.

Топор бросает быстрый взгляд на визитку. Апполинаруй не спускает глаз с лица чиновника. Несмотря на годы упорных тренировок и многолетний опыт, скрыть мысли удастся плохо. По едва уловимым признакам Апполинаруй видит, что чиновник растерян, встревожен и лихорадочно обдумывает дальнейшие действия. Кольшев ощущает азарт хищника, подстерегающего жертву в засаде. Вот-вот она появится, бросок и клыки вопьются в мягкое горло. Хотя, какой он хищник! Да и Топор отнюдь не беззащитная жертва. Самая простая и эффективная форма защиты в его положении — послать посетителя на три буквы. У Кольшева нет козырей, он блефует.

— А мне вы зачем? — спрашивает Топор.

«Есть!! Попадалово в десятку!!!» — едва не подпрыгивает на стуле Апполинаруй.

— А для чего вам был нужен Кирилл? Он рассказывал — так, в общих чертах. Не подчиненный всегда переоценивает себя в глазах начальства. У вас другая точка зрения.

— Да, другая, — бесцеремонно перебивает Топор.

Видно, что он успокоился, лицо обмякло, в глазах исчезла тревога, тело теряет деревянную неподвижность.

— Одну минутку!

Чиновник подходит к компьютеру, на ходу надевая позолоченные очки, мышка в толстых пальцах несколько раз дергается, динамики издают короткое: пуу! Затем Топор встряхивает рукой, из-под рукава сползает золотой браслет. Украшение состоит из обработанных слитков, нанизанных на двойную цепочку. Выглядит просто вульгарно и неприлично богато. Топор касается пальцем слитка, словно нажимает невидимую кнопку.

— Теперь поговорим, — улыбается чиновник.

— Вас пишут? — удивился Апполинаруй.

— Всех пишут, — философски отмахивается Топор. — Чиновника без компромата не существует. Разница в том, кто читает написанное. То, что пишется обо мне, я! И включаю эту аппаратуру тоже я, когда сочту нужным.

Апполинаруй молча кивает, но в глазах прячется недоверие.

— Не сомневайтесь, Апполинаруй Павлович. На каждый член найдется проход с лабиринтом, вы же знаете! Эта техника установлена по моей инициативе в рамках борьбы с коррупцией в органах власти. Только команду ей я. Есть толковые ребята в спецотделе УВД, они мои хорошие друзья.

— Золотой браслет тоже оттуда?

— Нет, это на Кипре купил. Вставочку сделали по личной просьбе. Симпатично, правда? Терпеть не могу унылых «жучков» в лацкане пиджака, в каблуке или видеокамеры в пачке сигарет. Дурной тон!

«Он из девяностых! — подумал Апполинаруй. — Золотые цепи, печатки, кооперативы ... надеюсь, малиновый пиджак не носит в свободное от работы время. Прост, как видеоманитофон, но жесток и хитер».

— Ладно, приступим к делу. Как вы оказались в компании Кирилла и чем занимались там? — задает вопрос Топор, глядя в монитор.

Глаза бегают по экрану, веки чуть приспущены. На мгновение взгляд останавливается, словно Топор еще раз всматривается в прочитанное. Чиновник поднимает глаза.

— Мое досье? — улыбается Апполинаруй.

— Да. Вы не ответили на вопрос.

— Был, так сказать, идейным вдохновителем. А попал случайно. Гастарбайтеры избили

до полусмерти, ребята подобрали.

— Вы работали с Пятницким. И как? Хотя, что я спрашиваю! Знаете, Апполинарий Павлович, вокруг вас постоянно погибают люди, а вы целы. Удивительно, правда? Тут о вас много написано. Пятницкий был неглуп, но его вы тоже убили.

— Это неправда! Его застрелил Иван Тропинин, следствие доказало мою невиновность.

— Я же не говорю, что вы убили его собственными руками. Вы умело свели всех нужных людей в одном месте. Рискованно! Кирилла зря застрелили, он был бы полезен.

Топор говорит, словно не слыша слов Колышева, взгляд скользит по строчкам досье, останавливается на фотографиях. На ухоженном лице чиновника появляется выражение удивления и восторга.

— Да вы и вправду профессор, господин Колышев! Самородок! В биографии ничего приметного, типичный «сынок», а поди ты! Трупов после вас осталось богато. Вы, случаем, не на фирму ... ха-ха! ... ритуальных услуг работаете? Шучу.

— Зря вы так, — морщится Апполинарий. — Это все цепочка случайностей. Обстоятельства складывались именно ... так вот. Я достаточно образован, чтобы не быть примитивным убийцей.

— Я не сказал, что вы примитивны. Искусство убивать состоит в том, чтобы делать это чужими руками, Апполинарий Павлович. Один человек отдает приказ, другой выполняет. Его и судят. Но ведь приказ-то отдал другой! А исполнитель очень часто просто не может отказаться.

Топор встает из-за стола, начинает прохаживаться по кабинету. Дешевый костюм покрыт складками от долгого сидения, на брюках вытянуты коленки, лацканы присыпаны редкими звездочками перхоти.

— Да я-то здесь причем? — удивляется Колышев. — Приказывал Кирилл.

— Вы правы, в глазах других непосредственным руководителем был он. А на самом деле — вы!

Топор останавливается напротив Колышева, руки упираются в спинку стула, толстые пальцы обхватывают полированную планку.

— Да-да, вы! Не удивляйтесь, — широко, чуть ли ни счастливо, улыбается Топор. — Объяснить?

Апполинарий трясет головой. На лице растет недоумение, в глазах появляется растерянность.

— Постойте-постойте! Хотите сказать, что он действовал под влиянием моих ... э-э ... бесед?

— Соображаешь, профессор! Человеку можно приказать. Раз, другой. А потом ему надоест и он пошлет тебя подальше. Если, конечно, приказ не основан на страхе наказания. Или на значительном материальном вознаграждении. Именно так функционирует государство, различные объединения граждан, организованная преступность и так далее. Ты, мой дорогой профессор, действовал иначе. Ты убеждал! Простые, как полено, скинхеды слушали тебя, разинув рты! И Кирилл слушал. Ну, он-то рот не разевал, не того полета птица. Но впитывал, размышлял. А потом действовал! Потому что твои мысли незаметно становились его мыслями, убеждениями. Да что я говорю, ты и сам это знаешь!

Разумеется, Апполинарий знал. Любая власть, будь то маленький семейный клан или мировая сверхдержава, держится на убеждении. А вовсе не на страхе наказания, тем более на деньгах. Империя умирает, когда в нее перестают верить. Именно убеждения, вера в правоту

движет людьми. А значит, и всем миром. Все остальное, даже жизнь, вторично. Но ведь это, так сказать, в общем и целом. На себя-то такую одежду не примериваем. Разнообразная ядовитая сволочь, именуемая политиками, использует людскую веру по своему усмотрению и в девяти случаях из десяти — для личных нужд.

— Ну, и что из этого? — тупо спрашивает Апполинарий.

— Скоро выборы. Я не пользуюсь большой поддержкой законодательного собрания. Местные барыги — бизнесмены, мать их! — тоже денег вкладывать не желают. Победить могу только при поддержке простого народа. Видишь ли, профессор, чиновники очень часто ошибочно полагают, что народ ничего не значит. Вот центральная власть — это да! Деньги большие тоже важно. Средства массовой информации надо иметь свои. Придурки! Голосуют не деньги, не президенты и уж тем более не проститутки журналисты. Люди! Можно подделывать избирательные бюллетени, отчеты избирательных комиссий — это и так делается сплошь и рядом! — но людей подделывать нельзя! Они на улицу выйдут и разнесут в пух и прах любую власть. Никакая полиция не поможет! Если обманут их, предадут то, во что они верят!

Топор ходит из угла в угол, говорит горячо, убежденно и вроде бы совсем забыл о Колышеве. Ему жарко. В кабинете есть кондиционер, можно просто окно приоткрыть, но то ли от волнения, то ли по забывчивости к мелочам Топор просто снимает пиджак и швыряет на спинку кресла. Кабинет наполняется слабым запахом подмышек. Апполинарий ощущает на лбу испарину, в горле першит. Стараясь проделать это незаметно, достает платок из кармана. Сухая ткань приятно охлаждает лоб, щеки. Тыльная сторона ладони задевает подбородок, щетина впивается в кожу. «Опять небрит, урод! Ну что ты за человек такой, а? Точно — Колун! Уголовник несчастный! А чем бриться-то? Денег нет, жрать нечего. Ограбить кого, да рука не поднимается». Апполинарий торопливо сует платок в карман, пальцы теребят воротник поношенной куртки, плохо почищенные туфли стыдливо прячутся в тень под столом.

— Я хочу победить. И поэтому не стану обманывать людей!

— Ну да, это можно сделать позже, — тихо говорит Апполинарий. — Ведь так поступают победители, не правда ли?

Топор замирает на месте, словно наталкивается на невидимую стену. Голова медленно поворачивается, грубое лицо твердеет, взгляд упирается в сидящего на другой стороне стола Колышева.

— Я не стану этого делать! — отвечает Топор.

Фраза произнесена таким тоном, что Апполинарию становится ясно — его, ничтожную козявку, вот-вот вышвырнут за дверь. «Что ж, привыкай, Апполон!»

— Чего так? Все брешут.

— И проигрывают! Что говорят о политиках прошлых лет? Вспомните наших вождей. Какие похвалы провозглашали мудрости и прозорливости, уму и силе воли! А что сейчас? Одни насмешки! После смерти вожди становятся клоунами. А некоторые и при жизни. Потому что лгали. И продавались. Не будем теребить мертвых, Бог с ними, посмотрим на сегодняшних. Помните «Правое дело»? Хорошая была партия. Единственная, которая не зависела от власти, не вралась и не кланялась Кремлю. Нашпиговали провокаторами, обгадили, оболгали! Руководители и вправду оказались слабаками. Кроме одного! Он мог поднять партию из дерьма. Так его купили должностью Вятского губернатора. Мол, чем заниматься говорильней, покажи себя в деле, построй царство справедливости в одной,

отдельно взятой губернии. Согласился, дурак! А власть теперь со злорадством смотрит, как тонет в мелочевке толковый мужик. А знаешь, в чем его сила была? В честности. Качество, встречающееся в политике чрезвычайно редко!

— Вы честный?

— Представь себе! Если я захочу убить, то сделают это, глядя тебе в глаза. А не за спиной, исподтишка. Я во всем честен. И в политике тоже.

— Благодарю вас. Так я пойду? — бормочет Апполинарий.

Стул с хрюканьем отодвигается, Кольшев поворачивается к двери и делает первый шаг.

— Подожди, профессор! — смеется Топор. — Я ж не пугаю, просто рассказываю, какой я человек. Должен же ты знать, с кем будешь работать.

— Работать? — удивляется Апполинарий. — В качестве кого, интересно?

— Помощника. Я буду излагать тебе идеи, а ты станешь придумывать, как претворить их в жизнь.

— Имиджмейкер?

— Нет, морделом работает другой. Ты будешь создавать ситуации, понял? Ведь именно этим ты занимался с Кириллом.

— Вы имеете в виду организацию массовых убийств представителей национальных меньшинств?

— Микрорайон «Мечта»? К сожалению, нет. Второй раз не получится, м-да, — Топор огорченно щелкает языком, голова сотрясается, словно от большого и внезапного горя. — А было бы здорово. Получасовая лекция о национальном вопросе и все! Предлог для расправы грызуны дали сами. Э-хе-хе ... тьфу, мать их!

Апполинарий возвращается на место. Садится за стол, руки небрежно скрещиваются на груди, поза свободна и расслаблена. Как будто он ведет прием! Или проводит семинар.

— Вы сказали, что я буду работать, благодарю. Но ведь моя работа у вас будет не совсем обычной. Это, скорее, сотрудничество. А раз так, то наши убеждения должны совпадать полностью, иначе будут недоразумения. Мои вам, вероятно, известны. На всякий случай уточню. За время, проведенное за решеткой, мои убеждения изменились. Если раньше считал, что уничтожать следует всех подряд, то сейчас так не думаю. Я — сторонник умеренного русского национализма. Противник крайностей. Уничтожать всех подряд, исходя из цвета кожи или разреза глаз — неразумно. И религия для меня тоже не играет особой роли. Откровенно говоря, на нее вообще наплевать. Например, татары. Тюрки, мусульмане, но есть и крещеные. А какой народ! Рабочие, ученые, инженеры, писатели и поэты — да во всем проявили себя! Не знаю, правда или нет, но вроде бы треть офицерского корпуса нашей армии татары по национальности. А торгашей нету! Почти. Что можно сказать против такого народа?

— Ну, профессор, поскреби русского, найдешь татарина! Я вообще считаю русских и татар одним народом. Просто одни в Христа верят, а другие в Аллаха! — воскликнул Топор. Он тоже сел за стол и теперь с интересом рассматривает Кольшева.

— Это результат длительного совместного проживания. Культуры срослись! Мы им балалайку, они нам частушки. Мы им щи, они нам колбасу из конины. Примеры простенькие, на самом деле все сложнее, но мы действительно сроднились. И различие религий, как ни покажется странным говнюкам политологам, не играет никакой роли. Знаете, когда я коротал время в следственном изоляторе, много размышлял на тему совместного проживания народов. И вот к каким выводам пришел ... вы позволите?

— Да, разумеется, профессор! — улыбнулся Топор.

— Вы мне льстите, уж кем-кем, а профессором я не стану, — грустно усмехнулся Апполинарий. — Да Бог с ним! Так вот, самый простой и эффективный способ сохранить нацию — это уничтожить остальных. Но, как показывает исторический опыт, уничтожение конкурентов негативно отражается на развитии нации. Не с кем соперничать, начинается расслабуха и пофигизм ... простите за выражения!

— Да ниче, профессор, зато усекаю с первого раза, — машет рукой Топор.

— Так вот, конкуренции необходима, как внутри вида, так и с другими народами. Альтернатива — вырождение. Да и невозможно в современных условиях поступать так, как древние германцы со славянским племенем пруссов. Их полностью уничтожили, земли заселили и германцы, урожденные на землях пруссов, стали называться пруссаками, а территория — Пруссией. Возникает и такой вопрос — а кого считать русским? Признаки породы, какие они? Нос картошкой, ушики пельмешками? Или различать по форме детородного органа? Возьмите тех же татар — да все тоже самое!

— Совершенно согласен, мордуленции одинаковые. И этот самый орган наверняка тоже, — с умным видом кивает Топор. — Женщины очень хороши.

— Э-э, верю вам. Я-то с татарками знаком не был. Ну, может в будущем повезет. Внешний вид роли не играет. За исключением женщин, но это опять же дело вкуса. Важно, каков человек внутри. Русским до корней волос — есть такое выражение? — можно быть, будучи от рождения вообще негром.

— Александра Сергеевича имеете в виду? — проявил осведомленность Топор.

— Да. Вдумайтесь, потомок черномазого дикаря создал современную русскую поэзию, литературу. Да он всю Россию переделал! Пушкин сделал для нас больше, чем все цари реформаторы, вместе взятые! И, что самое важное, никого не убил. Есть и другие примеры, попроще. Один еврей — не помню фамилию! — по собственному почину собирал русские народные сказания, издал сборник русского фольклора.

— А другие евреи и немцы искажали русскую историю, врали про нас — дикари, мол, медведи говорящие. А вот мы, жида да немчура, вас людьми сделали! — возразил Топор.

— Верно, писал об этом Ломоносов! Но для этого есть основания. Князь Владимир крестил Русь и перестроил на греческий лад. Петр Великий европеизировал Россию. Разве это не повод обвинять нас в подражании? Только вот наши «друзья» на Западе не хотят говорить о том, как много хорошего Россия дала им. Американцы кичатся своей страной, забывая, что именно Россия спасла их от англичан. Русская эскадра не допустила высадки английского десанта. В противном случае освободительная война могла закончиться совсем иначе. Мы спасли цвет французской нации после революции — лучшие люди Франции спасались в России. Мы уничтожили Гитлера. А наш социализм? Именно благодаря нам Запад стал спешно проводить социальные и экономические реформы, дабы не допустить к власти коммунистов. А освоение космоса? Если бы не соревнование с нами, американцы до сих пор только мечтали бы об этом.

— Что бы Запад без нас делал? — иронично улыбается Топор. — Но вернемся к нашим баранам, Апполинарий Павлович.

— Да, простите. Увлёкся, — смущенно потирает ладони Апполинарий. — Массовые убийства не эффективны и вредны. Уничтожать физически следует только тех инородцев, которые явно вредят и нам, и своим соотечественникам. Это уголовники, наркодельцы и злостные спекулянты. Необходимо пропагандировать и насаждать русский язык, русскую

культуру и русское мировоззрение. Подчеркивать, даже рекламировать роль представителей нерусских национальностей в русской истории.

— Например? — нахмурился Топор.

— Всем известно сражение войск Александра Невского с тевтонскими рыцарями. Это Ледовое побоище. Даже фильмы ставили. Но наши историки почему-то стесняются упоминать о том, что немаловажную роль в битве сыграла татарская конница. Александр заключил договор с татаро-монголами о помощи в сражении с тевтонцами. Своих сил не хватало! Конечно, это были вспомогательные части, не они решали исход битвы, но без них пришлось бы туго и как знать, чем бы закончилось сражение с рыцарями. А Куликовская битва? На стороне Дмитрия Донского бились и татарские полки! Они воевали не против своих, как может показаться, нет. Они бились за новую жизнь, против старого, кочевого мировоззрения. Останься татары пастухами и собирателями кизяка, кем бы они были сегодня? Цыганами!

— Еще одна ошибка природы, — ухмыляется Топор.

— Я тоже так считаю. Массовая миграция цыган куда-нибудь в политкорректную Европу лично меня не огорчит. Вот уж действительно бесполезный народ. Я слышал, что в Австралии их вообще нет. И ничего, страна процветает. Зато у нас этой плесени на каждом шагу! И ладно бы бродяжничали, так они наркотой торгуют, сволочи! Вот кого бы я в газовые камеры отправил без колебаний, — цедит сквозь зубы Апполинарий.

— Ого, профессор! А как же ваши изменившиеся убеждения? Или они того, не очень изменились? — ухмыляется Топор.

— Да видите ли ... э-э ... тернист путь совершенствования и долог ... эмоции берут верх, — смущенно бормочет Кольшев.

Топор садится напротив, пальцы теребят узел галстука, в ладони появляется пульт управления кондиционером. Тихонько воют электромоторы, кабинет наполняется прохладой.

— Да ладно! — машет рукой чиновник. — Цыгане ... Я каждый год на могилу матери хожу в день поминовения. В этот день на кладбище масса народу, у каждой могилки родственники усопших собираются. А вокруг цыгане шныряют. Ждут, высматривают. Точно падальщики! — невесело усмехается Топор. — Возле могил оставляют продукты, цветы, поминальные свечи. Человек еще отойти не успел, а цыганеныш тут как тут — хватает все подряд. Конфеты на месте пожирает, остальное в котомку складывает. Ну да, вареное яйцо и конфетка мелочь, но ведь это поминовение! Это составляющая часть ритуала, в эту минуту мысленно ты с тем, кто навсегда ушел от тебя. И ладно бы ворона там или кошка голодная — что с животного брать? Но ведь люди! Шуганешь его, оно отбежит в сторонку и ждет. Знает, гадина, что все равно ты уйдешь с кладбища и забирать ничего не будешь. А в сторонке бабы цыганки собрались в кучку, галдят, ворованными продуктами с могил хвастаются. Ох!

Топор мотает стриженной башкой, словно конь, отгоняющий оводов.

— Вот в такую минуту я понимаю Гитлера, — тихо произносит он. — Сам бы автомат взял и всех подряд — женщин, детей, старух — их особенно ненавижу! — расстреливал. И на душе было бы светло и спокойно!

Апполинарий молча смотрит в лицо чиновника. Черты еще больше грубеют, в блеклых серых глазах немой вопрос — почему эти люди такие? Что за мораль у них? Или ее вообще нет?

— Ладно, хватит о грязи. Итак, Апполинарий Павлович, мы договорились?

— Да, Сергей Анатольевич. Что я должен делать?

На стол ложится внушительная пачка красно-белых купюр.

— Привести себя в порядок. Вид у вас какой-то бомжуйский! Сегодня у нас четверг? Да. В понедельник быть в приемной в девять ноль-ноль. Определимся с обязанностями, оформитесь как положено и приступите к работе. Вопросы?

При слове «бомжацкий» небритая физиономия знатока латыни рдеет, словно мякоть спелого арбуза. Апполинарий неловко встает, стул с рыканьем отползает.

— Обстоятельства, — мямлит Колышев.

— Я понимаю, — кивает Топор. — И в моей жизни были крутые моменты. Да, и вот еще что ... Не терплю выпивох. Хоть раз явитесь с «выхлопом» — уволю!

Что есть фундамент политики? Обещание. Чем занимается политик? Выполнением обещаний. Что есть искусство политики? Невыполнение обещаний, но так, чтобы в этом были виноваты другие политики. Вот как только мы с вами, дорогие избиратели, от них избавимся, так сразу все и получится! Мало кто из так называемого электората догадывается, что жизнь течет по своим законам и людская суета — политика! — почти не меняет этого плавного движения в будущее. А те, кто знает об этом, от политики далеки. Более того, они брезгуют ей, как приличные люди брезгуют потаскухами, ворами и современным искусством.

— Вот чего не хватает в нашей стране, так это больниц закрытого типа для содержания умалишенных. Врачей не надо, болезнь так запущена, что диагноз может поставить даже ребенок, — бормочет Апполинарий. — Просто эпидемия какая-то!

Он удобно расположился на диване, на коленях лежит планшет. Пальцы вяло касаются иконок, картинки меняются, рекламная суета усиливается. Апполинарий злобно щурится, указательный палец тычет в иконку блокиратора. Наглые картинки исчезают, появляются розоватые пробелы, в центре сердито пучит глазенки красный червяк. Это означает, что скрипты отключены и реклама давится собственной блевотиной.

— Слава Богу! Можно спокойно прочесть, — бубнит под нос Апполинарий.

Стороннему наблюдателю может показаться, что «чел» тащится после трудового дня в ожидании горячей телки. Рядом, на журнальном столике висится бутылка, похожая на Empire State Building с затейливой наклейкой на выпуклом боку, хрустальная ваза наполнена фруктами, на краешке столика скромно тулится пачка презервативов в яркой упаковке. Мужчина полностью обнажен, если не считать ярко-желтых бермудов. Ноги обуты в голубые пляжные тапочки. Небольшие колонки серебристого цвета наполняют комнату спокойной музыкой от Deer Forest. На самом деле в бутылке квас, в яркой упаковке вместо гондонов сложены ароматические салфетки, только фрукты настоящие. За окном зимний вечер, батареи дышат теплом и можно не кутаться в неуклюжий халат. Ни горячих, ни холодных телок Апполинарий не ждет. Он просматривает газеты, новостные сайты, блоги известных политиков, а спокойная музыка приглушает то раздражение, что появляется у всякого нормального человека после прочтения той бредятины, которой переполнено виртуальное пространство «рунета». Поразительно, как много любителей упражняться в словоблудии! Религия, межнациональные отношения, права человека, искусство — пишут и спорят обо всем! Красиво так, умно, с цитатами из трудов классиков, а также из «трудов» тех, кого принимают за классиков. Но вот какая странная вещь — никто не пишет о том, что делать. Конкретно, по пунктам, с подробным указанием где повернуть, а где остановиться. Размазня какая-то! Чувствуется, что авторы боятся сказать то, что думают. То есть говорят, но туманно так. Чтобы потом, в случае чего, за жопу не взяли и не пришили соответствующую статью Уголовного кодекса. Попробуйте, к примеру, написать, что всех мусульман шиитов (или суннитов — в данном случае все равно) надо отправить в лагеря. Или в газовые камеры. Посадят на законном основании. А если не посадят, фанаты Мухаммада убьют. Те самые, что бесились перед видеокамерами на улицах мусульманских стран, когда одна из датских газет напечатала карикатуры на пророка. Сколько было шума! Даже посольства громили, чего-то там датское покупать отказались. Или продавать. В общем, бесилово было

всамделишное, с сжиганием флагов, размазыванием слез по небритым мордасам и рыданиями в голос истерических женщин. Кстати, интересное замечание. Если раньше, в старое доброе время для объявления войны зачастую было трудно найти повод, то сейчас это проще простого: какаянибудь газетенка печатает карикатуру на пророка, фанаты начинают громить посольство, правительство страны, чьи диппредставительства подверглись нападению, поднимает в воздух самолеты с биологическим оружием.

И еще. Самые масштабные истерики устраивались в тех странах, где основная масса народа неграмотна и почти полностью изолирована от внешнего мира. Индия, Пакистан, Сомали, Нигерия ... Господи Иисусе, да 99 % населения этих Богом забытых территорий даже слова такого не знает — Дания! И на карте не найдет, так как пользоваться этой самой картой не умеют! А вы знаете, как называлась та датская газета? Конечно, «Юлланд Постен»! Что-то вроде районной многотиражки, продавалась она в захолустном датском городишке. С момента публикации карикатур на Мухаммада и Христа(!) прошел месяц, никто и ухом не повел. И вот некто, обладающий большими деньгами и возможностями, приказывает опубликовать рисунки в газетах исламских стран. Причем совсем не те, что были в датской газете. И начинается истерика, в результате которой погибло более сотни человек по всему миру, а убытки исчислялись сотнями миллионов долларов. Это что, последствия благородного негодования правоверных? Нет, результат заранее спланированной исламофашистской верхушкой провокации, а карикатуры в датской газете лишь удобный предлог.

Анекдот: Протестуя против сожжения в США одного экземпляра корана, а также против огульного обвинения всего ислама в терроризме, мракобесии, жестокости и экстремизме, сотни тысяч мирных демонстрантов в арабских странах сожгли

7650 флагов США, 3532 портрета Обамы, 427 чучел Дяди Сэма, 3 посольства США, 5 посольств других стран, а также 19 человек живьем.

Во всепланетном базаре, который затеяли мусульмане из-за карикатуры, никто не услышал голосов датских журналистов, которые указывали, что карикатуры напечатали и на Христа. Но что-то католический мир, как и православный, не шибко возмутился. Почему? Недостаточно веры? Нет. Для нас свобода вероисповедания, свобода воли не пустой звук. Вы не верите в Бога? Пожалуйста, это ваш выбор. Вы поклонник древнеславянского бога Ярилы? Хорошо, поклоняйтесь ему на языческом капище. Вы нашли себя в буддизме? Отлично, вы станете добрым и спокойным человеком, в вашей одежде будут присутствовать оранжевые и красные цвета.

Вера — личное дело каждого. Если веру в Бога насаждать силой, она превращается в суеверие. Вы считаете, что вера в Аллаха и Мухаммада, пророка его, единственно верная? Ваше дело. Хотите убедить меня? Попробуйте. Но не вздумайте убеждать меня, приставив пистолет к виску, потому что тогда я вам руку с пистолетом оторву! И голову! Чтоб навсегда отбить привычку убеждать подобным способом! А если и этого окажется мало, то использую генетическое оружие, после которого вымрут все, кто не любит бриться, кушает баранье мясо и по любому поводу орет Аллах акбар. А также их жены, дети и родители! И мне глубоко насрать, что человечество обеднеет, будем жить скромнее. Аварии происходят не только в котельных, в биологических лабораториях тоже случаются «несанкционированные выбросы».

... голова наливается дурной тяжестью, глаза слипаются, мысли ворочаются вяло, словно умирающие земляные червяки. Апполинарий тычет пальцем в иконку выключения,

экран гаснет, планшет ложится на стол. Перебираться на кровать лень и Апполинарий устраивается на диване. Завтра суббота, вроде выходной, но Топор собрался за город, на охоту и позвал с собой Апполинария. Че-то там обсудить надо, блин! Апполинарий терпеть не мог ни рыбалку, ни тем более такое примитивное зверство, как охоту. Но отказывать шефу низзя-а-а-а. Тьфу, е...ть!

Зимнее утро встретило Апполинария гнусным дождем. Уже ноябрь подходит к концу, а снега все еще нет. И вряд ли будет. Видимо, природа решила отдохнуть, пожить в нейтральном режиме. Продавцы нагревательных приборов подсчитывают убытки, коммунальщики радостно потирают руки в предвкушении дележа бюджетных денег, выделенных на проведение отопительного сезона, народ живо обсуждает грядущую климатическую катастрофу. Общее мнение таково — клево! Будет меньше тундры, больше пляжей, на дачах начнут расти бананы вместо крыжовника, Магадан станет курортным городом.

Как и большинство крупных чиновников, Топор жил в поселке, на окраине, в небольшом особняке красного кирпича. Рейсовые автобусы в такие вот «деревеньки для слуг народа» не ходят. Добраться можно только на такси. Апполинарий плотнее запахивает воротник, шерстяную шапочку опускает до бровей, капюшон скрывает голову и половину лица. На руках теплые кожаные перчатки, ноги обуты в резиновые сапоги на меху, но влажный холод все равно забирается под одежду, по спине бегут мурашки. «На кого охотятся в такую погоду, блин? Даже привидения в склепы прячутся наверно!» — раздраженно думает Апполинарий, безуспешно высматривая такси. Наконец, впереди мелькает оранжевая шишка на крыше автомобиля, Апполинарий поднимает руку. Таксист радостно подрезает машину из соседнего ряда, потрепанная жизнью и дорогами «мазда» бросается к обочине. Колышев называет адрес, сует таксисту «полтонны» и машина срывается с места, словно торпедный катер навстречу врагу.

Равнодушный охранник в черной куртке пропускает Апполинария без лишних вопросов. Его имя, фамилия и цветная фотография имеются в списке сотрудников аппарата. Во дворе стоит громадный, как самосвал, японский джип с русским именем «Тайга». Колышев поднимается по ступеням крыльца, пальцы сжимают дверную ручку, бронированная створка распахивается. Прихожая дышит в лицо теплым воздухом. Апполинарий входит, старательно закрывает дверь. Просторный коридор тянется метра на три, переходит в холл. Видны ступеньки лестницы, ведущей на верхние этажи, дверь на кухню. Апполинарий раздевается, куртка и громоздкие сапоги прячутся в шкафу для верхней одежды. Рядом с камуфлированным костюмом и резиновыми сапогами, явно приготовленными хозяином дома для охоты, висит яркая женская курточка. «Вероятно, мадам Топор тоже любительница пострелять по животным, — решает Апполинарий. — Иначе чего бы женская куртка висела здесь? Только какая-то она слишком «моднучая»! Или босс женат на молоденькой? Не мое дело». Колышев искоса смотрит на себя в зеркало, пальцы приглаживают короткий ежик на макушке, взгляд на мгновение застывает на подбородке — хорошо ли побрит? Брови приподнимаются «домиком», глаза удовлетворенно сощуриваются — все в порядке, можно заходить в гостиную, босс наверняка там.

Сергей Анатольевич любил охоту страстно и самозабвенно. Стены гостиной украшены чучелами охотничьих трофеев. Морды медведей, кабанов, рогатые головы оленей и лосей

торчали из каменной кладки тут и там, создавая впечатление, что все остальное снаружи и, если выйти из дома, увидишь мощные торсы и бесхвостые задницы. Даже потолок гостиной был расписан неизвестным художником сценами из охоты. Разумеется, свободное от чучел пространство стен занимали картины на охотничьи темы. Апполинарий ожидал также увидеть выставку оружия, но его не оказалось. Напрасно Кольшев оглядывался в надежде увидеть ружья и винтовки, развешенные на коврах или, по современной моде, за стеклянными панелями с подсветкой. Ничего, только рогатые головы, оскаленные морды и живопись «а ля натюрель». Слышны уверенные шаги, в гостиную входит Топор. С ног до головы в камуфляже, только на ногах мирные шерстяные носки и тапочки. В руке ... наверно, ружье в чехле. Во всяком случае, Апполинарий так решил.

— Добрый день, профессор! Как добрались? — жизнерадостно спрашивает Топор Кольшева.

— Ничего, спасибо. Что это у вас? Чехол какой-то странный.

— А как вы думаете, Апполинарий Павлович? — насмешливо щурится Топор.

— Ну, ружье разобранное, прицелы там всякие.

Ни говоря ни слова, Топор кладет странный чехол на стол. Молния с жужжанием разжимает узкие губы, верхняя часть чехла поднимается. Апполинарий видит некое сооружение, отдаленно напоминающее всем известный лук. Какие-то рычаги, колесики, шестеренки и замысловато изогнутые палки из пластика сплетены в единое целое сложной системой тросов. Догадаться, что это и есть лук можно только по стрелам с ярким оперением. Несколько штук крепится сбоку специальными зажимами. Апполинарий без стеснения таращит глаза, на лице отражается чувство сильного недоумения, взгляд становится таким же, как у Армстронга, впервые ступившего на поверхность Луны.

— Что это? — спросил он. — Скелет инопланетного хищника?

— Охотничий лук блочного типа, — с довольной усмешкой ответил Топор. — Отличная вещь! Создан для охоты на крупную дичь — кабан, олень, медведь.

— Медведь, я не ослышался? — удивился Апполинарий.

— А также лев и слон! В последнем случае используется особый наконечник, с увеличенными лезвиями.

— Помилуйте, Сергей Анатольевич, какой слон? — взмолился Апполинарий.

— Африканский, какой же еще? — пожимает плечами Топор.

Он изо всех сил старается сохранить равнодушие, держит лицо хмурым, но довольная улыбка все равно проступает сквозь бульдожьих складки на скулах, на широком лбу играют морщины, глаза весело щурятся.

— У нас кроме лосей да кабанов серьезной дичи не осталось. За медведями надо в Сибирь лететь. Далеко и дорого. Проще в Африку на пару недель смотаться, на сафари. Тоже недешево, зато интересно!

— Ага, — трясет головой Апполинарий. — Так мы сегодня в Африку? Стрелять из лука по слонам!

— Нет, профессор, в охотхозяйство, — открыто смеется Топор. — Тут неподалеку, в двадцати километрах от города. За скромную плату в несколько тысяч рублей там можно поохотиться и неплохо провести время. А заодно и поработать над решением кое-каких проблем. Именно для этого я и пригласил вас и своего имиджмейкера.

— Так, понятно. А позвольте спросить, почему лук? Охотятся с ружьями, на автомобилях, с вертолетов.

— Те, что с автомобилями и вертолетов, не охотники, а убийцы! Их самих отстреливать надо, как бешеных волков! — зарычал Топор. — Какая же это охота, когда из крупнокалиберной винтовки, через оптику, да с вертолета! Это убийство беззащитных зверей. Я таких охотников за людей не считаю, руки не подам, морду набью буде возможность. Нет, я охочусь совсем по-другому!

Оказалось, что Сергей Анатольевич Топор является поклонником так называемого bowhunting или охоты с луком. Занятие довольно экзотическое и не только для нашей страны. Любителей подобной охоты во всем мире очень немного. Это понятно, если учесть, что убойная дальность выстрела из лука составляет всего сорок метров. Попробуйте подобраться к дикому зверю на такое расстояние! От охотника требуется выносливость, огромное терпение и сила воли. А еще отличная физическая подготовка, потому что точность и эффективность выстрела напрямую зависит от силы рук. Это вам не с вертолета по горным козлам палить из автоматической винтовки с армейской оптикой!

— Неужели льва или медведя можно убить из лука? — не поверил Апполинарий.

— Можно! Но надо уметь стрелять, потому что второго выстрела зверь сделать не даст. Что такое для раненого льва сорок метров? Две секунды! На третьей он порвет тебя на куски. Вот такую охоту, Апполинарий Павлович, на равных, я признаю. Все остальное — убийство. Или заготовка дичи промышленным способом. Я даже на рыбалку хожу только с луком.

— О Господи! А это как? — поразился Колышев.

— Наконечник гарпун. Вот он, видите? Наворачиваешь на стрелу, сюда крепится тросик

...

Топор принялся увлеченно объяснять и показывать, как превратить стрелу в гарпун, что такое виброгаситель, как использовать диоптрический прицел и какие бывают виды наконечников. Апполинарий слушал, вежливо кивал и старательно таращился на многочисленные луковые прибабасы.

— А что у вас за брелок на руке? — спросил он, заметив какую-то странную металлическую прищепку на ремешке.

— Это зажим для стрельбы. Накладываете на стрелу, оттягиваете тетиву до упора ... вот так ... сжимать пальцами стрелу, как Робин Гуд, не нужно ... прицеливаетесь и спокойно нажимаете на выступ. Как на курок ружья!

Топор берет лук, накладывает стрелу, зажимает оперенный кончик и отводит руку назад. Тетива натягивается, приходит в движение блочный механизм, «рога» слегка изгибаются. Четырехгранный наконечник стрелы смотрит прямо в оскаленную морду медведя на противоположной стене. Пальцы легонько касаются металлического зажима, коротко вжикает тетива и стрела исчезает. В следующее мгновение раздается щелчок и во лбу чучела расцветает желтый цветок оперенной стрелы.

— Вот так! — удовлетворенно произносит Топор.

Стрела пробила череп животного и до половины углубилась в чучело. Апполинарий невольно содрогнулся, представив, как стальной наконечник шириной в два с половиной сантиметра рассекает кости, жилы и мясо у живого медведя.

— Хотите попробовать? — спрашивает Топор.

— Э-э ... в другой раз. Нет, правда. Все очень интересно. Прошлый раз вы говорили с проблемами, которые надо решать совместно с имиджмейкером.

— Да, кстати, о нем. Ольга Васильевна, где вы там? — воскликнул Топор и взглянул на

лестницу, ведущую на второй этаж.

— Иду, Сергей Анатольевич! — раздался женский голос.

Послышались быстрые шаги, металлическая лестница тихо загудела. Через несколько секунд на лестнице появляется невысокая, полненькая девушка в теплых лыжных брюках и просторной стеганой куртке с поднятым воротником. Длинные рукава подвернуты, пояс завязан узлом. Видно, что куртка явно велика. Светлые волосы собраны в пучок на затылке, на носу важно восседают прямоугольные очки, маленькое круглое лицо серьезно, глаза блестят любопытством.

— Вот, выбрала эту. Большая, но меньше не наша, — сообщила девушка.

Бросает быстрый взгляд на Апполиария и снова преданно смотрит в глаза шефа.

— Подойдет, — кивает Топор. — Ваша годится только для прогулок возле дома. Знакомьтесь, это мой помощник, отвечает за специальные операции, Апполиарий Кольшев. А это Оля, Ольга Васильевна Саранцева, имиджм ... вот слово-то! ... в общем рекламой занимается.

Услышав о специальных операциях, Апполиарий краснеет. Даже капельки пота выступают на лице. Тоже, спец нашелся!

— Здравствуйте. Очень приятно, — бормочет он под нос.

Девушка, напротив, нисколько не смущаясь подходит ближе, протягивает руку.

— Мне тоже, Апполиарий Павлович.

Маленькие пальчики старательно сжимают ладонь Кольшева и от этого он краснеет еще больше. Что за дурацкая манера, перенятая у американцев, пожимать руки женщинам? Это же чисто мужское приветствие!

— Ну, вот и познакомились, — хлопает в ладоши Топор. — А теперь в машину и едем! Трудиться будете на природе.

— А именно?

— Ольга разъяснит суть дела. Когда доберемся до места.

Охранник заказника пропустил машину будущего мэра без вопросов. Оплата произведена по безналу, завсегда узнают в лицо, а также по номеру и марке автомобиля. По прибытии на место Топор схватил чехол с оружием и быстрым шагом направился в ближайшую лесопосадку. Не оборачиваясь, машет рукой — а вы шагом марш работать!

— Идемте, Апполиарий Павлович, — подхватывает под руку девушка. — Шеф не любит, когда мешают охоте.

— А куда? Он ничего не сказал!

— Я знаю, — важно отвечает Ольга и кивает в сторону бревенчатой избушки. Дом стоит на четырех сваях, обложенных декоративным камнем, к порогу ведет крутая лестница, конек крыши украшает стилизованная фигурка птицы с распростертыми крыльями. Не то парящий орел, не то петух, запрыгивающий на курицу.

— Домик бабы-яги? — натужно шутит Апполиарий.

— Бунгало в русском стиле. Внутри все удобства, телевизор, интернет и так далее. Для работы очень удобно! — не приняв шутки отвечает девушка.

Апполиарий искоса смотрит на Ольгу — лицо абсолютно серьезно, взгляд сосредоточен, походка твердая, почти мужская. «А ведь она фанатичка! Или трудоголик. Неизвестно, что хуже. Впрочем, если судить по размеру аванса, Топор не жалеет денег для хороших помощников. Работа на него — хороший способ заработать приличную сумму. Для

молодой девушки это важно. Как и для меня, совсем недавно вернувшегося на свободу». Дубовые ступени гулко стучат под каблуками, сухо щелкает замок, дверь без скрипа распаивается. Внутри «избушка бабы-яги» оказалась совсем не похожа на сказочный аналог. Стены обшиты декоративными панелями, в комнатах стоит современная мебель, плоские телевизоры темнеют блестящими прямоугольниками везде, даже на кухне.

— Давайте позавтракаем, — предлагает девушка и, не дожидаясь согласия, ставит в микроволновую печь вакуумную упаковку с мясом.

Апполинарий неопределенно пожимает плечами. Ему никогда не нравились инициативные женщины, даже очень красивые и сексапильные, но кушать действительно хотелось. Садится в кресло, на коленях появляется планшет. Эппловское чудо-юдо послушно зажигает экран, появляется заставка и сообщение о готовности к работе. Работать в непривычной обстановке Апполинарию совсем не хотелось, но делать вид необходимо.

— Чем будем заниматься, Ольга Васильевна? — спросил Апполинарий с тут же прикусил язык — звучит двусмысленно, девица может понять по-своему!

В ответ раздается мелодичный звон, щелкает дверца микроволновки, комнату наполняет запах хорошо пропеченного мяса.

— Поешьте. Мясо с острой приправой стимулирует мозговую деятельность, — говорит Ольга и на столе перед Апполинарием появляется тарелка с внушительным куском мяса. Запекшаяся корочка пускает маленькие пузырьки жира, поднимаются клубочки горячего пара, томатная приправа с перцем наплывает на мясо багровой волной вулканической лавы. Апполинарий вдыхает умопомрачительный запах, рот наполняется слюной, руки сами тянутся к ножу и вилке. Он хотел было сострить, что мясо с острой приправой стимулирует совсем не мозг, но слюна не дала. Мысленно плюнув на остроумие, которым сыт не будешь, отрезает кусок в пол-ладони и запикивает в пасть.

— У-у ... только ради этого стоило сюда ехать! — мычит, с трудом плотая почти не разжеванный кусок.

— Значит, сработаемся, — улыбается Ольга.

— Итак, наша с вами задача — создать положительный имидж шефа. Я отвечаю за прессу — публикации, репортажи и остальное. Вы организуете конфликты с целью дискредитации нацменьшинств в нашем городе. Сергей Анатольевич «разруливает» ситуацию в соответствии с пожеланиями русского населения. Все предельно ясно. Какие будут предложения? — спрашивает девушка после трапезы.

Ольга сидит в кресле напротив Апполинария, черные джинсы туго обтягивают бедра, рубашка защитного цвета с декоративными погонами и накладными карманами заправлена в брюки, рукава подвернуты, все пуговицы застегнуты. В избушке тихо, за окнами медленно падают редкие снежинки, в камине потрескивают дрова. После путешествия на свежем воздухе и мяса хочется не работать, а совсем другое. «Некоторые женщины расстегивают все и вся, изо всех сил стараюсь выглядеть привлекательно. Эта делает наоборот и выглядит черт знает как соблазнительно, — думает Апполинарий, внимательно рассматривая сучок в деревянной панели. — А говорит о чем! Оказывается, рассуждения женщины об организации убийств возбуждает. Ты стал извращенцем, Апполинарий»!

— Господин Кольшев, вы слышите меня? — спрашивает девушка, слегка наклоняясь к Апполинарию. От этого простого движения рубашка на груди натягивается так, что средняя пуговица вот-вот выскочит из петли и ...

— Ольга Васильевна, вы заметили, что среди персонала домоуправлений и паспортных столов все больше появляется нерусских? Особенно это заметно в тех учреждениях, которые занимаются распределением жилой площади, — спрашивает Апполинарий.

— Э-э, я была в паспортном столе последний раз четыре года назад, когда заграничный паспорт оформляла. В отделе администрации по распределению муниципальной жилплощади ... ну, не обращала внимания. А что? — пожимает плечами девушка.

— Смотрите, что получается: оптовая торговля, рынки, львиная доля организованной преступности в руках выходцев с Кавказа. Но это те сферы, которые не имеют отношения к власти. А кавказцы хотят именно власти! Их устраивает коррумпированность чиновников, они хотят пробраться к рычагам распределения квот на торговлю, строительство, жилье. В России нерусского населения всего двадцать процентов. Отбросим пятнадцать процентов — это те нации, которые не агрессивны. Они действительно мирно живут в общероссийской семье народов. Остальные — прежде всего вайнахи, некоторые племена Дагестана хотят властвовать! Знаете, есть народы кочевники, а есть народы разбойники. У многих кавказцев это в крови — самим ничего не делать, а заставлять других работать на себя. У чеченцев даже в советское время существовало рабовладение. Бездомных похищали и заставляли работать. Так вот, представители кланов разбойников и рабовладельцев наверняка есть и в нашем городе. Их надой найти и ...

— ... уничтожить, — закончила фразу Ольга. — Вы этим и займетесь, а я подберу соответствующее оформление.

— Вы не имеете в виду буквально, надеюсь? Уничтожить административно, то есть выгнать с работы. Для этого необходимо организовать негласное наблюдение, видео и аудиозапись, затем ...

— И кто станет все это организовывать? Нужна техника, обученный персонал. Кто будет непосредственно всем этим заниматься?

— Шеф как-то обмолвился, что у него есть люди в полиции. Они все и сделают. А вы организуете серию разоблачительных репортажей в прессе. Разумеется, в центре события — шеф, его политическая воля и желание искоренять преступность и коррупцию. Акцентировать внимание на национальной принадлежности преступников.

— Спасибо за ценный совет, — кивком поблагодарила Саранцева. — Мне говорили о вас, что вы предпочитаете действовать самостоятельно, не боитесь риска.

Апполинарий почувствовал в голосе девушки плохо скрываемое презрение.

— Было дело, — скривился он. — Я уже объяснял шефу свое отношение к убийствам, расскажу вам — тупой отстрел бесполезен. Новые появятся. Надо создать обстановку в обществе такую, что бы этой дряни не за что было зацепиться. Главное — искоренить коррупцию, именно она позволяет проникать чужим в наши ряды ... ну, или как там! Организовав травлю кавказцев — на законных основаниях, заметьте! — мы убьем двух зайцев: избавимся от взяточников в аппарате администрации и лишим бандитские кланы опоры во властных структурах.

— Ну что ж, вы правы, — согласилась девушка.

По голосу чувствовалось, что она думает по-другому.

Часа через полтора вернулся Топор. Довольный, словно завалил слона одной стрелой. На самом деле добыча ограничилась одним кабанчиком среднего размера. Но для настоящего охотника важен сам процесс, а не результат.

— Ну, и что надумали, аналитики? — спросил он с порога.

— Апполинарий Павлович предлагает следующее, — ответила Саранцева, подчеркивая голосом авторство Кольшева. — Необходимо организовать... — и коротко, в несколько фраз, изложила идею Апполинария.

Топор скидывает грязные сапоги у порога, мокрая куртка падает мимо вешалки на пол. Смешно шлепая растянутыми носками Топор идет вглубь комнаты, садится у камина.

— А что, здравая мысль! — произносит он после короткого раздумья. — Правда, возникло много ... ну да ладно, ментам тоже нужны громкие дела по коррупции. Тем более, что она действительно существует. Кстати, Апполинарий, вы чтонибудь знаете о празднике курбан-байрам? — с хитрым прищуром спрашивает Топор.

— Что-то религиозное, верно? Режут скот на улицах, — скривился Кольшев.

— Да, неприятное зрелище, — согласился Топор. — Но вы бы видели, что ежедневно творится на мясокомбинатах! Шоу не для слабонервных, скажу я вам. Если не ошибаюсь, он через пару дней. Понаблюдайте. Возможно, появятся какие-нибудь предложения. А сейчас я хочу отдохнуть и потом поужинать кабанчиком. Апполинарий, не хотите потренироваться в стрельбе? Тир здесь рядом.

— Да, с удовольствием!

— Тогда берите мой лук и вперед. Только ничего там не крутите и не вертите!

Пуская стрелу за стрелой в мишень и — понятное дело! — промазывая, Апполинарий думал о словах своего нового босса. Причем здесь религиозный праздник жертвоприношения? Ну да, режут несчастных баранов. На взгляд не мусульманина совершенно отвратительное зрелище. Просто массовое убийство животных! Видите ли, кровь угодна их богу. А приносящий жертву преисполняется при этом благодати и доброты. Как совместить кровопролитие и доброту? Возможно, в средневековье, когда человеческая жизнь реально ничего не стоила, жертвоприношение барана выглядело актом невиданного милосердия. Жили бедно, часто голодали и поесть на халяву (Откуда взялось это странное слово? Может, от арабского халяль, то есть разрешенный?) желали все. Разумеется, сытый становится добрее голодного! Но ведь сейчас не средние века! То, что допустимо в бедной, отсталой стране, просто невозможно в цивилизованном мире. Ну, представьте себе современную лабораторию, роботизированный цех по производству компонентов для спутников, центр управления полетами. Нет, лучше большой адронный коллайдер! Международная команда лучших в мире ученых на пороге грандиозного открытия, которое перевернет наши понятия о Вселенной! А поблизости, совсем рядом, в соседней комнате, режут баранов! И кровь стекает из-за неплотно закрытой двери прямо на компьютеры, тяжелые капли падают на кольцо ускорителя, собираются на полу в маленькие лужицы. Сидят профессора и лауреаты Нобелевской премии, моделируют процесс рождения бозона Хиггса в детекторе CMS. Собственно говоря, физиков интересует не столько сам хиггсовский бозон, сколько хиггсовский механизм нарушения симметрии электрослабого взаимодействия. Именно изучение этого механизма, возможно, натолкнет физиков на новую теорию мира, более глубокую, чем предыдущие ... Фигня какая, правда? Мда-а, это вам не верблюдов пасти. Или тех же несчастных баранов. На пастуха учиться надо, сокровенные знания передаются от отца к сыну. Говорят, сам пророк пас скотину. Ну, прежде чем стал пророком. А тут какая-то физика! Разве это занятие для настоящего мужчины? А совсем рядом с адронным коллайдером продолжают резать баранов. Слышны предсмертные хрипы

животных, по воздуху плывет тяжелый запах крови. И раздаются радостные вопли — кровищи, кровищи-то сколько! Наш бог, который всемилостивый и милосердный, будет доволен! Аллах акбар, аллах акбар ...

Это чудовищно!!! Фильмы ужасов отдыхают после такого зрелища, ведь животных режут прямо на улицах наших городов. Варварская жестокость, массовое кровопролитие возведено в ранг священнодействия! Ни одна из мировых религий не допускает такого. Жертвоприношения, связанные с кровью, давно отменены. Их заменили ритуальные приношения продуктов, денег или материальных ценностей на содержание храмов и служителей. Мусульмане с детства приучаются к виду крови. Убийство есть убийство, как ни называй его. Может быть, поэтому осатаневшие от регулярных кровавых убийств мусульмане так болезненно относятся к любым видам критики ислама. Говорят, ислам — религия добра. Где оно? Покажите, в чем конкретно выражается исламское добро? В многочисленных благотворительных организациях? Нет. В помощи бедным странам? Нет. В защите природы? Тоже нет!

ТОГДА В ЧЕМ!?

... кончик стрелы касается уха, чуть слышно скрипят блоки, лук сгибается в дугу. Пальцы касаются зажима, освобожденная от захвата тетива с силой распрямляется, стрела исчезает. Тотчас слышится глухой стук, вздрагивает муляжа оленя, под лопаткой маковым цветом горит оперение стрелы. На этот раз Апполинарий попал точно в цель. Предыдущие стрелы ушли «в молоко», некоторые вовсе не долетели.

— А хорошая штука этот лук! Надо будет себе купить. На медведя, конечно, ходить не стану, а постреляю в тире с удовольствием! — подумал Апполинарий вслух.

Топор оказался прав. Буквально на следующий день Кольшев стал свидетелем, как среди бела дня, прямо в парке рядом с городской мечетью резали баранов. Люди вокруг, мамы с колясками, бабушки с внуками. Да просто прохожие, все-таки центр города! «Правоверные» устроили массовую резню. Животные чуяли свою смерть, тихие аллеи парка огласили вопли баранов, радостные крики убийц и возмущенные возгласы людей. Впрочем, «правоверным» было глубоко наплевать на жителей города. Что там какие-то мамы с колясками и старушки с малышкой? И не с такими справлялись! Но на всякий случай поодаль дежурит наряд полиции, на заднем сидении полицейского УАЗа аккуратно сложены бронежилеты, стальные шлемы и дубинки. Чем шире становились ручьи крови, тем сильнее разгорался скандал. Молодые женщины и бабушки постепенно отступили на задний план, их места заняли мужчины — мужья, взрослые сыновья. Пришли сотрудники расположенных неподалеку офисов, собрались зеваки. Разгоряченные видом крови и явной безнаказанностью — полиция охраняет их! — некоторые «правоверные» кинулись на русских, размахивая окровавленными ножами. Толпа отступила, но нашлось несколько человек, которые не испугались полоумных. Видимо, прошли военную службу на Северном Кавказе. Раздались матюги, послышались глухие звуки ударов, что-то громко треснуло и несколько самых буйных «правоверных» с переломанными руками падают на асфальт. Тут уж подхватываются остальные и бросаются в драку. Наши вначале отступают — люди собрались нормальные, мирные, а эти только что крови напились. Но только в начале. В драку бросились те, кто просто проходил мимо. Начали останавливаться автобусы, маршрутные такси и автомобили. Все новые и новые люди вступали в бой с чужими. Полицейский наряд попытался было разнять дерущихся. Куда там! Донельзя обозленные

тем, что русская полиция выступает против русских, толпа перевернула УАЗ, полицейских избили и отобрали оружие. Сержант и трое рядовых спаслись чуть живые — бежали без оглядки по парку в сторону райотдела МВД.

На пороге мечети появился священник в зеленой ризе. Он что-то начал кричать, махать руками. Сверху падает окровавленная баранья голова, запущенная мощной рукой. На мгновение выпученные в предсмертной агонии глаза животного встречаются с перепуганным взглядом священника. В следующую секунду крутые рога барана врезаются в гладкий лоб муллы, белая чалма срывается от удара, словно крышка перегревшегося котла, голова трескается с бильярдным стуком и священнослужитель падает навзничь на мраморный пол мечети. После этого инициатива окончательно перешла жителям города. Растерянные, испуганные неожиданным сопротивлением со стороны русских чужаки побежали. Их догоняли, били, они вырывались, их опять догоняли и били ... К появлению ОМОНа мечеть уже горела. Набежавшие неизвестно откуда хулиганы и мародеры тащили имущество, грабили убитых и раненых. Полиции удалось задержать несколько бомжей и десяток учащих ПТУ, что вышли поохотиться за чужими мобильниками.

Апполинарий не ввязывался в драку, стоял в сторонке и наблюдал. Он не верил собственным глазам! Удивительно! Дас ист фантастиш! Да просто не может быть, потому что этого не может быть!!! Русские объединились и дали отпор наглому и трусливому врагу! Тому самому, что выкладывает на палубе русского боевого корабля слово «Кавказ» из русских моряков. Тому самому, что разгуливает по улицам русских городов с оружием и стреляет в безоружных людей по любому поводу. Тому самому, чьи вожди заявляют: законы шариата выше Конституции России! Мы не загоняем бандитов в угол! А куда, мать вашу, вы их загоняете? Ведь нигде, ни в одной стране мира так гуманно, с материнской нежностью и отцовской заботой с преступниками не обращаются. Почему? Ответ прост: бандитов считают своими! Все делается открыто, нагло, с полным осознанием безнаказанности. Бандит должен отвечать по закону — пожизненная тюрьма, электрический стул, веревка — в зависимости от вкусов местных законодателей. А на Кавказе их, видите ли, даже в угол поставить нельзя. Конечно, ведь так трудно усидеть в кресле, когда в него с одной стороны упираются федеральные штыки, а с другой бандитские стволы. Попробуй сохранить равновесие! И не надо бубнить о том, что этот лидер в недавнем прошлом был полковником российской армии. А кто сидел на троне до него? Бывший генерал ФСБ. Продался, паскуда! Что ж, у каждого своя цена. Об этом еще Линкольн писал.

Когда-то приходит конец любому терпению. Не понимают несчастные идиоты, что сидят в Кремле и вокруг него, что если в России рванет, то слетят головы и у них, и у депутатов педофилов от правящей партии, а Кавказ озверевшие русские зачистят так, что даже диких баранов не останется. И никто, слышите, никто не вякнет в защиту диких баранов, потому что Россия — это газ, нефть, это бесконечная война в Афганистане, где без нас победы не будет и ядерное оружие, от которого весь мир в дрожь бросает. А самое главное — дикие бараны Западу на фиг не нужны. Своих блеющих и срущих тварей хватает.

Апполинарий шагает домой по хмурой ноябрьской улице. Серое, словно милицейский китель, небо почти касается антенн сотовой связи на крышах домов, моросит дождь пополам с дождем и ветер плюет холодом в лицо, но на душе светло и радостно, как будто только что исполнилась самая заветная мечта. Даже не мечта, нет! Безответная любовь, тоскливая и непреходящая боль в душе исчезает от одного единственного взгляда, прикосновения, от интонации, с которой произнесли твое имя. И окружающий мир волшебным образом меняется; время, до этого долгое и тягучее, словно застывающий сироп, мчится со скоростью света. Ты чувствуешь прилив необычайной энергии, радость обуревающая такая, что даже если тебя окатит грязью с ног до головы проезжающий грузовик, ты не расстроишься, а только улыбнешься, как забавному приключению.

Наконец-то свершилось чудо! Обыкновенные люди, обыватели дали отпор обнаглевшим чужакам, которые вот уже какой год — нет, какое столетие лезут не только в наш дом, но и в наши души. Получилось грубо, неумело, как-то некрасиво. Но ведь это только в кино фотогенично дают по морде и злодей падает с перекошенным лицом. А если морду бьют герою, то он слегка отшатывается и на симпатичной физиономии появляется красивый такой — да ничего не появляется, он же герой! В реальной жизни все так вот некрасиво и происходит. Зато по-всамделишному, с хряском костей и выбитыми зубами на добрую память!

«Представляю, сколько вони поднимется завтра! — с усмешкой думал Апполинарий. — Как начнет скулить «творческая интеллигенция» — ах, ах, как же так! Ведь Россия матушка, русские люди отличаются добротой и жалостью, жестокость не украшает наших людей. Почему ярмарочные шуты и клоуны берут на себя наглость говорить от имени всего народа? И пусть сейчас их называют режиссерами, народными артистами, популярными телеведущими. ВСЕ РАВНО ЭТО ШУТЫ!!! Еще в начале прошлого века этому подлом племени разрешали входить в дома приличных людей только с черного хода! Хоронили за оградой кладбища, вместе с нехристями и самоубийцами! Профессии шута, лицедея считалась подлой! И вот поди ж ты, «звездами» называются ... тьфу! Почти все наркоманы и проститутки, они этого даже не скрывают. Депутатами становятся! Впрочем, чего удивляться, подлое сословие тоже хочет быть представленным в законодательной власти». Апполинарий на минутку останавливается, взгляд устремляется в сторону дымящейся мечети.

— А может зря так с любителями баранины? — неуверенно произносит он. — У мусульман с такими делами, я слышал, строго — пьяниц палками забивают до полусмерти, наркоманов просто убивают, проституток то ли на куски режут, то ли отстреливают. В общем, правильно поступают. Черт его знает! — пожимает он плечами. — Вроде правильное мировоззрение у людей на той стороне, но как-то вот оно не подходит нам. Почему? И так ли уж хороши те, кто исповедует принципы Мухаммада?

Придя домой, быстро разделся, прошел на кухню. Пицца летит в микроволновку прямо в упаковке, палец небрежно давит кнопку электрочайника. Тихо щелкает дверца холодильника, на столе появляется мятый пакет соуса. Апполинарий не глядя выдавливает толстую колбаску на кусок батона и сует в пасть. Рот наполняется печеным тестом и пополам с жирным соусом из майонеза, соленых огурчиков и перца. Апполинарий

удовлетворенно трясет головой, по пустой квартире разносится довольное мычание. «Заморив червячка» Кольшев садится за компьютер. Монитор загорается синим небесным пламенем, выскакивает заставка — что-то в море! — ее меняет гугловская белая витрина. Пальцы проворно касаются клавиш, в окне поиска пишутся слова.

— Может, я не прав? Может, я один такой урод, все вижу в черном цвете? — бормочет он под нос. — Вдруг все не так?

Первой строкой идет ссылка на архив столичной газеты. Апполинарий тычет стрелкой и тотчас появляется статья. Материал оказывается настолько интересным, что Кольшев не услышал мелодичного звона микроволновой печки, сообщившей о готовности пиццы ...

№ «Московский комсомолец», 01.11.2002

Слоеный пирог с тротиловой начинкой

Почему чеченские бандиты так вольготно чувствуют себя в столице

Олег Фочкин, Юлия Азман, Рита Мохель

Это неправда, что в Москве не бывает мирных чеченцев. Их очень много. Просто с течением времени от вольного московского воздуха с частью из них происходят странные превращения.

Не выдержавших ритма большого города студентов отчисляют. Коммерсантов ставит на место сама жизнь: они быстро понимают, что обманывать легче и, если честно, привычнее.

Вот эти две категории граждан и становятся платформой чеченской преступности. Пополняют же эту общность соплеменники-беспредельщики, прибывшие покорять Белокаменную на гоп-стоп.

Разросшейся банде нужны, конечно, хорошие связи — и в нее постепенно вливаются представители общественных движений и партий, а также работники органов власти и управления. С началом войны в этот многослойный пирог добавились еще «розочки» из боевиков-террористов. И получилось блюдо под условным названием «чеченская мафия в Москве».

Студенческая община

В начале 80-х Грозному разрешили засылать в столицу «десант» — абитуриентов. (Трех грозненских вузов — нефтяного, педагогического институтов и университета тамошней молодежи, видимо, не хватало). И потек в Москву постоянный людской ручеек, причем ехали только юноши, чеченки к наукам почему-то не тянулись. Эта абитура не потела на экзаменах — национальным кадрам были обеспечены вне конкурса, по разнарядке, места в лучших вузах — МГУ, МИИТе, Институте стали и сплавов, «плешке», «керосинке» и др.

Надо сказать, что самый знаменитый чеченский студент Шамиль Басаев, который в 1987 г. поступил в Московский институт инженеров землеустройства, а через год был отчислен за неуспеваемость, по всему, не был льготником. До этого он трижды самостоятельно пытался поступить в МГУ на юридический, но заваливал экзамены.

Льготники селились в вузовских общежитиях. Но стоило чеченскому мальчику очутиться в общежитии, он, как кукушонок, выживал соседей. В его комнате

обязательно поселялись неизвестно откуда взявшиеся земляки, потом они перебирались в соседние комнаты, занимали целые этажи.

Вскоре в МВД, КГБ и даже в ЦК КПСС посыпались родительские жалобы. И блатные детки обучались в престижных вузах вместе с чеченцами, и родители взвыли: «чехи» обкладывают богатеньких студентов данью, не дают прохода, бьют.

Заниматься буйными студентами поручили МУРу. Работать приходилось потихому. Проводили в общагах рейды, сотрудников на них бросали со всех отделений. Учитывая «горячий» темперамент «клиентов», привлекали и подразделение быстрого реагирования (такое подразделение из 24 человек еще в те годы было в МУРе — нечто вроде последующего СОБРа).

А заявлений от самих потерпевших почему-то не поступало. А раз не было заявлений, не было и уголовных дел. Но, как уверяют бывалые опера, именно из тех студентов вышли многие лидеры чеченских группировок.

На излете советских времен, в конце 80-х, набившие руку на мелком общажном рэкрете чеченские студии подсутились, первыми положили глаз на московские «толчки».

Собирать дань чеченцы брали русских. Сами только «наказывали» тех, кто неаккуратно платил.

Такая система рэкрета гордо звалась «чеченским порядком». Бывший студент Института им. Плеханова Атлангериев (по кличке Руслан) командовал группировкой, окопавшейся на Пятницкой улице в кафе «Лазанья».

Другим куском хлеба для подрастающих бандитов оказались гостиницы.

«Белград», «Байкал», «Заря», «Алтай», «Восток», «Молодежная» оказались под чеченским контролем. «Чехи» их буквально оккупировали. Причем за жилье не платили. Однажды для острастки у одной гостиницы устроили показательный расстрел.

Группировки даже назывались по названиям гостиниц: белградская, салютинская, украинская.

Кормилась потихоньку чеченская молодежь, человек по 30 в каждой группе. Разве сравнишь это с теми силами, которые орудовали в самой Чечне, и с бюджетными деньгами, которые перекачивались туда, в их кланы! Настоящая чеченская организованная преступность началась позже — с «авизовок».

В конце 80-х чеченцев поручили «опекать» 6-му управлению МВД — тому, которое некоторое время возглавлял Александр Гуров. Подразумевалось, что управление будет заниматься оргпреступностью, хотя в те годы такого понятия как бы не существовало. Вместо этого писали невразумительное: «опасные проявления рецидивной преступности...».

В МУРе в 1990–1991 гг. тоже начали формировать собственное «этническое» подразделение, впоследствии выросшее в «этнический» отдел — в составе отдела по борьбе с организованной и групповой преступностью. Разумеется, занимался этнической преступностью и КГБ.

Первый по-настоящему серьезный раздел рынка в Москве начался в 90-х гг. Только-только народились кооперативы, собственность из рук государства переходила в руки коммерсантов. Конечно, завидующие бандитские глаза не могли упустить такой возможности. Все группировки, в том числе и чеченские, вышли на

тропу войны: делить место под солнцем. На отвоеванных предприятиях чеченцы занимались вымогательством, «крышеванием», а в особо удачных случаях ставили под свой контроль всю опекаемую ими организацию, метастазами прорастая от охраны до высшего руководства.

Поначалу бандиты объединялись по территориальному признаку, на равных с чеченцами в группировках работали и земляки-ингуши. Но последние очень быстро ушли в самостоятельное плавание: в более спокойный полулегальный бизнес, в основном кредитно-финансовую деятельность. Чеченцы же всегда предпочитали более грубые силовые методы.

По оценкам исследователей, сегодня столичная чеченская диаспора составляет порядка 200 тысяч человек. Причем единого центра управления она не имеет. И криминальная ее часть — раковая опухоль — состоит из разрозненных группировок, известных по имени вожака, каждая из которых претендует на лидерство.

Все дороги ведут в Москву

Все эти примеры иллюстрируют процесс перетекания чеченских боевиков в столицу. Москва их притягивает, словно магнитом. Медом, что ли, им здесь намазано?

Опера говорят, что намазано. Например, для дестабилизации обстановки в России достаточно учинить какую-нибудь гадость в Ставрополье. А вот добиться серьезного резонанса на событие можно только в Москве. Да и «жирных» заложников проще всего найти именно в Москве.

И мирные чеченцы в Москве всегда остаются чеченцами. Они продолжают поддерживать связь с исторической родиной, прежде всего с теми тейпами, откуда сами родом. Если тейп принял решение воевать с федералами, ОПГ из Москвы его обязательно поддержит. А мирная родня порой просто не может отказать бандиту в услуге. Помочь деньгами, связями, информацией. Всем тем, чем помогли боевикам, приехавшим на захват «Норд-Оста».

Совсем недавно была пресечена деятельность одной фирмы, которая от души снабжала бандитов в Грозном камуфляжем. Наверняка бандиты нашли себе поставщиков с помощью своих же, московских чеченцев. Не без участия обрусевших сыновей ислама было налажено и финансирование банды Гелаева одним из московских банков, которым руководила уроженка Чечни. Финансисты вывозили в горы наличку, собранную с левых банковских операций.

Преступная чеченская группировка в Москве — величина не постоянная. Многие лидеры натворят дел в столице и тут же едут помогать родным бороться с федералами. А сделав военную карьеру, снова перебираются в Москву — контролировать «бизнес».

Радиоперехваты разговоров в Чечне явно указывают на связи боевиков — лидеров НВФ с соотечественниками за рубежом. По оперативным данным, в списке стран, где находятся эмиссары из воюющей Чечни, фигурируют Турция, Саудовская Аравия, США, Великобритания. Борцы с оргпреступностью говорят, что в схемах зарубежных финансовых вливаний московских чеченцев используют скорее всего как транзит между границей и непризнанной Ичкерией.

Султан Даудов (Султан Балашихинский) (1954) — был единственным чеченским вором в законе. Расстрелян 21 марта 1994 г. другим балашихинским вором в законе Захаром. Убит в «ставке» Захара, фирме «Интеррос», вместе с телохранителем. Раненый помощник Ислам сумел уйти на джипе и вскоре попал в руки местной милиции, предупрежденной о разборке. Захар с помощниками скрылся. Даудов выступал за мягкое вхождение своих земляков в российскую уголовную среду, считая: чем меньше войн и крови, тем больше доходы. Дружил с Сильвестром, Толей Белым...

Сегодня можно выделить трех чеченских воров в законе, чье слово имеет немалый вес. Это воры Майер, Умар Уфимский и Хусейн Слепой».

— Мда-а! — озадаченно мычит Апполинарий. — Ислам здесь явно ни причем. Написано давненько, но вряд ли сейчас что-то изменилось. Кстати, фамилии авторов ... конечно, жида — лучшие друзья мусульман. А ты чьи ожидал, арабские что ли? Так, ладно ... какими бы не были менты, они все-таки наши и чеченский мусор вычистят.

На глаза попала одна небольшая заметка о том, как много кавказцев промышляет торговлей и воровством в российских городах. Удивили не цифры, которые приводились — нашего жулья тоже хватает. Буквально поразили рассуждения читателей. Комментарии чеченцев и вообще кавказцев: все русские дураки, от них один разврат, они не ценят свою землю, а мы везде ездили, ездим и ездить будем (типа плевали на всех!) Комментарии русских: вот бы камер наблюдения побольше и пусть законы заработают. Поразительно, русские уповают на камеры наблюдения и законы! А сами-то что? Или выродились потомки Ермака и Александра Невского? Что произошло с этим народом, Господи!? Или опять нужно нашествие очередной орды, чтобы избавиться от коросты и стать сильным? Комменты горцев можно выразить одной фразой: одна палка, два струна, мы хозяин вся страна! Такое уже слышали еще в тридцатые годы. Напомнить, чем закончились эти песни для крымских татар, чеченцев и других «хозяев»? Расстрелами и поголовной депортацией! Гитлеровцы формировали батальоны карателей из крымских татар, которым поручались самые грязные акции по уничтожению русского населения Крыма. И они выполняли их с рвением и усердием при полной поддержке всего крымско-татарского населения! По данным НКВД 63 % всех призывников из Чечни дезертировали из действующей армии с оружием в руках. Из них формировались бандитские шайки в тылу Красной Армии, которые грабили русское население, используя форму военнослужащих. В конечном счете эти банды стекались в Чечню, где занимались набегами на жителей Ставрополя. Эта информация взята из рассекреченных архивов НКВД и ей можно верить. Потому что в ведомстве, где за качество работы отвечали головой в буквальном смысле, халтуры не могло быть в принципе. Коммунисты прекрасно понимали последствия выселения народов, знали, что своими руками воспитывают сотни и тысячи врагов Советской власти. Но из двух зол выбирают меньшее и депортация чеченцев и крымских татар как раз и была тем меньшим злом.

Федеральные каналы как-то показывали, как расстреливали рабочих в Новочеркасске при Хрущеве. Подробно показали, с рассказами очевидцев. И ведущим был такой обаятельный, с мудрыми и печальными глазами еврейского раввина. Вся страна узнала, как русские солдаты расстреливали русских рабочих. Но никто и словом не обмолвился, что уже

в 58-м году в Грозном произошли массовые выступления, вызванные проявлением национализма со стороны вернувшихся чеченцев. Непосредственной причиной послужила драка, в результате которой был убит Евгений Степашин, рабочий Грозненского химического завода, другой рабочий, Владимир Коротчев, получил тяжелые ножевые ранения. В городе начались массовые митинги с требованиями положить конец постоянному насилию со стороны вернувшихся чеченцев. Недавно в прессе были опубликованы интересные документы, порожденные событиями в Грозном. Вот, например, текст листовки, распространявшейся в городе:

«Товарищи! Вчера проносили мимо обкома гроб товарища, зарезанного чеченцами. Вместо того чтобы принять соответствующие меры по отношению к убийцам, милиция разогнала демонстрацию рабочих и арестовала 50 человек ни в чем не повинных людей. Так давайте же бросим работу в 11 часов и пойдем в обком партии с требованием освободить товарищей!»

(«Независимая газета» 30.08.00)

Протест вылился в стихийный бунт, в результате которого был разгромлен обком партии и некоторые другие административные здания. Но наиболее показательным документом является текст резолюции, принятой митингующими:

«Учитывая проявление со стороны чечено-ингушского населения зверского отношения к народам других национальностей, выражающегося в резне, убийствах, насилии и издевательствах, — говорилось в ней, — трудящиеся города Грозного от имени большинства населения республики предлагают:

1. С 27 августа 1958 года переименовать ЧИ АССР в Грозненскую область или же в Межнациональную советскую социалистическую республику;
2. Чечено-ингушскому населению разрешить проживать в Грозненской области не более 10 % от общего количества населения;
3. Переселить передовую прогрессивную комсомольскую молодежь различных национальностей из других республик для освоения богатств Грозненской области и для развития сельского хозяйства...»

(«Независимая газета» 30.08.00)

В резолюции ясно читается бунт советских людей против наступающего национализма. Как и произошедшая через несколько лет трагедия в Новочеркасске, события в Грозном отражали протест советского общества против начавшегося контрреволюционного разворота. В этом смысле Новочеркасск и Грозный явления одного порядка. Кстати, и в Грозном тоже солдаты стреляли по митингующим, а после подавления протеста по городу прошла волна арестов.

(сайт Bacillar.AZ)

... вы не цените свою землю. А вот это до боли знакомо! Кажется, еще Маргарет Тэтчер высказывалась по поводу того, что русские владеют землями, которые не могут освоить. То есть Сибирь принадлежит не им, а всему миру (читай США и Англии!). Уж они-то

распорядятся на благо всей Земли! А если посмотреть на это дело еще внимательнее, то обнаружится, что точно так же рассуждал Гитлер. Он прямо указывал в «Main Kampf», что недочеловеки, то есть мы с вами, занимаем жизненное пространство, предназначенное для высшей расы — германских арийцев. Раз так, то юберменьшей надо уничтожить. Что он с успехом и делал, пока мы ему рога не обломали, а Германию засунули в дерьмо так глубоко, что она до сих пор боится иметь нормальную армию. Так, вооруженные отряды. Интересная получается цепочка: Гитлер, Тэтчер — она озвучила то, что думает вся англосаксонская правящая элита — и наши нынешние «друзья» с Кавказа и прилегающих территорий. Получается, что все эти «даги», «чичи», «грызуны» и прочие усатые любители баранины и кинжалов, как и Гитлер, уверены, что мы занимаем их жизненное пространство? Да. А как еще можно объяснить непрекращающуюся агрессию с их стороны? Если ты даешь отпор зарвавшемуся негодяю, который с трудом говорит по-русски, тебя обвиняют в фашизме. Если кавказец избивает тебя, грабит и издевается — он борется с русских шовинизмом.

Представьте себе, что вы построили дом. Много лет трудились, отказывали себе в развлечениях и отдыхе, складывали копеечку к копейке. Вы старались изо всех сил. И вот, наконец, дом построен. Рядом жена, дети и внуки. Все прекрасно! Но к вам в дом приходят неизвестные люди и говорят — ты слишком хорошо живешь. Ты веришь не в того бога. Твоя жена одевается неправильно. Твои дети учатся не тому, что надо. И вообще, слишком много комнат, в твоём доме будем жить мы. Ты возмущаешься, а тебе в рыло! На следующее утро ты видишь, что продукты из холодильника исчезли, на кухонном столе режут живого барана и кровью залит пол, туалет засран до краев — новые жильцы не умеют пользоваться унитазом. В душе не выключена вода, горят все лампочки, работают все электроприборы — новые жильцы уверены, что по счетам станешь платить ты. Ну, раньше же платил! Как законопослушный гражданин ты обращаешься в правоохранительные органы. Являются правозащитники. И начинают втолковывать тебе, что эти дикари тоже имеют права. На твой дом, на твою жену, на твоих детей. Обалдев от такого «закидона» ты спрашиваешь: как так? Не может быть! Может, отвечают тебе. Потому что когда твои прадеды строили города, ходили на кораблях за три моря, создавали науку, искусство и технологии, предки этих людей жили в пещерах, носили одежду из бараньих шкур и разговаривали на языке жестов и коротких звуков бэ и му. Абыдно? Еще как! Так ведь надо было учиться, работать. Мы вот им и заводы строили, школы открывали — вякаешь ты изумленно. Ну что вы в самом деле все о прошлом? — снисходительно так отвечают тебе. — Надо жить сегодняшним днем. Эти люди желают приобщиться к благам цивилизации. Неужели ты против? Ты говоришь, что нет, но есть право собственности, показываешь документы, оплаченные счета ... Тебя спрашивают так это трагически — ты что, фашист? Неужели в твоём сердце не осталось чувства жалости? Посмотри на этих несчастных! А тем временем за спинами правозащитников застенчиво ковыряются в носу детишки «гостей» и вытирают пальцы о шторы, женщины в наглухо повязанных платках примеряют платья твоей жены, а мужчины, нагло усмехаясь, копаются в твоём бумажнике.

Когда великий русский поэт писал, что никогда не бил по голове братьев меньших, он говорил только о собаках.

Когда генерал Ермолов докладывал царю о главной мерзости на Кавказе, он писал о чеченцах.

Размышления Апполинария все чаще прерывала одна и та же мысль — а ведь я

рассуждаю, как самый настоящий нацист! Это нехорошо, идеология фашизма осуждается всем прогрессивным — да нет, всеми нормальными людьми. Ну, действительно, нельзя делить людей по цвету кожи или разрезу глаз. Умственные способности и моральные устои не зависят от формы носа и уровня пигментации, это же очевидно!

А Я И НЕ ДЕЛЮ! ЭТО МЕНЯ ДЕЛЯТ! ЭТО МЕНЯ МАЖУТ ГРЯЗЬЮ, ЭТО М ГОВОРЯТ, ЧТО Я НЕДОЧЕЛОВЕК, ЧТО МОЯ ВЕРА НЕПРАВИЛЬНАЯ, А ЗЕМ НА КОТОРОЙ Я ЖИВУ, МНЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ!

Кстати, о фашизме в общепринятом понимании ... Это явление или идеология — как угодно! — настолько многогранно и сложно, что даже среди так называемых специалистов, то есть «политологов» и «социологов», нет ясного определения фашизма. А значит, нет и понимания, что же это такое на самом деле. Национализм существовал всегда, у всех народов, при любом строе и форме правления. Есть и сейчас. Потому что национализм — это общественный инстинкт самосохранения. Иначе малый народ растворится в культурной среде большего народа и перестанет существовать. Умирать никто не хочет, ни люди, ни народы. И поэтому национализм был, есть и будет до тех пор, пока существует человечество. Главная отличительная черта фашизма — нетерпимость к представителям иных рас. Отличительная черта коммунизма — нетерпимость к представителям иных классов. Можно смело делать вывод — фашизм и коммунизм синонимы, две стороны одной медали. Не верите? Тогда сравните число жертв германского фашизма среди немцев и русского коммунизма среди населения СССР. А также китайского, камбоджийского и целого ряда других. А если посмотреть на коммунизм с точки зрения здравого смысла, то эта идеология стократно хуже фашизма. Гитлеровцы уничтожали другие народы, свой, германский, всячески оберегали и лелеяли. Коммунисты уничтожали единокровных братьев. Это все равно, как если бы вы убивали своих детей только за то, что они хотят смотреть мультики, а вы желаете, чтобы они слушали чтение сказок вслух. Причем тех, которые вы считаете полезными для детей, а не тех, которые нравятся им. А когда с работы вернется жена, вы ей предложите сделать новых, «правильных» детей. Ну, а если откажется — что ж, в лагерь ее, стерву! Лес валить или канал рыть.

Во второй половине двадцатого века появился новый вид фашизма — исламский. Термин «исламофашизм» ввел в оборот французский писатель Максим Роденсон. Именно так он охарактеризовал революцию в Иране 1978 года. Этот термин наиболее точно характеризует то, что сегодня политкорректно называют международным терроризмом — такое же мутное и невразумительное определение, как международный империализм или всепланетный коммунистический заговор. Есть ислам, а есть исламофашизм, характеризующийся патологической ненавистью к людям другой веры. Эта идеология тотального уничтожения людей по религиозным признакам. Война с исламофашизмом идет по всей планете уже давно. Первыми этот факт признали американцы.

«Противостояние терроризму — первостепенная задача XXI века. Это только начало длительной борьбы с идеологией, идеологией реальной и глубокой. Это — исламофашизм. Он выступает в разных обличьях, но его последователи применяют единую тактику, направленную на уничтожение людей и имущества ради воцарения хаоса, в надежде на то, что их видение мира станет доминирующим на Ближнем Востоке».

А так же во всем мире!

На территории России боевые действия ведутся уже второе десятилетие. Две чеченских войны только верхушка айсберга. Враг разбит в открытом бою, но отнюдь не уничтожен. Он изменил тактику. Удары наносятся исподтишка, в спину, вдесятером на одного. Если не оказывать сопротивления, обнаглевший враг изгоняет людей с их земли всеми мыслимыми и немыслимыми средствами. Если ударить в ответ, раздастся визг, истеричные рыдания и вопли — в России поднимает голову шовинизм! Американцы уничтожают исламофашистов по всему миру, нисколько не считаясь с так называемым «общественным мнением», загоняет в лагеря смерти, где исламских изуверов без малейших мук совести подвергают заслуженным пыткам. Нынешняя российская власть трусливо идет на поводу исламофашистских фюреров, которые открыто шантажируют кремлевских «сидельцев» то проблемами с Олимпиадой, то политическими сложностями на всем Кавказе. Сегодняшняя российская власть изо всех сил старается, что бы кавказские народы чувствовали себя высшей расой. А русские, которых, кстати, более восьмидесяти процентов в России, были и оставались гражданами второго сорта, чей удел — работать, работать и работать. А все заработанное отдавать племенам горных дикарей. (Согласно официальным данным Росстата, все кавказские республики являются дотационными). Ежегодный прирост населения этих республик идет опережающими темпами. Если называть вещи своими именами, мы сами выкармливаем будущих господ России. А также хозяев наших детей, внуков и правнуков!

Апполинарий тяжело вздохнул, пальцы сжали переносицу — а может быть, я ошибаюсь? Все не так плохо, как кажется, это всего лишь результат переутомления?

Топор еще раз просмотрел видеозапись побоища у центральной мечети, кликнул «стоп».

— Что ж, все правильно. В чужой монастырь со своим уставом не лезут. Но эта простая истина, судя по всему, для кавказцев непостижима, — со вздохом произнес он.

— Представляете, сколько вони будет? — спросил Апполинарий. — Кстати, я заметил — последнее время среди профессиональных правозащитников появилось много чеченцев.

— И адвокатов, — кивнул Топор. — А что вы хотели? Они же не дураки, понимают, что лобовой атакой не возьмешь. Непосредственных исполнителей терактов уничтожают на месте, пособников — даже тех, кто суп варил! — сажают на пятнадцать лет. А наши зеки тоже ... наши люди, выпускают кишки «чичикам» при первой же возможности. Удивляет другое — а где пресловутые скинхеды? Сколько разговоров, шума в прессе — фашисты мол, нацисты! — но что-то не видно их. Или наши доморощенные сторонники расовой теории только с таджикскими девочками воюют? Ваша компания, насколько я помню, по мелочам не разменивалась, а?

Апполинарий пожал плечами.

— Группа состояла из представителей низов. Дети с рабочих окраин, сироты. Люди без перспектив в этой жизни. Чеченский экстремизм имеет те же корни. Кем может стать половозрелый «чичик», вообще кавказец? Шофер, базарный торговец, уборщик. Это у нас в полицию никто не хочет идти. Разве что начальником. А у них даже рядовым ментом стать — привилегия! Взятки платят едва ли не больше, чем калым за невесту. Все сферы государственного управления поделены между кланами, чужих не пускают. Потому много недовольных, без конца кого-то убивают. Кавказ будет кипеть еще лет сто, если не больше.

— А накопиться выплескиваться к нам! — покачал головой Топор.

Мелодично чирикает телефон. На черной коробке стационарного аппарата зажигается красный огонек. Топор бросает неприязненный взгляд, лицо кривится, словно на экране высвечивается неприличное слово.

— Кого там ... А, Оля, вы вовремя! — улыбается Топор и лицо становится приветливым.

— Слушаю вас, Сергей Анатольевич, — слышен женский голос из динамика.

— Именно сию минуту думал о вас, госпожа Саранцева, — с усмешкой говорит Топор.

— Внимаю вам с замиранием сердца, Сергей Анатольевич! — с придыханием произносит Ольга.

Апполинарий изумленно поднимает брови — у Саранцевой есть чувство юмора? Вот уж никак бы не подумал!

— Случай у мечети. Надо организовать ряд статей и репортажей по интернету, оправдывающие действия жителей города. Нашим ментам напомнить, кому служат. Вы понимаете меня?

— Конечно! Все будет сделано, Сергей Анатольевич.

— Вот и ладно. Надеюсь узнать о проделанной работе уже завтра утром из местных новостей, — кивнул Топор. — Так как насчет скинхедов, Апполинарий? Я не просто так спросил. Погром у мечети аукнется по всей стране. И первыми отзовутся чечены. Их десант в город ожидается на днях. Конечно, попытаемся остановить на подходах, но эта мразь все

равно просочится в город. Благодаря политике Кремля чеченцы чувствуют полную вседозволенность в России. Вожди боятся дестабилизации в Чечне, ведь скоро какие-то международные соревнования, мать их! Ублюдки!!! — выругался Топор.

Кого имел в виду заместитель мэра, называя ублюдками, Апполинарий уточнять не стал. Каждый понимает по-своему.

Пользуясь тем, что должность помощника не предусматривает восьмичасовое просиживание штанов в служебном помещении, Апполинарий после обеда ушел домой. Так даже удобнее работать — никто не лезет с вопросами, не просит займы до получки, не советует посетить новый порносайт — как будто на старых не тоже самое! — и не сует нос в твои дела. О восстановлении старых связей Апполинарий и сам подумывал. Все-таки советник по большому счету просто безответственный болтун. Другое дело — реальные поступки. Как ни старался Апполинарий убедить себя, что ксенофобия плохо, не получалось. Любая идея, в том числе о равенстве и братстве народов, должна разделяться этими самыми народами. Создать расистское государство в отдельной стране можно, но нельзя построить общество всеобщей любви и толерантности среди разбойников и воров. Как разоружение должно быть всеобщим, так и национализм должен отторгаться всеми. Увы, до искоренения расизма так же далеко, как до всеобщего разоружения. «А что прикажете делать? — думал Апполинарий, копаясь в ворохе бумаг в надежде найти хоть один номер телефона кого-то из компании Кира. — Пока одни красиво рассуждают о любви к ближнему с иным цветом кожи и вероисповеданием, эти самые «ближние» точат ножи и присматриваются, как удобнее рубануть по шее. А Васька слушает, да ест! Ага, вот! И еще номера ... щас буду звонить!» Первая попытка оказалась неудачной. Абонент на том конце послал Апполинария на три буквы, как только узнал, с кем говорит. По второму никто не ответил и только третий звонок попал в цель. Повзрослевший голос ответил, что готов встретиться и обсудить все проблемы.

— Вас зовут Павел, я не ошибся? — уточнил на всякий случай Кольшев, так как на бумажке имя написано неразборчиво.

— Да, вы не ошиблись, Павел Точилин. Если вы не заняты, можно встретиться в «Челентано» прямо сейчас.

— Простите, а что это такое? — уточнил Апполинарий. — Я не знаток увеселительных заведений.

— Недалеко от вашего дома, Апполинарий Павлович, построен гипермаркет размером с футбольное поле. Три этажа магазинов и ресторанчиков. Кафе, носящее фамилию итальянского певца, расположено на последнем, третьем этаже, между катком и площадкой для катания на роликах, — обстоятельно пояснил Павел Точилин. — Приходите к шести, поговорим, а потом покатаемся.

— Благодарю. Насчет катания не знаю, а вот поговорить есть о чем, — ответил Кольшев и нажал отбой.

«Кто же это такой, Павел Точилин? — задумался он, глядя на ворох бумаг на столе. — Я вроде не помню такого! Черт, а как я его узнаю? Вот, блин, дурак! Что ж делать-то? Перезванивать неудобно». Раздосадованный собственной беспамятностью, Апполинарий со злостью запикивает бумаги в стол. Часы показывают половину шестого. До гипермаркета топтать полквартала, потом еще надо отыскать это кафе. Интересно, в какой одежде катаются на роликах? Наверно, в джинсах. В этих синих штанах куда только не ходят.

Здание гипермаркета из стекла, железных балок и пластика похоже на вытянутый римский Колизей. Или сказочное чудовище, на вдохе затягивающее внутрь десятки людей, а на выдохе выплевывающее, но уже с покупками. Как только Апполинарий переступил порог магазина, в лицо дунул прохладный ветер из воздушной пушки на входе. Фотоэлемент заметил сутулую фигуру бывшего преподавателя латыни и экстремиста, стеклянные двери раздвинулись, охранники возле банкомата равнодушно окинули взглядом и отвернулись. Прохладный холл засверкал витринами, обнял музыкой и пригласил пройти вдаль, к умопомрачительным скидкам и распродажам. Впереди показалась рощица тропических джунглей. Прямо в зарослях расположились столики, за барной стойкой девушка в оранжевом топике деловито взбалтывает коктейль. По краям островка джунглей всех желающих эскалаторы возносят на следующий этаж. Апполинарий послушно становится на железную ступеньку. Мимо плывут пластмассовые лианы, стволы пальм из папье-маше. Апполинарий невольно смотрит вниз, взгляд моментально останавливается на оранжевом топике барменши. Сверху хорошо видно, какая сногсшибательная грудь у девушки. Но эскалатор слишком быстро ползет вверх и Апполинарий вынужден тянуться, дабы не упустить детали. В конце концов пальмовые листья загораживают чудную картинку, Апполинарий вынужденно отворачивается. И сразу натывается на осуждающий взор какой-то бабульки! Старая карга трясет головенкой, губы шевелятся, взгляд строг, как у государственного обвинителя на судебном процессе. Кольшев было смутился, но потом скидывает подбородок, брови изгибаются домиком, уголки губ опускаются. Всем своим видом он как бы говорит — а что такого? Я нормальный мужик, разглядываю красивую женщину. На тебя, что ли, кикимора, засматриваться? Или на мальчиков, дура из позапрошлого века? Ресторанчики имени знаменитого в нашей стране итальянца действительно оказался между двух площадок для катания. Подавали в нем, естественно, итальянскую пиццу, сделанную где-то под Москвой и что-то еще, тоже европейское по названию и нижегородское по месту рождения. Апполинарий совершенно не представлял, как искать парня, поэтому просто сел на первое же свободное место за столиком. Почти тотчас рядом появилась девушка официант, усталый голос произнес:

— Что будете заказывать?

— Да вот... — начал было Апполинарий, но чей-то знакомый голос мягко прерывает: — Если не возражаете, Апполинарий Павлович, чай! Зеленый. Вот за тот столик пожалуйста.

Кольшев поднимает взгляд — рядом стоит молодой человек в сереньких джинсах и серой футболке с длинными рукавами. На обычном мальчишеском лице продолговатые очки в роговой оправе выглядят чересчур серьезно. На скулах видны редкие веснушки, светлые волосы зачесаны наперед. Апполинарий послушно садится за стол. Здесь сиденья мягкие и места гораздо больше.

— Тут удобнее, правда? — спрашивает парень. Затем добавляет: — Вижу, вы меня не узнали.

— Да, простите. — смутился Апполинарий. — Как-то не запомнил вас. Вы не ходили в качалку?

— Нет. И в экзекуциях кавказцев тоже не участвовал. Но внимательно слушал вас, — с улыбкой ответил парень.

И тут Апполинарий вспомнил! Этот молодой человек всегда сидел сзади, никогда не

задавал вопросов, только слушал. Наверно, поэтому и не запомнился. Остальные скинхеды шумели, ругались матом, от них пахло кожей, бензином и потом. Точилин предпочитал обычные джинсы и куртку, вел себя тихо и сторонился драк. Короче говоря, если и скинхед, то нетипичный. Он и сейчас держал в руке книгу, обернутую газетой.

— Что читаете, Павел? — с улыбкой спросил Апполинарий.

— Mein Kampf, — ответил Точилин с таким видом, словно эта книга сборник лирических стихов.

— Адольфа Алоисиевича? Я не ослышался? — изумился Кольшев.

— Да. Это второе издание 1992 года в переводе Карла Радека. Ограниченный тираж для учебных заведений, в продаже встречается чрезвычайно редко. Последний раз издавалась, кажется, в 2003 году. Потом Общественная Палата выступила с предложением запретить печатать все материалы, автором которых был фюрер.

— Идиоты! Чем же они лучше его! — вырвалось восклицание у Кольшева.

— Вы правы, — вежливо кивает Павел. — Тот приказал сжигать книги неугодных авторов, эти просто запрещают. Тупицы не понимают, что каждый желающий может скачать с интернета и распечатать, а запреты делают идею только привлекательнее. Усиленно навязываемый обществу антифашизм приводит к обратным результатам при столкновении с российской реальностью. В Европе положение не лучше.

Парнишке не больше двадцати, но говорит он, словно пожилой, много повидавший на своем веку мужчина. Голос звучит монотонно, фразы выстроены ровно, словно говорящий ведет урок.

— Чем занимаетесь, Павел?

— Я студент второго курса педагогического университета. Учусь на историка. Кстати, эта книга издавалась для студентов и ученых, предназначена для изучения, а не для чтения широкой публикой. На ней даже стоит гриф «для служебного пользования». Дать вам прочесть не могу, это будет распространением экстремистских материалов. Уголовная ответственность очень серьезная. Но вы можете легко найти в интернете, скачать и распечатать.

— Благодарю. Обязательно прочту.

— Вы хотели обсудить со мной какую-то проблему? Какую именно? — вежливо спрашивает Павел.

— Вы слышали о последних событиях возле мечети?

— Разумеется. Многие мои друзья принимали участие в уборке улиц.

— Не понял ... что вы имеете в виду?

— Да рога ломали ублюдкам! — с улыбкой пояснил Точилин.

— А, теперь понятно. Видите ли, Павел, чеченцы не оставят это дело так, обязательно захотят отомстить.

— Опасаетесь повторений событий в Угличе в 2002 году? — перебивает Павел.

— Простите, я не в курсе, — развел руки Кольшев.

— Один из чеченцев убил русского. Милиция, как всегда, ничего не предприняла. Местные жители учинили самосуд, на помощь чеченцам приехали земляки из соседних областей — примерно сорок машин катались по городу с зажженными фарами, пассажиры выкрикивали националистические лозунги и стреляли в воздух. Показывали, кто в городе хозяин. Подобных примеров много по России.

— Вот как. Да, возможно, и у нас будет такое. Приезд чеченов ожидается завтра. Нужны

люди, способные оказать сопротивление, Павел.

— А менты? Они, как всегда, будут на стороне чичей.

— Они ... опоздают, — с улыбкой ответил Апполинарий.

— Вы уверены?

— Абсолютно, — кивнул Кольшев.

— Хорошо. Тогда давайте придумаем план. Я предлагаю ...

Уверенные в полной безнаказанности «мстители» появились в половине восьмого вечера. Колонну машин — сплошь дорогие иномарки! — заметили посетители придорожного кафе «Золотой Петушок», расположенного сразу за мостом через речку. Дальше дорога идет по насыпи, слева железнодорожные пути, справа, за дорожным ограждением, бетонированный склон. Автомобили движутся посередине шоссе, с зажженными фарами, самодельными мигалками и звуковыми сигналами. Встречные машины безропотно уступали дорогу — никому не хотелось связываться со стаей бешеных зверей, вооруженных ножами, арматурой и огнестрельным оружием, вполне легально приобретенным через республиканский союз охотников. Один из посетителей достает телефон, бросает несколько слов. Со стоянки возле кафе одна за другой выезжают два автомобиля. Задрипанные «Москвичи» с трудом выбираются на проезжую часть. Изношенные моторы режут и кашляют пробитыми глушителями, из выхлопных труб вырываются клубы вонючего дыма, раздаётся скрежет и стук. Автомобили, когда-то бывшие гордостью советского автопрома, нынче похожи на умирающих от старости трансформеров. Одна из машин замирает поперек шоссе, вторая описывает полукруг и врежется в сморщенную морду первой. Слышен стук и треск, будто кувалдой ударили по грецкому ореху размером с ведро, раздаётся душераздирающий скрежет и капоты обеих машин угрожающе топорчатся, словно индюшачьи хвосты. Из пробитых радиаторов поднимается легкий парок, весело искрят провода, масляная капля расплзается по асфальту забавной лужицей. Жизнь покинула стальные тела советских драндулетов и «Москвичи» почили в бозе точно посередине проезжей части. Шоссе оказалось наглухо перекрыто. Из кабин лениво выбираются водители, слышна вялая перебранка:

— Колян, ты мудака! — провозглашает один.

— Нет, Ваня, это ты мудака, — не соглашается второй.

— Звони гаишникам, Колян! — велит первый водитель.

— Нет, Ваня, поскольку мудака ты, то тебе и звонить, — резонно возражает второй.

— Не-а, не буду. Ментам за вызов платить надо.

— Ну и хрен с тобой, не звони. Покурим?

— Давай!

Вспыхивает пламя зажигалки, на несколько секунд освещая лица водителей, загораются багровые огоньки сигарет, ночной воздух пахнет табачным дымом. Колонна дорогих иномарок постепенно удаляется, слабеет свет фар и мигалок, стихают звуки клаксонов. В бледном свете редких фонарей видны блестящие кузова. Кажется, будто по шоссе ползет стадо гигантских жуков. За придорожным кафе со сказочным названием «Золотой Петушок», в крошечной темноте загораются кроваво-красные глаза габаритных огней, раздаётся натужный рев мощного дизеля. Хрустит дробящийся в пыль гравий на обочине дороги, воздух наполняется сладковатым запахом сгорающей солянки, рев усиливается. В рассеянном свете придорожного фонаря видно, как на шоссе медленно выползает огромный

грейдер. Желто-черное чудовище по имени «Caterpillar» движется следом за ушедшей далеко вперед колонной. Нереально толстые и больше колеса вминают асфальт с такой силой, что кажется, будто по краям дороги сухую землю выдавливает наружу, как сливочное масло. Косой бульдозерный нож, словно челюсть инопланетного чудовища, приподнят над дорожным покрытием и прижат к железному брюху. Морда машины сильно вытянута вперед, сужена, как у аллигатора и заканчивается еще одним ножом с клыками. Круглые фары горят желтым огнем, словно вытаращенные в ярости глаза чудовища. Высоко поднятая над землей кабина на мгновение освещается изнутри, видна фигура водителя, склонившегося над пультом управления. Свет гаснет, грейдер набирает скорость. Края выпуклых бульдозерных ножей выступают с боков, словно перевернутые железные паруса. Через несколько секунд машина удаляется настолько, что в поле зрения остаются только пылающие красным светом габаритные огни, уменьшающиеся с каждым мгновением.

До городской черты остается с полкилометра, уже хорошо видны окраинные многоэтажки, умиротворенно светятся окна домов. Через считанные минуты моторизованная банда исламофашистов ворвется в город и начнется резня, акт безнаказанного геноцида в отдельно взятом русском городе. Окраинные кварталы опоясывает железная дорога. Она пересекает шоссе у самого въезда в город. Красно-белый шлагбаум поднят, на обочине возвышается каменной громадой полицейский «Волк». Как только гудящая колонна приблизилась, вспыхивает «мигалка», распахиваются бронированные двери автомобиля, из машины выходит несколько полицейских. Все с автоматами, головы скрыты под стальными шлемами, бронежилеты топорщатся от дополнительной защиты. Один выходит на середину дороге, рука с полосатой палочкой поднимается. Тотчас впереди опускается шлагбаум, из земли высовываются железные челюсти отбойника. (Таковыми приспособлениями оснащены почти все российские переезды, так как жалкая тростинка стандартного шлагбаума не помеха пьяным русским трактористам!) Передовая машина останавливается, не доезжая десяти метров до шлагбаума. Из дорожного G-wagen неспешно выбирают трое кавказцев в кожаных куртках. Последним нарочито медленно ступает на землю сухощавый мужчина в странной для российской глубинки каракулевой папахе. Владелец дурацкого колпака из бараньей шкуры направляется к полицейским. Мужчина останавливается, сопровождающие нукеры замирают полукругом за спиной. Руки у всех в карманах. Полицейские рассредоточиваются вдоль борта «Волка». В рваном свете мигалки можно разглядеть, что оружие наготове и снято с предохранителей. Кавказец в каракулевой папахе это сразу замечает. На продолговатом лице утренней зарей расцветает радушная улыбка, руки разводятся на уровне груди, словно приглашая в объятия, доброжелательный голос звучит, будто у свадебного тамады:

— Что случилось, уважаемые? Почему мы не можем проехать в гости к землякам?

Ответа не последовало. Полицейские молча наблюдают за кавказцами в кожаных куртках, стволы автоматов медленно поворачиваются, тупые болванки пламегасителей смотрят прямо в лица незваных гостей. Наступает тишина. Пауза затягивается, из колонны автомашин слышны недовольные крики, сигналы клаксонов разрывают ночную тишину мерзким рывканьем и воем.

— Что за беспредел, менты? Забыли, кто в городе хозяин? — насмешливо спрашивает один из сопровождающих каракулевою папаху.

— И в России? — ухмыляется другой.

Ответа опять нет. Полицейские молча переглядываются и кажется, будто к чему-то

прислушиваются. Удивительное и необъяснимое равнодушие русских явно оскорбляет «гостей».

— Мильцо кладут на нас, ваши! — мешая русские и чеченские слова, восклицает кавказец в кожаной куртке. — Чего мы ждем?

— Спокойно! — восклицает «папах», правая рука властно вздымается вверх.

Поведение русской полиции, обычно угодливое и даже услужливое по отношению к выходцам с Кавказа, на этот раз выглядит странным. Так ведут себя солдаты на передовой перед боем. Вот-вот командир рявкнет хриплым голосом — огонь! — окаменеют лица бойцов, глаза вспыхнут веселой жестокостью, загремят выстрелы, словно барабанная дробь. «Баранья шапка» сильно встревожена. Уж она-то хорошо знает, что везут «гости» в багажниках автомобилей. И какие «гостинцы» сжимают пальцы его охранников в карманах курток. Эти «мусора позорные», похоже, совсем не настроены на взаимовыгодные отношения. Наоборот — одно неосторожное движение и полицейские автоматы плюнут струями огня. Тогда прощай папах, жизнь и карьера парламентария.

— Что такое, шайтан ...

С хвоста колонны послышался гул, какие-то хлопки и крики. Оборачиваясь на внезапный шум, «каракуль» заметил, как расцвели улыбками лица полицейских. А один громко, во весь голос, произносит:

— Ну, наконец-то!

Железная челюсть грейдера врезается стальным клином в последнюю машину колонны. Полированный багажник новенького БМВ с хрустом сминается, словно картонная упаковка чипсов. С коротким хлопком лопаются бензобаки, вонючая жидкость выплескивается прямо в салон и тотчас яркая вспышка озаряет ночную тьму — не надо было пассажирам БМВ курить! Изуродованная машина вспыхивает, словно набитая соломой. Грейдер прет, не останавливаясь и не замедляя движения. Косо поставленный нож отшвыривает горящую машину на обочину. От удара автомобиль переворачивается, моторное отделение проламывает ограждение и БМВ катится по склону, словно пылающая вулканическая бомба. Через считанные секунды взрывается следующая машина, затем еще и еще ... Мерседесы, БМВ, Ауди и Тойоты, Мазератти и Лексусы сминаются в хлам под мощными ударами грейдера, изуродованные автомобили подпрыгивают, словно мячики и с кастрюльным грохотом катятся по крутому склону вниз. Горящие машины сшибают телеграфные столбы, из порванных баков льется топливо, из разбитых окон вываливаются окровавленные тела, слышны страшные крики сгорающих заживо людей. В общем шуме и хаосе отчетливо раздаются хлопки и взрывы — это детонируют самодельные бомбы, заботливо приготовленные «гостями» для жителей русского города и взрываются патроны. Тяжелый грейдер, предназначенный для прокладывания дорог в горных условиях, ломится вперед, словно атомный ледокол, прокладывающий путь сквозь ледяные торосы мирным судам. Когда пахнет жареным — в буквальном смысле! — бандитское мышление срабатывает молниеносно. Только вот жадность подводит частенько. Гости в кожаных куртках бросаются к Гелендвагену спасать дорогую машину и свои шкуры. «Папах» тоже было делает шаг к машине, опомнившись, кричит:

— Стойте, дураки! Не успеете!

Хлопают двери, ревет мотор, рифленые покрышки с визгом втираются в асфальт, поднимают клубы мутного дыма. Чудо-машина, вундеркиндер немецкого автопрома разворачивается на пятачке, словно танк. Удрать можно только в одну сторону — вправо, по

склону вниз и далее по проселочной дороге прочь от страшного места. Путь преграждает железная полоса дорожного ограждения. Водитель жмет педаль газа, джип упирается тупым рылом в ограждение. «На рывок» нельзя, склон слишком крут. Гелендваген выдирает опоры «с мясом», рвет ограждение, но железо не бумага, так просто не поддается. Бухающие удары от расшвыриваемых автомобилей стремительно приближаются, словно тяжелая поступь великана. Ревущий Caterpillar несется на джип, будто расвирепевший бык на тореадора неудачника. Стальная челюсть ножа приближается, тупое рыло грейдера забрызгано машинным маслом, кровью и чем-то еще бледно серым, по краям свисают ключья полированного автомобильного железа, какие-то тряпки плещутся на ветру, словно маленькие флажки. Пассажиры джипа понимают, что жить осталось мгновение. Водитель со всей силы давит на педаль газа, покрышки рвутся о камни, раздаются громкие хлопки, но все звуки тонут в раздирающем уши реве двигателя грейдера. Ограждение держится из последних сил, с треском лопается и Гелендваген устремляется вперед, но поздно — нож грейдера сбивает джип на лету, словно теннисный мячик. Машина переворачивается, вытянутое рыло мотора ударяется о переднюю часть грейдера, сшибая фары и разрывая гидравлику. Масло блестящими струями вплескивается салон сквозь разбитые окна, заливая людей с головы до ног. Железная скула грейдера бьет еще раз и гелендваген, перекувыркнувшись два раза, рушится прямо на рельсы. От удара крыша сплющивается, слышен хруст и короткое чавканье, будто крыса под пресс попала. Тотчас раздается надрывной стон тормозов, огромный грейдер идет юзом по асфальту прямо на «папаху». Чеченец шустро прыгает в сторону, как большая жаба, перекувыркивается через голову и вскакивает, растопырив руки и вытаращив глаза. Мужчина трясет головой, лицо искажено страшной гримасой, из груди рвется крик:

— Что это такое!!!

Придорожные фонари равнодушно освещают пустынную дорогу. Асфальт усыпан кусками пластмассы, осколки стекла усеивают ровную ленту шоссе, словно россыпь алмазов. Справа, за изуродованным ограждением, пылают чадные костры, раздаются редкие взрывы и хлопки, слышны крики людей. Удушливый черный дым от горящего пластика расплзается по земле, поднимается по склону, змеиными языками струится над асфальтом. Это все, что осталось от нескольких десятков автомобилей и почти двух сотен «решительно настроенных мужчин».

— Чего вы стоите, мусора поганые! — кричит чеченец. — Убейте его! — и тычет дрожащим пальцем в кабину грейдера.

Громадная машина стоит, уткнувшись носом в отбойник на железнодорожном переходе. Передние колеса пробиты, нож зарылся в асфальт, грейдер наклонен вперед, словно подбитый танк на поле боя. Дверца кабины распахнута, но в салоне никого нет.

— Ловите его, этот убийца не ушел далеко! — снова вскрикивает чеченец.

— Ага, щас... — лениво отвечает сержант. — Шнурки только завяжу.

Слышится далекий гул, звук приближается, превращаясь в грохот. Неожиданно резко звенит сигнал на переезде, вспыхивают красные огни. Из крошечной тьмы показываются слепящие огни прожекторов, истошный рев сирены режет ночь, будто топор палача. Через мгновение зеленая туша тепловоза сшибает с дороги изуродованный джип, как пустую картонную коробку. Запоздало взрывается бензин в баке, остатки гелендвагена вспыхивают ярким пламенем и огненной вулканической бомбой врезаются в землю метрах в двадцати от дороги. Состав несется с бешеной скоростью, мелькают пустые товарные вагоны, лязгают

колесные пары на стыках рельс. Через минуту грохот стихает, последний вагон тает в темноте. Издевательски нежно звенят колокольчики, красно-белые шлагбаумы синхронно поднимаются, отбойники прячутся в землю. От группы полицейских отделяется темная фигура и направляется прямо к последнему живому чеченцу. Полицейский с коротким автоматом в руке, в шлеме с поднятым забралом и бронежилете похож на каменное изваяние воина, что ожило на короткое время.

— Ты кто такой?

— Я ... я ... парламентарий! Вы не имеете права! — раздается в ответ лепечущий голосок.

— А че ты сразу о правах заговорил? — удивился полицейский. — Натворил что ль чего?

— Прекратите морочить мне голову! — взвизгивает владелец папахи (которая валяется в придорожной канаве). — Только что, на ваших глазах, произошло массовое убийство мирных российских граждан! — крепнет голосок.

— Да? А вон там, под откосом, че взрывается? Фейерверки китайские? Которые «мирные российские граждане» везли к нам в город на продажу, да? Ты, бля, укуренный что ли?

— Так, мне все понятно! Это проявление махрового русского национализма!! Здесь кругом одни фашисты!!! — взвизгивает чеченец. — Вы ... вы убийцы мирных горцев!

— Ага, скажи еще — школьников младших классов из дальних аулов, которых ты вез на экскурсию в краеведческий музей, — усмехнулся полицейский. Он протягивает руку, пальцы сжимают меховой воротник куртки так, что лицо чеченца перекашивается набок. — Знаешь, козел, почему это, — кивнул на догорающие автомобили под откосом, — случилось? Потому что вы — ДОСТАЛИ! Вы — чума, которая расплзается по всей России. Вы — мерзкие тошнотные насекомые, которых надо давить, жечь огнем и травить заморским ядом. А знаешь, почему я так думаю? Потому что я и мои друзья, — кивнул полицейский в сторону своих товарищей, — прошли обе чеченские войны. Вначале мы думали, что воюем с борцами за свободу. С солдатами. А потом увидели, что вы делаете с нашими пленными. Как вспарываете животы и наматываете кишки на шею еще живому солдату, а остальных заставляете смотреть. И все это снимаете на видео, а потом посылаете матерям солдат, чтобы они тоже глядели. И так поступали не отдельные отморозки из вас, а все! ВСЕ!!! — крикнул полицейский. — И тогда мы поняли, что сражаемся не с противником, а врагом, уничтожаем мразь, гадов инопланетных. И стали убивать всех, без разбору. Стариков — за то, что вырастили таких гадов. Женщин — за то, что рожали таких гадов. Детей — за то, что вырастут такими гадами. Мы думали, вы воины. А вы оказались падальщиками, гиенами, которые нападают вдесятером на одного, да и то, если ранен. Жаль, не позволили известить под корень весь ваш гнусный род, — прохрипел полицейский. — Разбежались тараканами по всей России. Живете стаями, как дикие звери, всего боитесь. А скажи, чичик, — берет милиционер за грудки, — ты в шахматы играть умеешь?

— Н-нет! — обалдевает чеченец.

— Вот! И никто из вас не умеет! Зато все чичинята занимаются вольной борьбой и рукопашным боем. А любого взрослого тряхни за шиворот — из кармана нож выпадет. Почему? Потому что трусы! — с презрением произносит полицейский, понизив голос и глядя в глаза. — Знаете, что мы долго терпим, зато больно бьем. Знаете, боитесь и ждете. А ну, что у тебя в карманах?

Полицейский встряхивает чеченца, как мешок с трухой. Из внутреннего кармана вываливается граната, подмышкой высовывается рукоять пистолета из наплечной кобуры.

— Я так и знал. А скажи, мирный российский гражданин, зачем тебе ствол? От улиток отбиваться? Так щас зима, нету улиток.

— Это наградной пистолет. У меня есть документы! Убери лапы, мусор!! — с ненавистью шепчет чеченец.

— Да? А лимонка тоже наградная? И на нее документы есть?

Полицейский наотмашь бьет автоматом по лицу, чеченец падает на асфальт. Губы мгновенно распухают, словно олады, из разбитого рта брызжет кровь.

— Ты ответишь за это, гадина ментовская! — говорит чеченец, плюясь кровью и осколками зубов. — Я депутат Государственной Думы, у меня неприкосновенность! Тебе это так не пройдет, шестерка. Мои помощники тебя на куски порежут, сволочь! Ты не убьешь меня!

Быстро сует руку за пазуху, но полицейский бьет ногой. Солдатский ботинок с железной накладкой на носке с силой врезается в локоть, сустав коротко трещит, рука неестественно изгибается. Бандит с депутатской неприкосновенностью визжит от боли, как недорезанная свинья, ноги дергаются, тело содрогается. Пистолет вываливается из расстегнутой кобуры, падает на асфальт. Полицейский поднимает «ствол», заботливо сдувает пыль и сует обратно в кобуру. Подбирает гранату. Пальцы аккуратно отгибают проволочные усики, кольцо падает на асфальт. Раздается негромкий хлопок, спусковая скоба отлетает в сторону. Полицейский быстро сует гранату во внутренний карман куртки и со всей силы швыряет орущего благим матом «неприкосновенного» под откос, где еще дымятся останки «мирных граждан» и их автомобилей. Почти тотчас гремит взрыв, вопль обрывается, депутат в мгновение ока превращается в облако мутной пыли. Несколько осколков с визгом пролетают над шлемом, вздымаются маленькие фонтанчики пыли.

— Долго возишься, Михалыч! — укоризненно произносит один из полицейских возле машины с мигалкой. — Понты с гранатой тоже ни к чему.

— Это его граната, не моя, — отзывается Михалыч. — Он ей пользоваться не умеет!

— Ладно, поехали. Мы сейчас совсем в другом районе должны быть.

Хлопают двери, мигалка гаснет, полицейский «Волк» уплывает в темноту. Автомобиль несколько раз мигает фарами, ему издалека отвечают такими же вспышками. Через минуту дорога наполняется машинами, автомобили спешат в обе стороны как ни в чем ни бывало. Только водители искоса поглядывают на обочину, где за рваным ограждением еще мелькают язычки пламени и поднимаются дымные столбы.

— Да-а ... оху...! Ну, блин! — невнятно бормочет Топор, просматривая публикации в сети. Планшет вздрагивает в руках, короткие волосатые пальцы крутят его так и эдак, изображение послушно переворачивается, повинувшись указаниям гироскопа. Бормотание прерывается радостными возгласами:

— А вони, вони-то сколько! Омбудсмены, бля, оху... Вставили по самые помидоры! Да, Апполинарий Павлович, вы сработали гениально. Эффект разорвавшейся бомбы в общественном сортире.

Апполинарий сидит за столом в кабинете заместителя градоначальника, Топор восседает в кожаном кресле, на стене за спиной по-отечески строго глядит вдаль президент. Напротив Колышева Ольга Саранцева старательно держит спину на жестком стульчике. Как и положено эмансипированной и независимой женщине, круглая попка занимает только треть сидухи. Взгляд остр, выражение лица холодно-сосредоточенное, очки в металлической оправе придают лицу выражение нобелевского лауреата. Апполинарию смешно наблюдать, как откровенно ревнует Саранцева к его успеху. Ну да, в этот раз получилось. А на следующий?

— Сергей Анатольевич, надо опубликовать заявление от администрации города, что в этом происшествии нет национальной подоплеки. Обычное ДТП, пьяного водителя грейдера разыскивают, вот-вот найдут, — произносит Саранцева с самым независимым видом.

— Конечно ... а как же ... всенепременно, едрена мать! — кивает Топор, будто цирковой конь после выступления. Внимание по-прежнему сосредоточено на экране.

— Начальнику полиции подсказать, чтобы тоже выступил с заявлением. Мол, дело чести раскрыть преступление, — говорит Апполинарий. — Ведь все знают — когда ментовский генерал упоминает о чести, дело не раскроют никогда.

— Подскажу. Только менты сейчас в федеральном подчинении, за кресла держатся всеми лапами, могут и не послушать, — с сожалением в голосе отвечает Топор. — Ты вот что, профессор, позаботься, чтобы все участники акции исчезли из города. Мало ли что, вдруг столичная комиссия — она будет обязательно! — чтонибудь нарост, лишимся толковых ребят.

— Обязательно. Только прежде чем они улетят в теплые края, надо еще одну язву прижечь.

— Какую? — заинтересованно поднял взгляд Топор.

Ольга Саранцев быстро опускает голову, но Апполинарий все же замечает гримасу недовольства — опять лезет с предложениями, чертов умник!

— Цыгане. В частном секторе заводского района процветает торговля «дурью». Реализацией занимаются исключительно неподсудные подростки и беременные женщины. Привлечь к ответственности невозможно. Да и тамошние менты в доле, естественно. Местные давно хотят «припустить петуха» цыганам, но побаиваются мусоров. Надо помочь нашим.

— Прекрасно! Я «за» обеими руками! — вытягивает волосатые лапы Топор к потолку. Лицо растягивает улыбка, похожая на оскал крокодила, в глазах подпрыгивают чертики. — Каким образом? Сейчас зима, не самое лучшее время для пожаров.

— Есть средство, от которого даже снег пылает, как солома, — с улыбкой говорит

Апполинарий. — Проверено на практике, результаты отличные.

— Ладно, Менделеев, рассказывай ...

Короткий, как предсмертный стон, зимний день исчезает. Гаснет огненный глаз светила, растут тени, тьма захватывает город. На телефоны жителей поступают SMS-сообщения, приглашающие всех желающих прийти на митинг в район «аула» — именно так называется микрорайон, где проживают цыгане. На городском интернет-портале тоже появилось объявление о митинге. Место сбора — перекресток улиц Пушкина и Лермонтова. Разумеется, девять десятых граждан плевать хотели на любые митинги и собрания после рабочего дня. Однако нашлись люди — их было немного, несколько сотен, для которых проблема цыганского бизнеса на «дури» была личной. Это были, в основном, жители с рядом расположенных улиц. То есть те, кто своими глазами ежедневно наблюдал за тем, как цыганские отморозки травили русских детей самопальной наркотой. И почти в каждой семье было горе, непосредственно связанное с гнусным бизнесом цыганского отребья.

Дома цыганских наркобаронов отличались добротностью и лоском. Просторные и массивные, будто египетские пирамиды, макушки укрыты цветной металлочерепицей, широкие окна забраны коваными решетками с затейливыми узорами, облицовка стен выполнена лучшими в городе мастерами из дорогого цветного кирпича. Если всмотреться, то сквозь окна видны хрустальные люстры, водопадами ниспадающими с потолков к полу. Стены увешаны гобеленами, в промежутках красуются картины с портретами предков и родственников, мебель из дорогущего красного дерева искрится и переливается полировкой и хрусталем. Ковры — не ковролин говенный! — ручной работы цветочными полянами радуют глаз. Они особенно хороши на желтоватом фоне дубового паркета. Никаких штор, тем более дешевых «жалюзей» нет и в помине! Пусть все видят — особенно пьяницы и лентяи русские — как живут трудолюбивые цыгане! Дворы огорожены высокими заборами из красного кирпича, за «кремлевскими» стенами беснуются псы, каждый размером с годовалого теленка. Лают так, что кровь стынет в жилах и мороз по коже — а ну как вырвутся на волю? Порвут в клочья! Двери вырезаны из цельного куска железа, замки сейфовые, решетки в палец толщиной. Это все для того, чтобы спокойно спалось труженикам после напряженного рабочего дня. Да, русские свиньи, кто хорошо работает, тот хорошо живет!

Сторожевые псы бегают вдоль заборов, собак привлекают и тревожат люди, что собираются неподалеку. Отовсюду раздается сиплое рычание, яростный лай. Вскоре одному псу надоедает бестолково суетиться у ворот, он решает пробежаться вокруг дома. Чуткие собачьи уши сразу ловят подозрительные звуки, пес с рыканьем бросается навстречу неизвестному врагу, но тут кобелиное обоняние чует сладостный аромат сучки. Рычание превращается в повизгивание и пес уже не мчится в атаку, а летит на крыльях собачьей любви. Несколько торопливых прыжков и дом остается далеко за спиной. Шелудивая сучка с пахучей мохнатой задницей предстает перед неподкупным стражем цыганского добра во всей красе. Жених учтиво повизгивает, трясет квадратной мордой, «суженая-ряженая» благосклонно, но несколько встревожено глядит на кандидата в мужья — великоват, однако! Сразу забыв обо всем на свете, пес начинает ... э-э ... акт регистрации гражданского состояния. Тем временем группа людей в темных комбинезонах легко преодолевает забор. У каждого в руках вместительная сумка. Неизвестные быстро подбегают к дому с тыльной

стороны, слышны глухие удары, раздается хруст и треск, осколки стекла падают в снег. В руках появляются литровые бутылки, внутри тяжело переливается густая жидкость серого цвета. Падают крышечки с горловин, бутылки влетают в разбитые окна. Тотчас на первом этаже вспыхивает ослепительное пламя. Огонь быстро растет, языки тянутся к потолку. С улицы кажется, будто в доме, за коваными решетками надуваются воздушные шары огненно-рыжей расцветки. Неизвестные в черных комбинезонах бегут не оглядываясь, словно заранее знают, что их работа закончена, беспокоиться не о чем. Сторожевой пес самозабвенно продолжает регистрацию состояния, отвлекаться на посторонних нет никакой возможности. Потом, все потом!

Дубовый паркет, крытый дорогим яхтным лаком, горит страшно и жарко. Вспыхивают gobelены, писанные маслом портреты воровских предков с треском пылают синим пламенем, словно бенгальские огни, ковры из натуральной шерсти превращаются в огненные озерца. Пламя от кустарно изготовленного супернапалма распространялось по дому необыкновенно быстро. Жильцы почуяли неладное, только когда весь первый этаж запылал, словно склад лакокрасочной продукции. Многодетная семья наркобарона располагалась на втором этаже. В просторной, будто актовый зал школы, гостиной детишки радостно комментировали мультики. В городе совсем недавно появился детский канал Дисней, заморские мультфильмы в цифровом качестве показывают с утра до ночи, то-то радости малышам! Глава людоедского семейства сидит за письменным столом. На столешнице, покрытой зеленым бархатом, разложены пачки ассигнаций ровными рядами, будто гадальные карты. Поодаль притаились дети постарше, племянники, жена, бабушка и дедушка — весь поганский род в одном месте. Папа подсчитывает дневную выручку, усатая морда лоснится от пота, черные глаза радостно блестят — день прошел удачно!

Черный дым ползет по коридору, узкой струйкой вползает в гостиную. Первым заметил самый маленький цыганенок, карапуз лет четырех. Шибздику надоело смотреть, как метушится по саженному экрану придурок в красных трусах поверх голубого трико — пиндосовский Супермен. Из-под двери тянет странным запахом, глаза щиплет, в носу щекотно запершило. Мальчишка подползает на четвереньках к двери, встает в полный рост. Коротенькие пальчики цепляются в позолоченную рукоять, замок тихо щелкает, дверь распахивается. Как раз в этот момент загорается пол, по дубовым панелям бежит огонь, с узорчатого потолка с треском сыплются раскаленные уголья. Волна черного жара сбивает с ног карапуза, дым стремительно заполняет гостиную, следом за ним вползает пламя. Жар такой силы, что четырехлетний цыганенок задохнулся и не смог закричать. Он умер быстро и безболезненно от удушья. Впрочем, крик малыша никто и не услышал бы, так страшно затрещал огонь и так ужасно закричали люди. Выход из гостиной преградило пламя. Широкие окна — даже на втором этаже! — забраны решеткой, выбить которую не под силу ни одному человеку. Конечно, мужчины попытались, но лучший в городе кузнец сковал на славу — железные прутья даже не согнулись. В считанные минуты бешеное пламя пожрало людей и все, что находилось в гостиной. Позже, разбирая завалы на месте сгоревшего дома, пожарные нашли несколько тонких обугленных палочек, отдаленно напоминающих человеческие кости. Это все, что осталось от многочисленной семьи цыганского наркобарона. Роскошные дома торговцев «дурью» загорались один за другим. Толпа жителей, вначале было напуганная неожиданными пожарами, только восторженно ахала, когда взрывались подземные гаражи с мерседесами и хаммерами. Затаив дыхание, люди смотрели, как высоко в ночное небо взлетают пылающие колеса, как сыпется сверху

сверкающая мелочь — остатки окон из бронестекла, как с пушечным грохотом взрываются закопанные в землю цистерны с бензином высшей марки — запасливые были, суки! Никому и в голову не пришло спасать погорельцев — толпа спокойно наблюдала, как металась по черному снегу полуодеты цыгане, как вопили страшными голосами, видя заживо сгорающих детей и родственников. Смотрели молча, не сходя с места и каждый в душе считал — поделом, не все коту масленица.

В дальнем конце улицы показались синие мигающие огни, взвыла сирена. Несколько пожарных машин неторопливо ползут по засыпанной снегом дороге к месту пожара. Когда до людей остается несколько шагов, передний автомобиль останавливается, водитель несколько раз жмет на сигнал. На звук оборачиваются люди, но расходится никто и не думает. Из кабины выходит начальник караула. Брандмейстер приближается к толпе, на поднятом забрале играют блики пламени, снег скрипит под сапогами. Вид у огнеборца самый что ни на есть решительный. Он набирает полную грудь воздуха, рот открывается для властного окрика ... сразу несколько человек окружают пожарника со всех сторон, раздается угрюмый голос:

— Ты кого спасать приехал, гасило?

Тон говорившего был такой, что пожарник сразу поник блестящей головой, ответ прозвучал как оправдание:

— Пожар ... мы обязаны тушить ... пропустите нас, мужики, а?

— Попозже. Пусть выгорит вся зараза, тогда тушить начнете, понял? — ответил тот же голос.

— Я не имею права ждать, меня накажут! — разводит руки начальник караула.

— Тебе что, колеса порезать? Сказано — жди, значит жди!

Из спецмашин выходят пожарники. Они прекрасно знают, чьи дома горят. Многих из них коснулось горе, которое расплзлось по городу из цыганского «аула». Некоторые, не особо стесняясь, во весь голос говорили, что не надо торопиться. Все-таки люди на дороге стоят, не давить же их. А дома уродов все равно уже накрылись медным тазом. Чего тушить-то? Заорала еще одна сирена, по обочине к толпе приближается полицейский УАЗ. Двери распахиваются, четверо упитанных молодцов спрыгивают на утоптаный снег. На каждом бронежилет поверх теплой куртки, макушки надежно укрыты пуленепробиваемыми шлемами, в руках автоматы, на поясе болтаются сумки с запасными магазинами, дубинками и наручниками. Четверка стражей правопорядка бесцеремонно врывается в толпу, раздаётся наглый окрик:

— Чего собрались тут? А ну, пр-ропусти спецмашины! Кому сказ ...

Возглас обрывается на полуслове, слышен звук ... ну, как будто кто харкнул в микрофон на сцене. Крикун в полицейской форме падает навзничь, словно куль с отрубями.

— Это те продажные суки, что цыган крышевали! — крикнул кто-то.

По толпе словно ударило током. Люди рванулись на крик в едином порыве, к ссученным ментам потянулись десятки рук. В считанные мгновения с предателей содрали шлемы, бронежилеты, отобрали оружие. Негодяи даже не пытались сопротивляться, настолько единым и страстным был порыв разгневанных людей. Лишь чудом удалось вырваться. Сыграло роль то, что на них почти не осталось одежды, а вокруг все одеты по-зимнему. Полуголые, в одних трусах «мусора» бросились к служебной машине. Впопыхах никто не заметил, что радиостанция вырвана «с мясом», электропроводки нет, а разбитый аккумулятор валяется в снегу. Избитые и опозоренные «мусора» забились в машину,

дрожащие от холода и страха пальцы не сразу сумели запереть двери. Лишь оказавшись внутри, за спасительным железом «мусора» увидели, что завести автомобиль невозможно, отопление тоже не включишь. И что делать? Задать стрекача в одних трусах? Так до райотдела километров пять, а на улице мороз. Да и люди кругом. Мать твою так, вот влипли-то! Неожиданно в запотевающее окно постучали:

— Эй, менты! — раздается насмешливый голос. — Идите, погрейтесь возле огня. Пока не погасло!

К утру выгорел весь цыганский «аул». Поджигали все дома подряд. Напрасно цыгане кричали, что они не торгуют наркотой, это, мол, только те два семейства, чьи дома подожгли в самом начале. Гнев не может копиться до бесконечности. В какой-то момент плотину прорывает и доведенные до крайности люди громят, не разбирая правых и виноватых. К погромам примыкают отморозки и негодяи, которым все равно, кого жечь и убивать, лишь бы волю дали. И тогда убивают всех подряд, чья кожа или цвет глаз отличается от остальных. Беспорядки быстро перекинулись на весь город. Под горячую руку стали ловить и избивать кавказцев, тех самых, к которым якобы и ехали «гости» на дорогих иномарках. И чьи кости сейчас собирают в пластиковые мешки для торжественного захоронения на родовых кладбищах.

— Сергей Анатольевич ... Сергей Анатольевич, что с вами? — в который раз спрашивает Ольга Саранцева. Голосок заметно дрожит, в глазах стыннут слезинки, пальчики с яркими ноготками дрыгаются, словно поплавки при поклевке. «Интересно, это она от зависти так или действительно сочувствует шефу? — размышляет Апполинарий. — Эк ее разобрало! Да и кандидат в мэры тоже хорош — раскис, словно преподаватель танцев в анатомическом театре. Ты же сам этого хотел!» Сергей Анатольевич Топор сидит в кожаном кресле, будто больной петух в корзине — голова опущена, воротник пиджака вывернут, плечи опущены. Даже короткие жесткие волосы, обычно торчащие задиристым «ежиком», поникли и вроде как поредели. На столе вице-мэра лежит планшет, прямо перед глазами горит яркими красками монитор служебного компьютера, разложены газеты. Средства массовой информации, обозначаемые краткой, как плевков, аббревиатурой — СМИ, сообщают, пишут, показывают и кричат об одном и том же — вчерашнем погроме в цыганском «ауле». Еще не остыли страсти с разгромом моторизованной колонны кавказцев, а тут на тебе — поджоги и убийства милых «шалунов» и любителей песен под гитару. Но вот интересно — местные информагентства прямо бесятся, а федеральные ни гу-гу!

— Русский шовинизм поднял голову ... остров фашизма в демократической России ... край непуганых людоедов ... неплохо, да! А вот еще лучше — голливудские ужасы восставших из ада воплотились в реальность! — слышится тихое бормотание вице-мэра. Голова раскачивается из стороны в сторону, как пустая тыква на веревочке под порывами ветерка, лицо покрыто красными пятнами.

— И это все о нас, мать вашу! — вполголоса произносит Топор. Ошарашенный взгляд поднимается, несколько мгновений блуждает по кабинету, затем останавливается на спокойном лице Кольшева. — Апполинарий Павлович, я, разумеется, скромно рассчитывал на хорошую работу с вашей стороны, но такое! — вздернул плечи Топор, голова дернулась, будто у коня, отгоняющего слепней. — Вы, оказывается, виртуоз! Просто Паганини какой-то, массовик-затейник!

В наступившей паузе отчетливо слышно завистливое сопение Саранцевой.

— Да-да, вы совершенно правы, Ольга Васильевна, теперь наступило ваше время, — кивает Топор. — Надо ковать железо, пока горячо. Понадобятся официальные заявления с осуждением, надо выступить перед трудовыми коллективами — и не раз! — потом что еще? А! Обращение к населению. Все что ли?

«Быстро пришел в себя. Молодец! — подумал Кольшев. — Такой по праву займет кресло градоначальника».

— Советую почаще звонить губернатору и перехватывать звонки оттуда, — многозначительно указал пальцем в потолок Апполинарий. — Чиновники имеют скверную привычку скрываться в параллельных мирах при всяком ЧП, что вызывает справедливое раздражение у высокого начальства. Будьте всегда на связи и вы победите.

— Что ж, весьма резонно! — согласился Топор. — Итак, профессор, вы отлично потрудились, теперь настало мое время. А вам, драгоценный Апполинарий Павлович, надобно исчезнуть из города на продолжительное время — мало ли что! Вашим парням тоже. Путевками я обеспечу. Куда изволите?

— Да мне ... ну, не хочу я на море, — скривился Апполинарий. — Идиотское времяпровождение! Гденибудь рядом, в лесу.

— Охотхозяйство, а? — щелкнул пальцами вице-мэр. — Неплохо отдохнете на природе. И рядом — вдруг понадобится! Согласны?

— Угу, — кивнул Апполинарий. — И с луком потренируюсь. Вдруг полюблю!

За окном бревенчатого домика стынет лес в мокрой тишине. Мерзкая, «европейская» зима с нулевой температурой и муторными, словно похоронные мелодии, дождями особенно противна на природе. Земля укрыта догнивающими листьями и старой травой, оттого похожа на гниющую кожу огромной рептилии. Такая же пятнистая и омерзительно мягкая. Лишенные листвы деревья торчат из земли лапами гигантских пауков, что изо всех сил стремились выбраться на поверхность, но внезапно одеревенели. От всепроникающей сырости холодно в любой одежде и даже пылающие жаром обогреватели не могут согреть комнату. Нет ощущения тепла! Чтобы не видеть мерзопакостной гадости за окном, Апполинарий опустил жалюзи. Мягкий свет от стилизованных под керосиновые лампы светильников заливал комнату, в углу пылает камин. В номере никого, кроме Кольшева, просторный стол завален журналами об охоте и всем, что с ней связано. На краю приютился ноутбук, плоская коробочка беспроводного интернета какого-то там поколения мигает зеленым маячком индикатора. На прикроватной тумбочке стынет чашка чая. Поверх журналов разлегся блочный лук, веером разложены стрелы с ярким оперением. Апполинарий искренне полагал, что охота в наше время есть ни что иное, как узаконенное психопатами от власти развлечение для садистов. И тех самых психопатов. Добывание дичи ради пищи понятно, но отстрел беззащитных животных ради забавы совсем другое. Особенно с вертолета. Да еще за государственный счет. Ходили слухи, что однажды вертолет с «охотниками» сбили возмущенные жители из ружей. Если так, то очень правильно сделали. И животных спасли, и землю от мрази чуть-чуть почистили. Именно так и надо обращаться с обнаглевшими представителями власти. Особенно высшими. Хотя ... любая власть — и прошлая, и будущая, и не наша, а в другой стране — вряд ли лучше. Потому, что люди таковы.

Время от времени Апполинарий посматривает на монитор. Информационные ленты сообщают о чем угодно — кто развелся, какой «звезде» изуродовали рожу пластические

хирурги, о выходе новых клипов и терактах на Ближнем Востоке. Винегрет с кровью. Федеральные каналы демонстрируют ролики, на которых премьер министр посетил фабрику, нажал кнопку пуска трансформаторной подстанции. Тем временем президент отдает распоряжение чиновнику усилить контроль за исполнением поручений и уделить повышенное внимание нуждам электората. Идет непрерывный, бесконечный сериал с одними и теми же главными и второстепенными героями, сеанс массового гипноза (привет Кашпировскому!), цель которого — сдерживать недовольства людей как можно дольше. Ну, минимум до следующих выборов. А затем выпускать пар, критикуя предыдущую власть и всячески нахваливая действующую. Ярмарочный балаган, в котором шуты по очереди сменяют друг друга, декорации одни и те же, а зрителям некуда уйти. Поразительно, но о кровавых событиях в городе ни слова! То есть небольшие частные информагентства сообщают, блоггеры пишут и обсуждают — очень эмоционально и исключительно ненормативной лексикой, а вот федеральные каналы как воды в рот набрали. Все хорошо, прекрасная маркиза! В стране тишь, гладь, да Божья благодать и да здравствует СССР с его ложью и умалчиванием фактов. Нет, конечно, освободили от должности начальника УВД, полетели какие-то министры gubernского правительства, вся мэрия в голос рыдала и чиновники наперебой строчили объяснительные, в которых валили вину за случившееся на всех и вся. Но ... это происходило тихо, без лишнего шума. Этаким междусобойчик пауков в банке, в котором посмевшегося пискнуть погромче просто скушают.

«Почему не говорят правду? — думал Апполинарий. — Почему главным принципом власти является ложь? Во спасение? Ведь не спасала же ни разу! Балансировать на грани какое-то время да, позволяла. А потом все рушилось. История человечества — это история противостояния власти и народа, войн и революций. Власть свергают, приходят новые повелители и раз за разом наступают на одни и те же грабли. Ничему не учатся! Но ведь уже настало время, когда скрыть ничего нельзя. Почти. Пройдет несколько лет, интернет и новые информационные технологии войдут в каждый дом, универсальные девайсы будут у каждого. И тогда произойдет неслыханное — впервые в истории цивилизации народ будет контролировать каждый шаг, каждое слово правителей, больших и маленьких, рассматривать действия власти в микроскоп и давать ей оценку. И уйдет в прошлое допотопная система сбора подписей для проведения так называемого импичмента. Избиратели просто проголосуют на соответствующем сайте и капздец чиновнику! Не надо быть семи пядей во лбу, что бы предсказать кардинальное изменение и формы управления государством, и само государство, и гибель бюрократии как сущности государственного управления. И это будет самое главное, самое грандиозное событие в истории. Общество изменится до неузнаваемости. Мы, сегодняшние, будем питекантропами по мировоззрению рядом с нашими правнуками!»

Апполинарий подходит к окну. Жалюзи убегают к потолку с недовольным шорохом, в комнату сваливается тусклый свет пасмурного дня. Низкие тучи вот-вот улягутся на землю туманными животами, черно-белый мир осклиз, блестит дождевая влага и нет жизни в мертвом лесу. «М-да, пейзажик, — хмыкает про себя Колышев. — Отличная иллюстрация сумеречного состояния души! Кладбищенский сюрреализм при стопроцентной влажности. Эх, уехать бы к черту на кулички, куда-нибудь на север, в Архангельскую губернию! Там есть зима и лето, живут нормальные люди и нет чокнутых фанатиков, мечтающих о мировом господстве. Кстати, почему ты решил, что непосредственный контроль за властью, так сказать, в режиме реального времени, ее изменит? Так уже было: греческие города-

республики, Новгородское вече. Избирали военачальников, правителей, чиновников всяких. Последним вроде даже головы рубили. Или на кольца сажали? Ну, не важно. Суть воспитательный эффект впечатлял надолго. Так вот, республики полисы процветали! Жизнь бурлила, общество не дремало в дерьме и сытости, а развивалось, взрослело и люди росли вместе с ним. Именно в городах республиках появилась философия, искусства и наука. Именно там создавалось то, что теперь называется европейской демократией. Не Египет с его фараонами-богами, не Рим с его богоподобными императорами и закоснелой бюрократией, а греческие республики свободных людей создали Европу. Русская цивилизация начиналась не с Рюрика, как думают многие, а с Новгородской республики. Она была такой яркой и сильной, что Ивану Грозному потребовалось собрать войско со всей подневольной Руси, чтобы уничтожить. Армия рабов убивала свободу. Царь развязал самый настоящий геноцид против собственного народа. Именно тогда, при Иване 4, на месте Руси появилась «страна рабов, страна господ». Все последующие властители так или иначе копировали его стиль правления. Разница лишь в количестве пролитой крови».

Апполинарий громко, с подвыванием, зевает и потягивается. «А вообще ... как надоело умствование! На кой черт все это надо? Не пора ли сделать перерыв, заняться чем-нибудь другим? Удариться в загул, в разврат, по-балдеть и оторваться. Иначе совсем крыша съедет!»! Апполинарий оглядывается, будто объект «балдежа и разврата» уже стоит за спиной. На лице появляется грустная улыбка:

— Интересно, почему лучшим средством от умственной усталости является загул? — тихо говорит он сам себе. — А как же тогда — лечите подобное подобным? Или клин все-таки вышибают клином? Ладно. Пойти пострелять что ли? Из лука. По мишеням разумеется.

Туго натянутая тетива почти касается мочки уха. Лук слегка изгибается, медленно крутятся колесики по краям, чуть слышно поскрипывают блоки. Острый наконечник стрелы глядит точно в сердце пенопластового кабана. Указательный палец легонько жмет на спусковой рычаг, зажим разевает пасть и стрела с кратким — «вжик!» — срывается с тетивы. Оперение ядовито-желтого цвета чертит в воздухе короткую дугу и ... пропадает. Напрасно Апполинарий с надеждой вглядывается вдаль — искусственный кабан недвижим, из левой лопатки не торчит дрожащая стрела. Апполинарий громко, никого не стесняясь — лес вокруг! — чертыхается, на сырую землю падает смачный плевок. Эта стрела была десятой, последней и теперь надо переться по грязному месиву за мишень, копать в мокрых кустах, разыскивая стрелы.

— Успехи есть, Апполинарий? — раздался за спиной насмешливый женский голос.

— До хрена и больше ... ой, простите! — спохватывается Кольшев и оборачивается.

По пологому склону спускается Ольга Саранцева. Ярко-красная курточка плотно застегнута, капюшон надвинут почти на глаза, пальцы прячутся в шерстяных варежках. Сырая трава устилает склон сплошным ковром, желтые резиновые сапожки на меху скользят и девушка смешно расставляет руки в стороны, словно опасливый пингвин.

— Добрый день, Оля, — здоровается Апполинарий. — Что привело вас в глухомань?

— Здравствуйте ... о какой глухомани вы говорите, Апполинарий? Жить в лесу — это прекрасно! Нет шума, суеты, отравленного воздуха и снующих туда-сюда людишек, — отвечает девушка, сосредоточенно глядя под ноги.

— Так вы, значит, из зависти здесь? Небось, гадость какуюнибудь собираетесь сказать.

— Нет, что вы! Все хорошо, избирательная кампания набирает обороты, шеф порхает по трудовым коллективам, мечется между редакциями и телестудиями. Одним словом, процесс пошел ... ой-ой, ловите меня! — взвизгивает девушка.

Из-под ног уходит кусок дерна и Ольга скользит вниз, как на салазках. Апполинарий отважно бросается на помощь, но под ним земля тоже предательски убегает, ноги разъезжаются. Чтобы не свалиться позорно в грязь на глазах у женщины он отчаянно машет руками, аки лебедь взлетающий, изо всех сил отталкивается от земли. В этот момент на него налетает девушка и по инерции толкает его дальше. Оба хватаются друг за друга, пытаясь сохранить равновесие — Ольга цепляется за шею, Апполинарий обхватывает за талию. Вот так, плотно обнявшись, словно любовники после долгой разлуки, они продолжают скользить по грязи до тех пор, пока спина и «пятая точка» Апполинария не впечатываются в столб. Кольшев судорожно сжимает в объятиях девушку. Из груди вырывается страстный полустон-полурык, глаза закатываются под лоб. Несколько секунд длится молчание, затем Ольга осторожно начинает шевелиться. Она чуть отстраняется, изумленный взгляд скользит по расстегнутой на груди куртке, на мгновение задерживается на подбородке, останавливается на неподвижном, словно восковая маска, лице.

— Э-э ... Апполинарий, меня можно отпустить. Или еще не надо? — неуверенно спрашивает девушка. — У вас такое лицо, как будто вы ...

— Что? Спустил в штаны? Я, разумеется, чувствую ваше тело даже через куртку, потому что у вас, надо сказать, выдающие формы. Но этого все же недостаточно, чтобы до такой степени перевозбудиться, — с трудом, чуть шевеля губами, отвечает Апполинарий.

— Тогда что? Отпусти меня! — обиженно требует Ольга.

— Гвоздь! — шепчет Апполинарий, размыкая объятия. — В столбе торчит дурацкий гвоздь. Он впился мне в задницу до кости. Из-за тебя! — добавляет он сквозь зубы.

Инфракрасный обогреватель ласково гладит по голой спине невидимыми теплыми лапками. В номере тихо, уютно, пахнет коньяком и дезинфекцией. Апполинарий лежит на кровати пузом вниз. Одеяло прикрывает голый зад по диагонали и только на треть. Левая ягодица украшена круглой белой шишкой, состоящей из куска марли и ваты. Обработанная йодом и зеленкой рана густо заклеена отрезками пластыря, отчего издалека похожа на бутон раскрывающейся лилии. Роль доктора исполнила Ольга, поскольку именно она виновница происшествия. Да и не оказалось в гостинице охотхозяйства фельдшера. Вообще никого не оказалось, так как не сезон и персонал отправили в отпуск. Остался только администратор, он же вечно подвыпивший сторож. Стукнула дверь, по комнате веет прохладой.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает с порога девушка.

— Трудно сказать, — бубнит Апполинарий, уткнув нос в подушку.

— То есть? — встревожилась Ольга.

— Лежать на спине нельзя, сидеть тоже, ходить больно — да вообще ничего нельзя! Как можно чувствовать себя в такой ситуации? — удивленно произносит Апполинарий. Он оглядывается, при этом сильно изгибает шею, стараясь не шевелить больным местом. Ольга хихикает в кулачок.

— Ты похож на ящера с острова Комодо!

— Очень смешно! Я поранился, спасая ее от падения в грязь, а она веселится тут. Накинь на меня одеяло, мне надоело лежать голым!

— Ну, во-первых, ты не совсем голый. Во-вторых, у тебя красивая спина, вся в буграх

мускулов. И руки такие жилистые, — задумчиво говорит девушка.

— Во дает! — возмущается Апполинарий. — Проткнула меня чуть ли не насквозь, теперь любит открытой раной! Ты что, садистка?

Ему, наконец, удается повернуться. Упираясь локтями в подушку, он с трудом оборачивается. Ольга стоит в двух шагах от него, короткий халат расстегнут, хорошо видны узенькие черные трусики. Лифчика нет вообще, грудь видна почти вся. У Апполинария округляются глаза.

— Точно садистка! — шепчет он. — Я даже на карачки встать не могу, а она ...

Халат падает на пол, теплый запах духов и чего-то еще очень приятного и возбуждающего накрывает Колышева с головой.

— Прости, дорогой, я совсем не хотела тебя ранить. Тем более туда! Но я буду стараться изо всех сил, чтобы вернуть тебя к жизни, — горячо шепчет девушка в ухо и упругая грудь касается спины. Апполинарий тотчас забывает обо всех болячках, живо поворачивается на спину.

— Вот изо всех сил все-таки не надо! — на всякий случай предупреждает он.

Апполинарий лежит на спине. Никакой боли в «пятой» точке нет и в помине, словно дыра от гвоздя чудесным образом затянулась и даже шрама не осталось. Да-с, волшебная сила женского искусства! В полумраке видно, как девушка протягивает руку к халату. Вспыхивает огонек зажигалки, по комнате расползается табачная вонь.

— Ты разрешишь немного подымить? — запоздало интересуется Ольга.

— Волшебному доктору можно, — пожимает плечами Апполинарий.

— !?

— Ты не заметила, что я не жалуясь на боль и лежу на спине?

— А-а ... взаимно. Я сейчас спокойна и уравновешена, как самка питона. Знаешь, если не заниматься этим хотя бы раз в неделю, голова отказывается работать.

Через равные промежутки времени кончик сигареты наливается огнем, чуть гаснет и комнату наполняет новая порция дыма. Запах тлеющего табака просто невыносим. Апполинарий неохотно выбирается из-под теплого одеяла, холодный пол противно холодит ступни, по шкуре бегут мурашки. Из наполовину открытого окна тянет таким пронизывающим холодом, что Колышев бегом бежит на кровать.

— Как там эти моржи долбаные в проруби купаются? — бормочет он, до подбородка натягивая одеяло.

— У тебя неплохая фигура для кабинетного жука, — задумчиво произносит Ольга. — Есть на что посмотреть.

— Только при плохом освещении, — отшутился Апполинарий. — Лучше скажи, как дела у шефа. Мне ему звонить неудобно.

Докуренная сигарета падает в чашку с недопитым чаем, раздается короткое злобное шипение и вонючий «бычок» наконец-то умирает.

— У шефа все в порядке. Он деловит, энергичен, выступает с речами, обещания навести порядок сыплются, как из рога изобилия. Кстати, после тех событий — ну, в «ауле» и на дороге — мэр слег с сердечным приступом и шеф заступил на пост. Сразу почистил администрацию от нацменов.

— Прости, перебью ... интересно, как? — спросил Апполинарий. — Так вот просто от работы не отстранишь.

— Видишь ли, дорогой, — снисходительно улыбается Ольга, — у каждого бюрократа есть свой скелет в шкафу. Часто не один, а несколько. Надо только ключик к замку подобрать. Топор по таким делам мастер, готовился заранее. Как только уселся в кресло мэра, так скелетики и начали выпадать из шкафчиков в газеты и на блоги. Даже если и нет ничего серьезного, сам факт злоупотребления должностными правами накануне выборов переживается очень болезненно. На сегодняшний день аппарат мэрии полностью «русифицирован», на очереди полиция и разные жилконторы. А как ты себя чувствуешь?

— Да нормально, скучновато тут. И лук этот дурацкий никак не люблю, — понизив голос, сообщил он с улыбкой.

— Вкусы шефа надо разделять, — назидательно произнесла девушка.

Она легко встала с кровати, нисколько не стесняясь и не кривляясь, как обычно поступают в таких ситуациях женщины, подходит к столу. Взгляд скользит по монитору, пальцы шевелятся над экраном, меняя картинки. Апполинарий таращится на обнаженную женщину, не моргая и не дыша. Дело не в том, что Ольга обладает фигурой необыкновенной стройности. Только полные дураки считают, что сексапильность женщины зависит исключительно от формы тела. Да, это важно, но умная женщина привлекательна вдвойне. А если она большой начальник или известный политик — то втрое! Именно поэтому голыми «телками» интересуются только подростки на начальном уровне полового созревания. Мужчинам нравятся умные, настоящим мужчинам — очень умные и недоступные. Например, жены начальников. Ну, а если президентом нашей страны станет женщина — место абсолютного сексимвола ей обеспечено. Даже если она кособокая карга в парике. Забывшись, Апполинарий невольно начинает тяжело дышать. В полной тишине похоже на сопение бычка средней упитанности. Саранцева оборачивается, голос звучит укоризненно и строго:

— Развратник! Сластолюбец!! Я здесь, между прочим, по работе!!!

— Я, я развратник? — поперхнулся воздухом Кольшев. — А кто разгуливает по комнате без одежды? Ты для чего возле компьютера остановилась, новости почитать? Ты знаешь, как он тебя подсвечивает?? У меня сейчас пельмени взорвутся!

— Придется спасать, — притворно вздыхает девушка, — твои пельмени от неминуемой гибели. Иду на помощь!

Мутный день «европейской зимы» постепенно тонет в сером тумане. Водяные тучи прижимаются к земле, стылый воздух наполняется влагой и темнотой. Еще нет шести часов, а за окном почти ночь. Бодрый, заряженный энергией по самые уши, Апполинарий живенько встает с кровати. От ноющей боли в ягодице остались только воспоминания. Хотя в комнате полумрак, стыдливо надевает трусы. Немного поколебавшись, и штаны — без порток не мужчина!

— Ты куда? — сонным голосом спросила Ольга.

— К плите! Делать кофе, — доложил Апполинарий. — И хватит спать, еще только вечер!

— Устала я, — забубнила в подушку девушка, — утомил ты меня. А еще раненый!

— Я энергетический вампир! Мои раны заживают на глазах, когда я питаюсь духовной энергией другого человека! — отозвался Апполинарий, гремя пустой туркой.

Вспыхивает кроваво-красный огонек индикатора электроплиты, концентрические круги нагревателя наливаются багровым пламенем. Апполинарий осторожно засыпает две ложки коричневого порошка и внимательно наблюдает за процессом закипания. Немного поворочавшись, Ольга неохотно поднимается с постели. Открыть глаза сил не хватило, халат одевает наизнанку. Пальцы неуверенно ощупывают бока в безуспешной попытке обнаружить пояс. Апполинарий искоса наблюдает за процедурой облачения в халат. Полы подвернулись, виден живот, бедра, одна грудь попала в рукав, вторая торчит оголенная, словно готовый к бою артиллерийский снаряд.

— Как жаль, что нет видеокамеры, — с сожалением вздыхает он. — Все так естественно, натурально! Стриптизерши нервно курят в сторонке.

Глаза Ольги немедленно открываются, на губах появляется снисходительная улыбка, ленивый взгляд останавливается на Кольшеве.

— Женщины, у которых есть что показать, как правило, испытывают трудности с одеванием. И только так называемые «тонкие и звонкие» проделывают это по-солдатски быстро.

Кофе вскипает, коричневая пена шустро бежит через край, конфорка издает змеиное шипение. Апполинарий подпрыгивает, как ужаленный:

— О, черт, убежало все-таки! Это все из-за тебя!

— Пялиться надо меньше, — с язвительной улыбкой парирует Ольга.

— Прогуляемся до тира и обратно? — предложил Апполинарий после кофе.

— А почему до тира? — спросила Ольга.

— Потому что фонари горят только на дорожке к тире. Бродить по аллеям в темноте не хочется.

— Хорошо. Тогда захвати лук. Хочу попробовать вашу «молодецкую» забаву! — засмеялась девушка.

Сырая ночь холодит лицо, с голых ветвей срываются крупные, как лесные орехи, капли и шлепаются прямо под ноги. Одна такая попала Кольшеву за воротник, неприятное чувство внезапного холода побежало вдоль спины, заставило передернуться, словно от удара током. Оля с улыбкой подняла капюшон, плотнее запахнула воротник куртки.

— Вот так теплее будет, — сказала она, глядя на Апполинария смеющимися глазами.

— Спасибо, — в ответ улыбнулся Кольшев. — Слушай, ты сказала, что приехала по работе, но о ней разговора не было. Рассказывай, что за дела.

— Ой, прости! — взмахнула рукой девушка. — Совсем забыла, увлеклась. На днях Топор призовет тебя к обязанностям помощника мэра. Он так энергично взялся за дела в отсутствие главы города, так мощно пиарится, что вопрос с креслом почти решен. Мы провели опросы среди потенциальных избирателей. Так вот, Топор идет с отрывом в разы! У него просто нет конкурентов. Выборы будут выиграны, ни у кого не осталось сомнений!

Ольга понизила голос:

— Я случайно подслушала его разговор с кем-то, не знаю. Так вот, Топор считает именно тебя ... э-э ... он так выразился чудно! — ковал победу, не боясь ничего... блестящий организатор спецопераций ... в общем, расхваливал так, словно ты олимпийское золото выиграл!

— Интересно, кому? — задумчиво произнес Апполинарий.

— Не знаю, — отмахнулась девушка. — Какому-то своему другу.

— Ну, если другу, тогда ладно. И ты приехала сюда только для того, чтобы сообщить мне это?

— Ну, я еще захотела увидеть тебя, — уткнулась Ольга носом в плечо. — А что?

— Ничего. Правильно сделала. Я бы ни за что не решился тебя позвать.

— Почему?

— Ну, была у меня одна знакомая. Я думал, у нас серьезно, а оказалось совсем не так. В общем, комплексы у меня! — усмехнулся Апполинарий.

— Ага, то есть ты хотел бы меня пригласить на свидание, но не решался это сделать из-за выдуманных страхов?

— Точно сформулировала! — улыбнулся Апполинарий. — Психологию в институте изучала, верно?

— Ну, отличницей не была, но кое-что запомнила, — скромно потупила глазки девушка. — Ой, мы пришли!

Выложенная брусчаткой аллея заканчивается прямоугольным зданием тира. Туман опустился так низко, что фонари на столбах тонут в серой мути. Слабый свет умирает, не достигая земли, где-то метрах в полутора от вершины столбов. От такого странного освещения коробка тира кажется мрачной и загадочной, словно древний храм неведомого бога.

— А тут свет есть? — шепотом спрашивает Оля.

— Вон там, сбоку, должен быть рубильник, — отвечает Апполинарий и направляется к тире.

Через пару секунд раздается характерный лязгающий звук, над стрелковым полем и зданием тира вспыхивают фонари, словно рой появившихся ниоткуда летающих тарелок инопланетян.

— Слушай, давай немного постреляем и пойдем обратно в номер, ладно? — попросила девушка. — Мне тут не нравится.

— Да ладно тебе! Ну, темно, так что? Целый день сидеть в комнате нудно. У меня десяток стрел, я быстро, — пообещал Апполинарий.

— Хорошо, — кивает Оля.

Плотнее запахивает воротник куртки, замерзшие ладошки прячутся под мышки,

нахохливается, будто мышь в тяжелом раздумье над мешком пшена. Апполинарий искоса посмотрел, в глазах мелькнули искорки и он едва сдержал улыбку — уж больно смешно выглядела всегда самоуверенная и деловая пиарменеджер. Кольшев снимает стрелу с держателя, кладет в направляющий желоб. В мутном полумраке едва угадывается цель — все тот же несчастный, истыканный стрелами кабан. То есть, деревянное чучело. Палец слегка надавливает на кнопку, вспыхивает узкий лучик пронзительно белого цвета. Прямой, как струна, поток фотонов упирается в бок деревянного кабана, туда же смотрит острие. Остается только накинуть зажим на кончик стрелы, отвести руку ...

— Ах, здесь тихо как на кладбище! — неожиданно произносит Оля.

— Чего? — удивленно переспрашивает Апполинарий.

От неожиданности переступает с ноги на ногу, голова поворачивается, взгляд упирается в грустное лицо девушки.

... все происшедшее воспринималось им впоследствии как киноэкранный боевик в формате 3d, который он смотрел со стороны, а участвовал некто другой, но очень похожий на него ...

... половина лица внезапно немеет, глохнет левое ухо. Во лбу Оли появляется маленькое круглое отверстие, из затылка брызжет серо-красная струйка, на белой стене расцветает коричневый всплеск. Лицо девушки приобретает удивленное выражение, она начинает медленно валиться набок. Сознание Кольшева раздваивается, словно внутри появляется еще один Апполинарий; прежний, расслабленный и влюбленный, изумленно глядит на падающую женщину, хочет подхватить на руки ... он растерян и испуган. Новый — тот самый, что хладнокровно спланировал и организовал уничтожение кавказских бандитов и цыганских наркодельцов — падает на бетонный пол, одновременно разворачиваясь в сторону выстрела. В падении пальцы сжимают кончик стрелы, рука уходит назад, тетива сгибается под острым углом. Луч целеуказателя прочерчивает белую полосу в кромешной тьме, появляется черная образина с прорезями для глаз. Пальцы разжимаются, тетива распрямляется со звуком оборванной струны, стрела исчезает в темноте. Через мгновение ярко желтое оперение расцветает на левом плече убийцы, чуть выше сердца. Раздается пронзительный визг, неизвестный верещит от боли, словно недорезанная свинья. Рука с пистолетом рефлекторно дергается к ране, но мешает рукоять и выдернуть стрелу не получается. Убийца растерян, он явно не ожидал сопротивления, противный визг режет ночную тишину, словно дисковая пила кусок мрамора. Не мешкая ни секунды, Кольшев прыгает за пределы освещения в спасительную темноту. Тотчас раздаются глухие чмокающие звуки, целый рой пуль врезается в то место, где только что лежал. Оглушительных хлопков, какие обычно бывают при стрельбе, не слышно. Есть только странное «пыханье», как будто кто-то несильно бьет кулаком в подушку. Пистолет убийцы громко щелкает пустым затвором. Кольшев торопливо гасит фонарь целеуказателя, новая стрела ложится в направляющий желоб, стальные челюсти зажима ласково обнимают оперенный кончик стрелы. Апполинарий становится на одно колено, рука рывком сгибается в локте, натянутая до предела тетива дрожит от напряжения. Подвывая, словно раненый шакал и пятясь в темноту, убийца силится вытащить стрелу. Не получается, ребро пробито насквозь и стрела сидит плотно, как гвоздь в половой доске. Убийца громко взвизгивает. Звучат ругательства на незнакомом языке вперемешку с русским матом. Пустая обойма падает на пол, убийца неуклюже вставляет левой рукой полную. Сухо лязгает затвор, патрон

ложится в патронник, пистолет с неестественно толстым стволом поворачивается в сторону Кольшева. Указательный палец убийцы давит на спусковой крючок.

Стрела срывается с тетивы, лук слегка вздрагивает, мелькает оперение. Тотчас появляется новая стрела, Кольшев натягивает тетиву, прицеливается — в тире никого нет! Раненый в грудь убийца исчезает. В полной тишине слышен только слабый перестук капающей с крыши воды. Осторожно ступая по мокрой земле Кольшев обходит здание тира по кругу. Глаза успели привыкнуть к темноте, Апполинарий не боится пропустить врага, лук наготове. Но ни возле тира, ни дальше никого нет. Похоже, что серьезно раненый убийца предпочел не рисковать, а убраться, пока не истек кровью. Кольшев опускает лук, с облегчением вздыхает ... и тотчас бросается к тире. Еще теплится надежда, что девушка жива, надо только быстро оказать первую помощь, вызвать «скорую». Широко раскрытые глаза Оли смотрят вверх, словно могут видеть то, что скрыто от глаз простых смертных. Лицо спокойно, под глазами обозначились темные круги, кожа приобретает восковую бледность. Можно подумать, что она спит, если бы не круглое отверстие во лбу, окантованное запекшейся кровью и лужа темной крови вокруг головы. Апполинарий понял, что надежды нет. «Черт, в двадцать лет! И надо было тебе стоять там? Ведь пуля предназначалась мне! — с горечью думает Кольшев. — Это за мной тянется длинный след и на том свете ожидает толпа «друзей» ... дурак хотел отсидеться в доме отдыха!» Он без сил опускается на пол, не чувствуя холода бетона и воды. Что-то обрывается внутри, дыхание становится затрудненным, кривится лицо, невидящий взгляд скользит по темноте. Мелькает что-то светлое, какой-то прямоугольник странно знакомой формы. Кольшев всматривается — да это оперение стрелы! Интересно, как она туда попала? Выронил что ли? Или ...

Едва Кольшев шагнул с бетонной площадки на землю, нога коснулась чего-то жесткого, угловатого и странно знакомого. Даже еще не взяв в руки, он уже знал, что это пистолет. Нагибается, пальцы сжимают мокрую и холодную рукоять, мышцы чувят знакомую тяжесть оружия. Безобразно толстый ствол подсказывает, что это пистолет для бесшумной стрельбы — ПБС, оружие убийц и спецназа. Что, вообще-то, одно и то же, только поводок разной длины. Обойма легко выходит из рукоятки, патроны все на месте. Значит, убийца не успел воспользоваться оружием еще раз и убежал. Или его труп совсем рядом, если судить по бледному пятну оперения. Так и есть. Буквально в двух шагах от кромки бетона, под откосом Кольшев обнаруживает еще теплого мертвеца. Вторая стрела, которую выпустил второпях, почти не целясь, попала в левый глаз и пробила голову насквозь. Первую стрелу убийца все-таки сумел выдернуть, вторая убила. Понятно, что на «дело» с паспортом не ходят, но Кольшев по карманам все же пошарил. Обнаружил полторы тысячи рублей, подробную схему проезда, ключи и водительское удостоверение. Взглянув на фотографию Апполинарий все понял — сезон охоты на него открыли «чичики». И не важно, что имя и фамилия убийцы русские, характерные черты лица прямо указывали, что урожден данный «товарищ» на Кавказе. «Что ж, следовало ожидать, — подумал Кольшев. — О моем участии в уничтожении «усатых» бандитов в городе знали многие, ведь суд был открытым. «Чичи» редко прощают таких, как я. А по правде говоря, никогда. И правильно делают. И нам тоже надо так. Не останавливаться на полпути. Однако в одиночку много не сделаешь, надо перебираться в город, к Топору». Еще раз посмотрел на Ольгу. От жалости к убитой девушке слезы навернулись на глаза, кулаки сжались до хруста. Кольшев вытащил из-за пояса пистолет, осмотрел — отличная машина, хороший стрелок на тридцать шагов даже в голову не промахнется. «Хватит баловаться с луком и стрелами, — усмехнулся Кольшев. — Пора

заняться делом. Кто к нам с мечом придет ...»

Автомобиль убийцы нашелся неподалеку. Дорожная сумка падает на заднее сиденье, хлопает дверь, машина заводится с первого оборота, даже акселератор придавливать не пришлось. «Готовился, гад! — злобно подумал Колышев. — Зажигание отрегулировал и бак — да, почти полный! Это хорошо. Так, вначале домой, собраться, а поутру к Топору. Дальше видно будет».

Рабочий день и.о. мэра Сергея Анатольевича Топор начинался рано, с восьми часов. Слишком много хлопот у будущего хозяина города, чтобы расслабляться. Вот потом, когда успокоится, «устаканится» обстановка и кожаное кресло мэра станет по-настоящему мягким и уютным, можно будет не лететь в администрацию, а являться к девяти, начинать день с чашечки кофе и просмотра глянцевого журналов. А пока работать, работать, работать! Секретаря еще нет, она приходит на работу только к девяти. Хозяин кабинета не возражает, потому что именно «сранья» встречается с наиболее нужными на сегодняшний день людьми. Колышев идет по пустому холлу к лестнице. За столом охраны никого нет. Похоже, что стража отлучилась на пару минут для отправления естественной надобности. Дверь в туалетную комнату полуоткрыта, по первому этажу веет «бодрящим» запахом. На третий этаж можно подняться на лифте, но кабина наверху, ждать некогда. Колышев шагает по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступени. На этаж для VIP персон поднимается слегка запыхавшись и сразу направляется к кабинету Топора. Солидно, словно запирающее устройство на двери правительственного лимузина, щелкает замок. Дверь в кабинет будущего мэра медленно распаивается. Но никто не выходит — важная встреча еще не закончена. Колышев неохотно опускается на стул, с досады тихо матерится. Собеседников не видно, Колышев сидит так, что его загоразживает дверь и ему четко слышны голоса. Хрипловатый, с «нажимами» принадлежит Топору, второй голос незнаком. Разумеется, подслушивать нехорошо, но не хлопать же дверью! Да и какие секреты могут быть у Топора от Колышева! Разве что интимные.

— Еще раз ба-альшее спасибо, дорогой Сергей Анатольевич! С вашей помощью мы решили очень болезненную проблему. В наших аулах так много горячих голов! И все рвутся сюда, в Россию, делать бизнес. А какой? Что они умеют? Угонять скот, похищать людей и требовать выкуп — все!!! Настоящие дикари! Папуасы! Эх, Сергей Анатольевич, если бы моя власть, я бы этот Кавказ проклятый три раза забором с колючей проволокой обнес, электрический ток пустил, на вышках пулеметы поставил! Чтоб ни одна муха оттуда не вырвалась! И пусть эти папуасы там друг друга похищают, выкупают и убивают. Так нет, они сюда лезут, в цивилизованный мир, где живут культурные люди. Ну, ничего, после той мясорубки, которую вы им устроили на дороге, они не скоро оправятся. Пройдет несколько лет, прежде чем подрастет новое поколение дикарей и они, как тараканы, поползут сюда. Подготовимся! А пока, дорогой, если бы не вы, то не знаю, что бы я делал. Просто жизнью вам обязан, дорогой Сергей Анатольевич! — изливается в благодарности невидимый посетитель.

Голос звучит искренне, с неподдельным чувством. И чуть заметным акцентом. Глаза у Колышева округляются — так горячо и непосредственно выражать свои чувства может только житель гор. Но говорить подобное о Кавказе? Что-то новое!

— Ну что вы, уважаемый Султан, не стоит благодарности! Мы с вами давно знакомы, у нас общие интересы, вы помогаете мне, я вам — это называется дружба! — растрогано

отвечает Топор.

— Да, но не каждый друг способен на такое! Эта молодежь, эти — простите! — шакалы. Ни стыда, ни совести! Плюют на обычаи, не уважают старших. Только давай, давай, давай! Для них человеческая кровь как вода! Аллах разрешает резать животных только на праздник, в жертву, а эти людей режут, стреляют, на куски рвут! Волки бешеные, а не мужчины! — горячится собеседник.

— Успокойтесь, Султан, все позади, — отвечает Топор. — Берите бразды в свои руки и наводите порядок. Теперь никто мешать не будет. Но, как у нас говорят, концы в воду, на самое дно! Надеюсь, ваш человек тоже свою задачу выполнил. Мой сотрудник, организовавший акцию на дороге, очень не прост!

— Не беспокойтесь, Сергей Анатольевич, я послал лучшего. Работает чисто и без промаха.

— Он уже доложил?

— Еще нет. Но это досадная техническая неувязка с телефоном, я уверен! Прямо сейчас я буду звонить ему из машины, сам поеду на место, все выясню и доложу, — клятвенно заверил Топора собеседник.

— Ладно, дорогой друг, ступайте. У меня сегодня много дел.

— Да, дорогой, да! Не буду занимать вас, вы теперь большой человек, ваше время на вес золота! Всего хорошего, уважаемый Сергей Анатольевич!

Раздается стук каблуков, из кабинета быстрым шагом выходит немолодой мужчина в строгом черном пальто, на ходу поправляя перчатки из дорогой лайки. Серые волосы зачесаны назад, холеное лицо чисто выбрито, тонкая полоска коротко подстриженных усов выделяется неестественной чернотой. Черные глаза незнакомца останавливаются на Кольшеве, мгновение изучают. Затем внимательный взгляд «соскальзывает», мужчина погружается в свои мысли. Распахнутая дверь замирает на полдороге, звуки шагов затихают в коридоре. Медленно, словно в полусне, Кольшев поднимается со стула. В голове пусто, мысли не мечутся суматошно, рождая сомнения и неуверенность. Мягко ступая, будто хищник перед броском на ничего не подозревающую жертву, входит в кабинет, останавливается на пороге. Без пяти минут глава города Сергей Анатольевич Топор сосредоточенно пересчитывает внушительную пачку ассигнаций. Он стоит полусогнутый, боком к входу и ничего, кроме денег, не видит. Словно карточный шулер Сергей Анатольевич «отстреливает» цветные бумажки по стопкам. Хорошо видны крупные цифры с нолями на иностранных банкнотах. Ухоженные пальцы буквально мельтешат, движения точны и рациональны, как у кассира с многолетним стажем.

— Спонсорская помощь? — громко спрашивает Кольшев.

Топор вздрагивает, деньги выпадают из ослабевших пальцев. Он рывком поворачивает голову, в глазах мелькает страх. Взгляд неверяще скользит по Кольшеву, словно ищет пулевые отверстия. Апполинарий расстегивает куртку, вытаскивает из-за пояса пистолет.

— Тот, — мотнул головой Кольшев, — который лучший ... промахнулся.

Толстый ствол «глушака» смотрит прямо в выпирающий живот Топора. Кровь схлынула с лица будущего мэра так, что под глазами нарисовались темные, почти черные, полукружья. Голова затряслась, из горла с трудом вырываются бессвязные фразы:

— Ты ошибаешься ... речь не о тебе ... это сложная игра ... приходил старейшина чеченской общины города ... его молодые соперники ...

— Понятно. И рыбку съесть и на х...й сесть! — усмехается Кольшев. — Старый чечен,

лидер местной общины, платит бабки, что бы ты ... что бы я «джигитов» покрошил на фарш. Тебе почет, лавры патриота и любовь электората. Безоговорочная победа на выборах. Старый козел сможет усидеть на троне, окруженный преданными соратниками, молодые да ранние земляки с гор ему ни к чему. Этаким тандем! Что ж, у нас это сейчас модно. Только вот не пойму, за что меня надо убивать? У тебя ж в ментовке все схвачено, сам хвастался. Да и не стану я сам на себя доносить, не идиот же, в самом деле!

— Это не я! — хрипит Топор. — Я не хотел, ты нужен мне ... очень. Но у чичей кровная месть. если русский убил чеченца, ему обязательно отомстят. Я не успел тебя предупредить, они оказались слишком быстрыми!

— Да, конечно ... только вот мой телефон ни разу не звонил, — горько улыбнулся Кольшев. — И Ольга тоже ничего не знала. Ее-то за что? Она ведь только речи для тебя писала.

— Она мертва!?! О Боже! — хватается за голову Топор. — Что натворил, идиот!

— Да просто пулю в лоб получила, — тихо произносит Кольшев.

— Вот из этого? — спрашивает Топор, кивая на пистолет в руке Апполинария и взгляд его на мгновение трезвеет.

— Да, из этого ствола убили Ольгу. Ну и сволочь же ты, Топор! — рычит Кольшев. — Уже прикидываешь, как выскользнуть и на меня дерьмо свалить? Обделаешься, козел! Потому что из этого ствола убьют и тебя. Да-с, кровная месть! — издевательски добавляет Апполинарий. — Ни один горец не смеет от нее отказаться. И твой друг Султан не исключение. Кстати, ты заметил, какие у него дорогие перчатки?

Молча, с налитыми кровью глазами, Топор бросается на Кольшева. Ему надо преодолеть всего несколько шагов и скрюченные пальцы с ухоженными ногтями мертвой хваткой вцепятся в горло этому «профессору». Первая пуля пробивает насквозь руку возле локтя и застревает в стене. Вторая срывает золотой браслет, бьет плечо возле ключицы и остается там. Третья, четвертая и пятая пробивают грудь, шестая вдребезги разносит подбородок, седьмая рвет жилу на шее. Кровь брызжет с такой силой, что струя толщиной в палец хлещет за порог, ударяется в письменный стол секретарши и растекается по полу громадной лужей. Кольшев едва успевает отскочить в сторону и восьмую, последнюю пулю посылает вдогон уже мертвому телу. В затылке возникает дырка размером с копеечную монету, а лицо и вся передняя сторона головы словно взрывается, усеивая и без того залитый кровью кабинет секретарши клочьями кожи, костей и мозгов. Безжизненное тело тяжело падает на пол.

Апполинарий несколько мгновений смотрит на то, что еще секунду назад называлось Сергей Анатольевич. Тщательно вытирает пистолет полкой куртки, аккуратно кладет на спину мертвому Топору. Снимает золотой браслет. Смотрит на компьютер — да, выключен. Подходит к столу, сгребает деньги и рассовывает по карманам. Затем на цыпочках, осторожно, что бы не оставить следов на окровавленном полу, выходит из кабинета. Коридор пуст, но снизу, с этажей, где располагаются рядовые чиновники, уже доносятся голоса, поднимается табачный дым и запах кофе. Кольшев быстро идет по коридору к туалету. Дверцы кабинок распахнуты. Кольшев заходит в последнюю, дверь захлопывается, щелкает замок и Апполинарий опускается на крышку сиденья. Через несколько минут раздается протяжный крик, слышен удаляющийся стук каблуков. Проходит несколько мгновений и целый вал голосов наполняет коридор, от топота множества ног явственно дрожит пол. Хлопают двери, мимо туалетной комнаты проходят люди, оживленно

обсуждают увиденное. Кольшев осторожно выглядывает. Улучив момент, быстро выходит в коридор и смешивается с толпой. Раздаются громкие голоса:

— Полиция приехала! Всем покинуть этаж!

Возбужденная толпа «валит» вниз по лестнице и Кольшев вместе со всеми. Его многие знают, он здоровается со знакомыми сотрудниками, старательно изображая на лице волнение и тревогу. На самом деле Кольшев ощущает странную легкость и спокойствие, словно только что решил едва ли не самую главную проблему в своей жизни. А еще удивление и легкое раздражение — почему раньше так не сделал? Не догадывался, кто такой Топор на самом деле? Но ведь чиновники, кавказские русофобы и просто бандиты всегда сойдутся в цене, если речь идет о больших деньгах или власти. Поэтому надо отстреливать и тех, и других, и третьих.

Придя домой, сразу включил телевизор. Местный телеканал уже показывает место происшествия, юная корреспондентка взволнованно, с пятого на десятое, рассказывает о зверском убийстве кандидата в мэры города:

— ... и уже задержан первый подозреваемый! Его имя компетентные органы не называют в интересах следствия! Охрана видела, как этот человек покидал здание мэрии сразу после убийства! Это явно указывает, что он причастен! Наши источники в полиции сообщили, что Султан ... ой! ... лидер чеченской ОПГ в нашем городе, а убитый ... э-э ... Сергей Анатольевич Топор был известен, как непримиримый борец за интересы русского ... э-э ... коренного населения!

Кольшев фыркнул, словно конь, лицо скривилось — ну да, как же! Впрочем, он и сам так думал еще совсем недавно, так что нечего рожу строить. По экрану суматошно скачет заставка, звучит «музон», экстренный выпуск новостей заканчивается. Пульт удобно ложится в ладонь, нажатая кнопка гасит звук. Кольшев плюхается в кресло. Взгляд бездумно скользит по неуютной квартире — повсюду пыль, вещи разбросаны. Бардак, одним словом! «Мда-а, Апполинарий Павлович, а ведь ты кокнул своего работодателя. Грустно! Как говорят в братской Украине — ну и шо робыть»? — иронично подумал Кольшев. Достает из карманов пачки ассигнаций. Цветные бумажки будто фантики от конфет рассыпаются по напольному ковру широким веером, собираясь в центре плоской горкой. Сверху брякается массивный золотой браслет с «начинкой». Картинка получилась впечатляющей. «Так, буржуйской валюты тыщц на полсотни будет. Золотишка на полкило — ну, чуть меньше. Жить можно, но недолго! В браслете «жучок» с записями интересными. Это страховой полис и ... и деньги, чего там! Топор-то не один был, за его спиной и партия, которая наш рулевой, и люди всякие в чинах высоких. Можно будет договориться. Или нет»? Кольшев поднимает взгляд, спина выпрямляется. На пустой книжной полке выстроены отряд римских легионеров. Шлемы надвинуты низко, почти на глаза, пальцы сжимают короткие метательные копья, прямоугольные щиты закрывают левую половину тела. Хмурые лица надменны, жестоки и непреклонны. Эти воины и живыми были, как железные. И сейчас, сделанные из железа, выглядят, как живые. И Кольшеву вдруг становится стыдно!

— Да бред все, бред! — заговорил он сам с собой. — Это всего лишь куклы, болваны из дешевого алюминия — да хоть из золота, какая разница! И вовсе не были римские легионеры рыцарями без страха и упрека, обычная солдатня, это ты хочешь видеть их такими, психопат несчастный, тебе пора уже таблетки жрать горстями, урод! Или ты фильмов насмотрелся, в которых «одним махом всех побивахом»? Так то фильмы, выдумка для задавленных серой жизнью обывателей. На самом-то деле, один в поле не воин! Никогда

и нигде не воин!!!

Кольшев со злостью пинает кучку денег, купюры разлетаются по комнате веселыми цветочными лепестками, золотой браслет с хряском врезается в полированную дверцу буфета. На блестящей поверхности остается мутной пятно, в браслете что-то треснуло. Наверно, жучок. Кольшев подходит к окну, тяжелые тканевые шторы послушно отползают в стороны, комнату заливают серенький свет зимнего дня. На проезжей части мельтешат автомобили, люди бродят по тротуарам по своим делам, зазывно улыбаются полуголые девицы с рекламных плакатов, предлагая купить, отдохнуть, занять денег и отдать голоса.

— Ну и что дальше? — тихо произносит Кольшев. — Откупиться, пригрозить разоблачением, предложить услуги — дерьмо все! И ты, Апполинарий, дерьмо! А из дерьма, как известно, пулю не сделаешь. М-да, подытожим? Работодатель убит, подруга мертва и я единственный свидетель ее смерти. На меня запросто можно повесить два трупа. Вкупе с прошлыми «заслугами» потянет на пожизненное. Хреново!

Кольшев задумчиво смотрит на улицу, взгляд останавливается на плакате, извещающем о скором начале предвыборной кампании. В городском законодательном собрании появились вакантные места.

— Среди депутатов тоже «награды находят своих героев»! — злорадно усмехается Кольшев. — Скелеты выпадают из шкафов и прямо на голову. С летальным исходом! Ну, кандидатуры уже подобраны, осталось только замутить мозги избирателям и проплатить избиркому согласно тарифа. Кстати! А почему все-таки не попробовать мне? Приличную работу с неснятой судимостью все равно не найти, денег — он взглянул на рассыпанные по полу купюры, — на избирательную компанию хватит, даже на хлеб с маслом останется. Люди меня знают, особо агитировать не придется. Надо просто честно сказать, чьи интересы я буду защищать. И как. Ну, а убийцу Топора менты нашли, теперь дело за малым — убедить его, убийцу, и начальство, что именно он и убил, местным «аниськиным» это как два пальца! Но в ходе расследования всплывет моя фамилия! А вот тут браслетик может пригодиться! Где он?

Кольшев подбирает с пола золотую безвкусицу, внимательно осматривает. Выпуклая поверхность золотого прямоугольника помята и слегка приподнята, словно крышка гробика. Кольшев цепляет кончиком ногтя, осторожно скovyривает. Внутри микросхема, тонюсенькие провода и что-то еще такое — в общем, «штучки всякие».

— Ага! Материал для журналистского расследования! Так-так, — бормочет он, ставя крышечку на место. — Ну что ж, кое-какие козыри есть. Ольгу я действительно не убивал, доказательство наверняка тут. Ну а с Топором — если что, самооборона! Оно, в сущности, так и есть.

Он еще раз внимательно смотрит на предвыборный плакат.

— Или пан, или пропал! А может и правда, один в поле воин? Если других нет. И не врут сказки про героев, которые в одиночку побеждают зло. Тогда — «сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок»! Так сказал гений, создавший русскую культуру. Мне ли с ним спорить!

Что есть русский человек? Посередине дремучего леса, на маленькой полянке, дремлет медведь. Огромный, ленивый зверь, разъявшийся перед наступающей зимой. Вокруг копошатся мелкие зверьки. Им нечего бояться зверя, ведь он сыт. Они осторожны, эти зверьки, стараются не беспокоить дремлющего исполина. Но изредка, случайно или из баловства, царапают толстую шкуру и даже прокусывают острыми зубками. Медведь лениво рычит, трясет угловатой башкой. Зверьки в страхе затихают. Через некоторое время мелкота успокаивается и начинается обычная суета. Зверькам нравится жить в тени исполина — маленькие и слабые, им не выжить во враждебном лесу. Запах страшного зверя отпугивает хищников, заставляя держаться на почтительном расстоянии. Иногда один из маленьких зверьков забывается. То ли по неопытности, то ли по глупой бравате набрасывается на медведя и кусает изо всех сил. Медвежьей жизни ничто не угрожает, укус не наносит ни малейшего вреда здоровью зверя, но в полудреме даже слабый укол ощущается болезненно. Взбешенный, что разбудили, зверь отмахивается лапами, рычит и сметает все, до чего дотягиваются клыки и когти. Маленькие зверьки в панике разбегаются и затихают, пережидая гнев исполина. Далекие хищники, услышав рев огромного зверя, настораживаются и на всякий случай уходят подальше. Мало ли что! Но вот боль от укуса стихает, медведь успокаивается и снова впадает в блаженную полудрему. Он сыт, согрет, ему некого бояться в этом лесу. И маленькие зверьки, осмелев, подбираются ближе, прячутся в спасительной тени великана. И никто уже не хочет кусаться — зачем, ведь себе дороже! Нет, пройдет время и какойнибудь мышонок, вчера на свет народившийся, захочет проверить на прочность шкуру исполина. Все повторится и поумневший мышонок уже больше никогда не захочет кусаться. Так, разве попищать в сторонке, размахивая лапками ... если останется жив.

Пора просыпаться медведю и наводить порядок в лесу. Раз и навсегда!

Больше книг на сайте - Knigoed.net

«Другой Израиль»